

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Мордовский государственный педагогический
институт им. М. Е. Евсевьева»**

На правах рукописи

Тюганкова Елена Владимировна

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ
МОРДВЫ САМАРСКОГО КРАЯ
(СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XXI ВВ.)**

07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель – д. и. н., проф.
Беляева Надежда Федоровна

Саранск – 2014

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ САМАРСКОГО КРАЯ.....	25
1.1. Заселение и формирование этнокультурного облика.....	26
1.2. Роль мордвы в многонациональном переселенческом движении.....	42
Глава II. МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ САМАРСКОЙ МОРДВЫ.....	59
2.1. Традиционное хозяйство и связанные с ним обряды	59
2.2. Поселенческо-жилищная среда.....	82
2.3. Система питания и этикет.....	95
2.4. Национальная одежда.....	106
Глава III. ТРАДИЦИОННЫЙ ЖИЗНЕННЫЙ УКЛАД МОРДВЫ....	118
3.1. Повседневная жизнь.....	118
3.2. Празднично-обрядовая культура.....	132
Глава IV. СОВРЕМЕННОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ САМАРСКОЙ МОРДВЫ.....	147
4.1. Этнокультурные процессы в конце XX – начале XXI вв.....	148
4.2. Роль общественных организаций, национальной печати в возрождении и сохранении этнической культуры мордвы.....	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	167
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	177
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	198

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современном мире этнические и религиозные факторы играют заметную роль в жизни общества. Государства становятся все более сложными по своему составу, увеличивая свое многообразие. Данная тенденция характерна для регионов России, имеющих сложный этнический и конфессиональный состав населения, в которых идут процессы возрождения национального самосознания, наблюдается проявление сепаратизма, этноцентризма. Различные этнические общности, по мнению известного этнолога В. А. Тишкова, «это мощнейшие исторические факторы, способные вызвать и влиять на события самого высокого порядка (например, войны, конфликты, создание и распад государств, опорное культурное производство). Диаспоры – это политика и геополитика на протяжении всей истории, а в современный период – особенно»¹. Исходя из этого, изучение особенностей этнического развития и этнокультурной адаптации дисперсно расселенных национальных групп является одним из актуальных направлений изучения этнографов. Интерес к таким этническим образованиям в последние годы возрос в связи с интенсификацией в них современных этнических процессов, которые могут служить индикатором тенденций и направлений развития этносов. В равной мере это относится к мордве, являющейся одним из дисперсно расселенных финно-угорских народов. На протяжении многих веков она принимала участие в различных миграционных процессах, в ходе которых более 67 % мокшан и эрзян оказались за пределами своей титульной республики. Отколовшись от материнского этноса в различные исторические периоды, они сохранили в себе некоторые самобытные черты, исчезнувшие среди мордвы Республики Мордовия. В то же время в результате межнациональных контактов мокша и эрзя приобрели новые формы хозяйствования и черты в культуре.

---

¹ Тишков В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама», 1999–2011 гг. Оренбург, 2011.

Самая крупная мордовская диаспора сосредоточена в Самарской области, где на протяжении нескольких столетий происходило пересечение различных культур и народов. Это обусловило дисперсность расселения этносов, наличие множества контактных зон, в которых издавна наблюдалось активное межкультурное взаимодействие. Для самарского региона, с ярко выраженным полиэтничным и мультикультурным составом населения, проблемы достижения и укрепления социальной стабильности, гармонизации интересов личности, отдельных социальных групп в целом неизбежно увязываются с повышенным вниманием к взаимодействию этнических общностей и непосредственным учетом нужд и интересов всех национальностей. Особую значимость в группах этнических меньшинств на современном этапе приобретают вопросы межкультурных контактов, сохранения этнических традиций и идентичности.

Актуальность данного исследования определяется также тем, что из-за обширности ареала расселения мордвы, комплексное изучение отдельных этнотерриториальных групп на микроуровне еще не завершено. Это обусловило интерес к изучению истории и культуры самарской мордвы, выявлению механизмов и особенностей ее адаптации в условиях полиэтничной среды.

В данной работе самарскую мордву мы рассматриваем как составную часть мордовского этноса, которая в силу различных причин сложилась в некотором удалении от этнической территории, но в рамках одной историко-этнографической области.

Объект исследования – мордва Самарского края.

Предметом являются особенности социокультурной адаптации мордовских переселенцев в контексте исторических, социально-экономических и этнокультурных процессов в условиях поликультурной и поликонфессиональной среды.

Хронологические рамки работы охватывают середину XIX – начало XXI вв. Нижняя граница определена образованием Самарской губернии (1851 г.), а верхняя – современным состоянием самарской мордвы. Изучение

условий и факторов адаптации мордвы в полиэтнической и социокультурной среде невозможно без использования более ранних материалов, позволяющих проследить процессы формирования этнической картины Самарского края, повлиявшие на характер расселения мордвы, динамику ее численности, особенности материальной и духовной культуры.

Территориальные границы определены территорией Самарского края, в который в разные годы входили: Самарская губерния (1851–1928 гг. – 7 уездов: Бугульминский, Самарский, Ставропольский, Бугурусланский, Бузулукский, Николаевский и Новоузенский), Средневолжская область (1928–1929 гг. – 9 округов: Бугурусланский, Бузулукский, Кузнецкий, Мордовский, Оренбургский, Пензенский, Самарский, Сызранский, Ульяновский и 116 районов), Средне-Волжский край (1929–1935 гг. – с образованием в ее составе Мордовской автономной области и выделением Оренбургской области), Куйбышевский край (1935–1936 гг. – выделение Мордовской АССР), Куйбышевская область (1936–1991 гг. – в Тамбовскую область переданы 21 район и г. Пенза; в Пензенскую область – 7 районов и г. Кузнецк; в Ульяновскую область – 24 района и гг. Ульяновск и Мелекес), Самарская область (1991 г. и по настоящее время – 10 городов и 27 районов (Самара, Тольятти, Сызрань, Новокуйбышевск, Жигулевск, Кинель, Октябрьск, Отрадный, Похвистнево, Чапаевск; Алексеевский, Безенчукский, Богатовский, Большеглушицкий, Большечерниговский, Борский, Волжский, Елховский, Исаклинский, Камышлинский, Кинельский, Кинель-Черкасский, Клавлинский, Кошкинский, Красноармейский, Красноярский, Нефтегорский, Пестравский, Похвистневский, Приволжский, Сергиевский, Ставропольский, Сызранский, Хворостянский, Челно-Вершинский, Шенталинский, Шигонский).

Степень разработанности проблемы. Изучение самарской мордвы имеет длинную историю. Самые ранние сведения содержатся в опубликованных материалах участников Академических экспедиций, путешественников XVIII в. И. Г. Георги, И. И. Лепехина, П. С. Палласа. Это дало им возможность собрать уникальный материал по зоологии, ботанике, палеонтологии,

физической географии, экономике, истории, этнографии, культуре и быту мордвы. П. С. Палласом были предприняты первые попытки изучения вопросов происхождения, расселения, особенностей материальной и духовной культуры, формы проявления межэтнических контактов и взаимовлияний, как в целом мордвы, так и мордвы Самарского края¹.

В центре внимания научных интересов адъюнкта И. И. Лепехина стояли вопросы взаимодействия культур и народов Самарского края. Так, он отметил бытование дохристианских обрядов в традиционном быту мордвы, к числу которых относят обычаи обручения малолетних, многоженства и т. п.² Большое внимание автор уделил национальной одежде, подчеркнул любовь мордвовок к украшениям.

Религиозные верования поволжских народов весьма полно были проанализированы участником академической экспедиции И. Г. Георги. Он сделал попытку дать антропологическую характеристику мордвы, определить важнейшие компоненты материальной и духовной культуры³.

При рассмотрении повседневной культуры мы опирались на публикацию П. Матвеева, посвященную юридическому быту самарской мордвы. Автор уделяет внимание положению различных половозрастных групп в семье и обществе⁴.

Следует выделить фактически единственную работу по антропологии Н. М. Малиева⁵. Для уяснения национальных особенностей мордвы он совершил поездку по ряду сел, что дало возможность не только собрать общие све-

---

¹ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773.

² Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771.

³ Георги Г.И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1776–1777.

⁴ Матвеев П. Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1878. Т. 8. С. 27–28.

⁵ Малиев Н.М. Общие сведения о мордве Самарской губернии; их антропологический характер; поздние браки и влияние их на крепость и сложение народа. Национальные особенности черепа // Протоколы заседаний общества естествоиспытателей ими-ом Казанском ун-те. Казань, 1876–1877. Т. 9. Отд. оттиск.

дения, но и показать особенности антропологического характера, физического состояния, влияние поздних браков на формирование физического типа.

Более полные монографические исследования, посвященные мордве, стали публиковаться во второй половине XIX в., этому способствовало выделение этнографии как самостоятельной науки, возникновение научных обществ и т. п. Среди первых таких работ следует выделить монографию П. И. Мельникова, который собирал сведения о мордве, проживающей в Поволжских губерниях. Основной акцент сделан на изучение этнической истории, религиозных воззрений, мифологии. Особое внимание автор уделит миграционным процессам среди мордвы XVII в.¹

Большую роль в изучении социально-экономических и психологических причин миграций мордвы, повседневной культуры, семьи и семейных отношений, вопросов взаимовлияния окружающих ее народов играет работа В. Н. Майнова². Ее особенностью является широкое использование произведений устно-поэтического творчества, которые служили важным средством подтверждения его выводов.

Несомненный интерес представляет монография «Мордва» профессора Казанского университета И. Н. Смирнова³, где были обобщены все собранные к концу XIX в. сведения о мордве и сделаны обстоятельные выводы, касающиеся различных сторон системы жизнеобеспечения. Большой материал для своей работы автор собрал из различных источников (летописных, архивных, полевых, музейных, статистических), которые были впервые введены в научный оборот.

Немаловажное значение для решения проблем социокультурной адаптации различных переселенцев имеет работа Л. Ф. Змеева. На микроуровне он рассмотрел материальную культуру народов, проживающих в

---

¹ Мельников П.И. Очерки мордвы. Саранск, 1981.

² Майнов В.Н. Очерки юридического быта мордвы. СПб., 1885.

³ Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895.

Бугульминском уезде Самарской губернии, место и роль этнических традиций в процессе приспособления к новым условиям и иноязычной среде¹.

Особенности жизнедеятельности мордвы Самарского края в отдельно взятой общине рассмотрены И. Красноперовым². Материалы автора позволяют определить формы землевладения и землепользования, систему земледелия мордовских переселенцев.

При изучении повседневной культуры данного этноса, особенностей взаимоотношений в большой семье мы опирались на работу И. Н. Сырнева³. Отмечая особенности правового положения женщины, он подчеркивает ее нравственное влияние на мужа, через которого она участвовала в принятии важных решений.

Богатый, уникальный этнографический материал по отдельным мордовским селам Самарского края содержится в «Самарских губернских ведомостях» (далее СГВ) (издавались с 1830 г.) и «Самарских епархиальных ведомостях» (далее СЕВ) (с 1867 г.). Каждый из них имел официальный и неофициальный отделы. В неофициальной части печатались известия по губернии; способы улучшения сельского хозяйства и домоводства; метеорологические наблюдения; наличие ярмарок; данные об открытии новых учебных заведений и др. В официальной части СЕВ публиковались указы Св. Синода, известия по общецерковному управлению, распоряжения местного епархиального руководства; в неофициальной – статьи, отражавшие различные стороны церковной жизни, повседневной культуры проживающих в губернии народов. На их страницах были опубликованы работы М. Гребнева⁴, в которых дается характеристика материальной и духовной культуры самарской мордвы,

---

¹ Змеев Л.Ф. Методикотопографическое описание и статистический очерк народонаселения Бугульминского уезда Самарской губернии. М., 1883.

² Красноперов И. Мордовская община в Бугульминском уезде // Северный вестник. СПб., 1887. № 1. С. 60–75.

³ Сырнев И.Н. Распределение населения Среднего и Нижнего Поволжья по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга под ред. В.П. Семенова. СПб., 1901.

⁴ Гребнев М. Мордва Самарской губернии. Историко-этнографический очерк // СЕВ. 1886. № 20–24. С. 479–485; 1887. № 1. С. 1–7; № 2. С. 33–45; Его же. Село Фролкино или Ерзовка Бугурусланского уезда // СЕВ. 1855. №№ 22–24. С. 541–543.

семейно-бытовых отношений, статуса главы семьи, религиозно-нравственного состояния и т. п. Здесь же были напечатаны статьи И. Белореченского¹, Н. Федорова², посвященные истории и культуре отдельных мордовских сел, что дает возможность выделить общее и особенное, показать роль природно-климатического фактора.

Проблемы миграции мордвы в Самарский край нашли отражение в исследованиях А. А. Гераклитова³, М. Т. Маркелова⁴. В частности А. А. Гераклитов акцентирует внимание на роли поволжских городов, в том числе и Самары, в жизни мордвы. В поле зрения М. Т. Маркелова оказались вопросы, связанные с причинами миграций мордвы, христианизаторской деятельностью русского правительства, ролью природно-климатических условий в процессе адаптации.

Для изучения раннего этапа заселения Самарского края мордвой нами привлекались археологические работы, в частности статья А. Е. Алиховой, посвященная одному из первых поселений мордвы – Муранскому могильнику и селищу⁵. Найденные материалы могильника свидетельствуют о хозяйственной деятельности мордвы в новых условиях, межэтнических контактах и экономических связях.

Детальный анализ динамики расселения мордвы по основным регионам дан В. И. Козловым. Им проведено обобщение ранее изданных работ по данной проблеме, собран дополнительный этностатистический материал⁶.

---

¹ Белореченский И. Исторический очерк с. Лобаз Бузулукского уезда // СЕВ. 1874 г. № 12. С. 277–282; № 18. С. 428; № 19. С. 427.

² Федоров Н. Заметки о мордве с. Шенталы // СГВ. 1863. № 48. С. 321–323.

³ Гераклитов А.А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Журнал Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. Саратов, 1932. С. 2–12.

⁴ Маркелов М.Т. Избранные труды. Сост.: О. В. Дулкин и др.; Поволж. Центр культур финно-угор. народов. Саранск, 2009.

⁵ Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1. М., 1954. С. 259–301.

⁶ Козлов В.И. Расселение мордвы (исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып. 1. М., 1960; Его же. Миграция мордвы в капиталистической России // Заметки МНИИЯЛИЭ. Саранск,

Значительный материал о мордве Самарского края был собран в ходе научных экспедиций во второй половине XX в. Их итогом стали различные публикации, в том числе монографические, диссертационные работы. Особо нужно отметить монографию В. Н. Белицер «Народная одежда мордвы»¹, в которой автор определил этническую среду и возникший в ней тот или иной элемент традиционной одежды, выявил тем самым компоненты, принявшие участие в формировании мордовской культуры.

Истории заселения мордвой Самарского края, структуре и внутреннему укладу мордовских семей, материальной культуре посвящены работы В. П. Тумайкина². В своем диссертационном исследовании автор акцентирует внимание на социально-экономическое развитие соседской общины в XIX в., сельскую общину и семью, формы коллективного труда и взаимопомощи в мордовских селах, внутреннее управление сельской общиной, суды, обычаи, праздники и верования³.

Демографическая ситуация мордовского сельского населения Куйбышевской области отражена в статье В. Ф. Разживина, где зафиксированы данные динамики численности населения отдельных сел, анализ структуры межнациональных браков, приведены данные об этнической ориентации детей из национально-смешанных семей⁴.

1958. № 19. С. 173–199; Его же. Расселение мордвы в Заволжье // Мордва Заволжья. Саранск, 1994. С. 7–22.

¹ Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. М., 1973.

² Тумайкин В.П. Семья и семейные отношения у мордвы Самарской губернии в XVIII–XIX вв. // Материальная и духовная культура мордвы в XVIII–XIX вв. [Сборник статей]. Саранск, 1978. С. 77–86; Его же. Сведения по материальной культуре мордвы Куйбышевской области // Этнокультурные процессы в Мордовии. Саранск, 1982. С. 148–157; Его же. Некоторые этнографические особенности мордвы левобережья Средней Волги // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1974. С. 122–137; Его же. Из истории заселения мордвой левобережья Средней Волги (XVIII–XIX вв.) // Исследования по истории мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1971. Вып. 47. С. 73–88.

³ Тумайкин В.П. Соседская община заволжской мордвы в пореформенный период (по материалам Самарской губернии): дисс... канд. ист. наук. Саранск, 1974.

⁴ Разживин В.Ф. К вопросу о демографической структуре мордовского сельского населения Куйбышевской области (по материалам экспедиции 1976 г.) // Этнокультурные процессы в Мордовии. Саранск, 1982. С. 158–167.

Итогом научных экспедиций 1984–1989 гг. по Куйбышевской области стали как отдельные работы, так и диссертационные исследования, и коллективные монографии. В частности, семейным обрядам самарской мордвы посвящена диссертационная работа Г. А. Корнишиной, в которой рассматривается структура сельской семьи, ее основные функции, анализируется динамика роста национально-смешанных браков¹. В ряде ее работ нашли отражение традиционно-обрядовая культура, вопросы этнокультурных контактов, внутрисемейных отношений. Особый интерес представляет ее статья, в которой рассматриваются особенности религиозных воззрений мордвы Самарского края, влияния на этот процесс представителей различных христианских концессий: православия, старообрядцев, молокан, хлыстовских проповедников, дана характеристика взаимоотношений представителей отдельных религиозных общин в моноэтнической среде².

Отдельные вопросы, связанные с бытовой и празднично-обрядовой культурой, родильными обрядами самарской мордвы, нашли отражение в работах Н. Ф. Беляевой³. Автор на основе полевых материалов рассмотрел

---

¹ Корнишина Г.А. Сельская семья мордвы Самарского Заволжья: дис... канд. ист. наук. М., 1992.

² Корнишина Г.А. Традиционно-обрядовая культура мордвы. Саранск, 2007; Ее же. Этнокультурные контакты мордвы Самарского края в процессе досугового общения (конец XIX – начало XX вв.) // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность: материалы и тезисы докладов Межрег. науч.-практ. конф. Самара, 2006; Ее же. Традиционные календарные праздники в жизни мордовского сельского населения // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990; Ее же. Обрядовая культура в системе функционирования мордовского этноса // Гуманитарные науки и образование: научно-методический журнал. 2011. № 3 (7). С. 86–90; Ее же. Общее и особенное в этнокультурных контактах мордвы Мордовской АССР и Куйбышевской области // Этнические аспекты культурно-бытовых процессов в Мордовской АССР. Саранск, 1987. С. 105–120; Ее же. Конфессиональная характеристика мордвы Самарского края в контексте этнической идентичности // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия – Балканы – Поволжье: труды Междунар. науч. конф. Самара, 2008. С. 217–224; Ее же. Современные хлыстовские общины мордвы: конфессиональная и этническая идентификация // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba, 9-14. VIII. 2010. Pars VII. Dissertationes sectionum et symposiorum ad ethnologiam, folkloristicam et mythologiam. Piliscsaba, 2011. С. 78–83.

³ Беляева Н.Ф. Традиционные институты социализации детей и подростков у мордвы. Саранск, 2002; Ее же. Дореволюционный быт мордовской крестьянской семьи Заволжья // Бытовая культура мордвы. Саранск, 1984; Ее же. Традиционное воспитание детей у мордвы; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2000.

внутренний уклад и взаимоотношения в семье, распорядок дня, различные виды взаимопомощи, а также воспитание детей у мордвы.

Собранные в ходе научных экспедиций полевые материалы легли в основу коллективной монографии «Мордва Заволжья», в которой рассмотрены основные этапы заселения региона мордовским населением, материальная и духовная культура, семья и семейные обряды, социально-политические и культурные изменения в конце XX в.¹

Для изучения истории мордвы в целом большое значение имеют работы ведущих этнографов Республики Мордовия: В. А. Балашова, А. С. Лузгина, Н. Ф. Мокшина, Ю. Н. Мокшиной. В частности, сферой изыскания Н. Ф. Мокшина является этническая история мордвы, ее религиозные верования с древнейших времен до настоящего времени, межэтнические связи, вопросы формирования этноконфессиональной толерантности². Несомненный интерес представляют исследования В. А. Балашова, посвященные изучению бытовой культуры сельской мордвы, семьи и семейно-брачных отношений³. В работах А. С. Лузгина большое внимание уделяется роли и месту промыслов в хозяйственно-бытовой сфере населения, рассмотрены лучшие этнокультурные традиции в промысловой деятельности, а также их роль в системе межрегиональных и этнических отношений⁴. Семейно-брачные отношения, формы заключения браков, имущественное положение членов большой семьи достаточно подробно освещены в монографии Ю. Н. Мокшиной⁵.

---

¹ Мордва Заволжья / отв. ред. В.И. Козлов. Саранск, 1994; Мордва. Историко-этнографические очерки / отв. ред. В.И. Козлов. Саранск, 1981.

² Мокшин Н.Ф. Мордва и вера. Саранск, 2005.

³ Балашов В.А. Бытовая культура мордвы: традиции и современность. Саранск, 1992; Его же. Историография бытовой культуры мордвы // Бытовая культура мордвы. Саранск, 1989. С. 3–19; Его же. Культура и быт мордовского колхозного села (историко-этнографический очерк по материалам Zubovo-Полянского района Мордовской АССР). Саранск, 1974.

⁴ Лузгин А.С. Жизнь промыслов. Промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX – начале XX в.: этнокультурные аспекты. Саранск, 2001.

⁵ Мокшина Ю.Н. Брак и семья в обычном праве мордвы. Саранск, 2005.

Для нашей работы представляют интерес исследования самарского этнографа Т. И. Ведерниковой¹, которая акцентирует внимание на проблемы формирования и межнационального взаимодействия населения Самарской губернии на разных этапах ее заселения, показывает роль мордвы в формировании населения края. Автором привлекается широкий круг источников, включая архивные материалы, что дало возможность проследить не только расселение мордвы во всех уездах губернии, но и выявить его особенности в связи с социально-экономическими процессами, тесным взаимодействием с другими этносами.

Следует выделить работы этнографа Е. А. Ягафовой, посвященные истории и культуре этнотерриториальной группы самарских чувашей². На основе анализа различных источников автор рассматривает вопросы истории расселения чувашей в Самарском Заволжье в конце XVII–XVIII вв., некоторые особенности их быта, религиозно-обрядовой культуры, межэтнических отношений. Для нашего исследования представляют интерес данные о составе национально-смешанных селений, прежде всего мордовско-чувашских, об особенностях взаимоотношений с окружающим многонациональным населением края.

В контексте изучения этнокультурного взаимовлияния и взаимодействия в сфере материальной и духовной культуры мордвы с другими этносами представляют интерес работы Г. Б. Матвеева³, коллективная монография этнографов Республики Татарстан⁴.

¹ Ведерникова Т.И. Формирование этнически смешанного населения Степного Заволжья (Самарской губернии) в середине XVII – середине XIX в.: дисс... канд. ист. наук. М., 1981; Ее же. Расселение мордвы в Самарском Заволжье (XVII – середина XIX вв.) // Этнокультурные связи мордвы. Дооктябрьский период. Саранск, 1988. С. 38–40.

² Ягафова Е.А. Самарские чувашаи (историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX вв. Самара, 1998; Ее же. Чувашаи Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары, 2007.

³ Матвеев Г.Б. Материальная и духовная культура мордвы Чувашаии в контексте этнокультурного взаимовлияния // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Сборник статей. Самара, 2013. С. 137–141.

⁴ Этнография татарского народа. Казань, 2004.

Наряду с этнографическими исследованиями нами привлекались работы историков, посвященные вопросам колонизации края, исторического взаимодействия народов Среднего Поволжья: Г. И. Перетяткович, А. А. Преображенский, П. А. Преображенский¹. Работы этих авторов были использованы в многотомном издании, посвященному древнейшей и современной истории Самарского края². В нем дается характеристика основных этапов заселения и хозяйственном освоении территории края, показана широкая панорама участия в этом процессе русского крестьянства, украинцев, татар, мордвы, чувашей, башкир, немцев-колонистов и представителей других народов России, рассматриваются вопросы общественно-политической и культурной жизни.

Из последних исследований, посвященных истории заселения Самарского края, следует выделить статьи Ю. Н. Смирнова³. Наибольший интерес представляет публикация, в которой рассматривается роль мордвы в переселенческом движении в Ставропольском уезде.

Проблема социокультурной адаптации в этнографической и исторической науке активно стала изучаться в последние годы. Среди ученых Поволжья следует выделить исследования И. И. Бойко, Т. В. Гармаевой, А. Ф. Мельник, Л. И. Никоновой, О. А. Сергеевой, З. А. Трифионовой,

---

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII – начале XVIII вв. Очерки по истории колонизации края. Одесса, 1882; Преображенский А.А. Об историческом взаимодействии народов Среднего Поволжья и Приуралья в XVII–XVIII вв. (Исследования по истории историографии феодализма). М., 1982. С. 248–261; Преображенский П.А. Колонизация Самарского края. Самара, 1923; Его же. Исторические очерки Самарского края // Краеведение. Природа и население Самарского края. Самара, 1924. С. 174–213;

² История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX в. / под ред. П.С. Кабытова. М., 2000; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918–1998). М., 2000.

³ Смирнов Ю.Н. Мордва в многонациональном переселенческом движении на земли Самарского Заволжья в XVIII в. // В тесном соседстве: мордовский народ в истории и культуре многонационального Российского государства: материалы Межд. науч. конф. Саранск, 2013. С. 345–357; Его же. Причины и принятие решения о создании Самарской губернии: к 160-летию юбилею // Самарский край в истории России: материалы межрег. науч. конф. Самара. 2012. Вып. 4. С. 94–107.

В. Г. Харитоновой и др.¹ Основной акцент авторами сделан на изучении вопросов мотивации переселения мигрантов из Центральной и Средней Азии на современном этапе. Наряду с этим, прослеживаются условия и формы сохранения национальной культуры в иноэтничном окружении.

Вопросы изучения традиционной культуры, этнической идентичности в целом рассмотрены в работах ведущих отечественных этнографов: С. А. Арутюнова, А. К. Байбурина, Ю. В. Бромлея, В. Л. Левковича, В. В. Пименова, Н. Л. Пушкаревой, С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова². В частности, С. А. Арутюнов³ рассматривает теоретико-методологические подходы к изучению этнической культуры, подчеркивает ее роль в механизме адаптации этноса к природно-климатической среде и общественно-исторической общности, так как именно она содержит соционормативные компоненты, которые выполняют адаптивную функцию, предусматривая оптимальный вариант поведения в различных жизненных ситуациях.

---

¹ Бойко И.И., Харитонова В.Г., Шабунин Д.М. Чувашская Республика: социокультурный портрет. Чебоксары, 2001; Никонова Л.И., Гармаева Т.В., Мельник А.Ф. Диалог культур в процессе адаптации мигрантов из Центральной Азии в Республике Мордовия. Саранск, 2007; Никонова Л.И., Мельник А.Ф. Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азербайджанской диаспоры). Саранск, 2007; Сергеева О.А. Законодательная база регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. Ч. 1. С. 142–145; Трифонова З.А. Миграционная ситуация в Чувашской Республике // Миграционная ситуация и миграционная политика в современном мире. Смоленск, 2003. С. 211–219; Егже. Территориальная трансформация занятости населения Чувашии // Проблемы инновационного социально-экономического развития региона: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2006. С. 401–404.

² Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993; Бромлей Ю.В. Этнографическое изучение этнографических функций культуры // Традиции в современном обществе. Исследование этнокультурных процессов. М., 1990. С. 5–17; Егже. Очерки теории этноса. М., 1983; Егже. Этнические процессы в СССР // Вестник АН СССР. 1972. Т. 42. № 11. С. 3–11; Левкович В.П. Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С. 36–51; Маркарян Э.С. Вопросы системного исследования общества. М., 1972; Токарев С.А. Обычаи и обряды как объект этнографических исследований // СЭ. 1980. № 3. С. 26–37; Пименов В.В. Системный подход к этносу (к постановке проблемы) // Расы и народы. М., 1986. Вып. 16. С. 13–30; Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19; Чебоксаров Н.Н. Народы, расы, культуры. М., 1985.

³ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.

Из региональных исследований следует отметить работы Г. Н. Айплатова, П. В. Денисова, О. В. Егоровой, А. Г. Иванова, Е. К. Минеевой, К. Н. Санукова, Л. А. Таймасова, Г. И. Федорова, в которых основное внимание уделяется современному положению финно-угров России, проблемам культурно-языкового выживания малых народов и этнических меньшинств в полиэтничном обществе, созданию национально-территориальной автономии, аграрным проблемам народов мари, мордвы и чувашей, религиозным вопросам, в частности монастырским движениям в Среднем Поволжье.¹

Общий обзор историографии проблемы дает основание утверждать, что многие вопросы, посвященные избранной теме, не стали предметом комплексного исследования. Вне поля зрения авторов остались история культуры повседневности, роль религиозного фактора в процессе адаптации и сохранения этнической культуры, особенности современных этнодемографических и этнокультурных процессов, роль мордовских общественных организаций в сохранении традиционной культуры. Именно эти вопросы и стали предметом нашего исследования.

Целью диссертационной работы является комплексное исследование условий и факторов социокультурной адаптации мордвы в Самарском крае на различных исторических этапах, сквозь призму материальной и повседневной культуры; выявление механизмов и особенностей сохранения и раз-

---

¹ Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья: по материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда, 1625–1764 гг. Йошкар-Ола, 2000; Егорова О.В., Денисов П.В., Сануков К.Н., Федоров Г.И. Межэтнические отношения чувашей и татар. Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 20–26; Минеева Е.К. Аграрный вопрос в первые годы советской власти (на материалах мари, мордвы, чувашей) // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследования: материалы I Всерос. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. Самара, 2007. С. 292–301; Ее же. Создание национально-территориальной автономии народов мари, мордвы и чувашей // Известия Самарского центра РАН. 2007. № 2. С. 373–380; Сануков К.Н. Национальное движение и этническое самосознание финно-угорских народов России // Финно-угроведение. 1996. № 1. С. 47–51; Его же. Финно-угры и финно-угроведение. Научное издание. Йошкар-Ола, 2012; Таймасов Л.А. Монастырское движение как отражение модернизационных процессов среди многонационального крестьянства Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследования: материалы I Всерос. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. Самара, 2007. С. 210–217.

вития этнической культуры в современных условиях. Исходя из цели работы, нами ставятся следующие задачи:

- охарактеризовать процесс заселения и формирования этнокультурного облика Самарского края;
- показать роль мордвы в переселенческом движении, выявить социальную и конфессиональную принадлежность мордовских переселенцев;
- проследить влияние природно-климатических, социально-экономических, этнических факторов на традиционную хозяйственную деятельность, поселения и жилища;
- рассмотреть особенности национальной одежды, традиционной системы питания и этикета;
- охарактеризовать повседневную и праздничную культуру, роль религиозного фактора;
- проанализировать современные этнодемографические и этнокультурные процессы;
- рассмотреть роль общественных организаций и национальной печати в сохранении и развитии этнической культуры мордвы.

В качестве **источников** нами использовались архивные, статистические, полевые материалы.

Из архивных применялись фонды Российского государственного архива древних актов (РГАДА: Ф. 1209. Кн. 6468; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 45; Ф. 350. Оп. 1. Д. 157; Оп. 2. Ч. 1. Д. 1105; Оп. 2. Ч. 2. Д. 3351, 3352; Оп. 3. Д. 3011, 4265; Ф. 192. Оп. 1. Д. 2; Ф. 7. Оп. 2. Д. 611), Российского государственного исторического архива (РГИА: Ф. 515. Оп. 71. Д. 2234, 2299), Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО: Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 266; Ф. 6. Оп. 1. Д. 156; Ф. 171. Оп. 2. Д. 21, 29; Ф. 335. Оп. 1. Д. 33, 52, 73, 91, 170; Ф. 338. Оп. 1. Д. 50, 60, 70, 73). В них содержатся статистические сведения о количестве населенных пунктов, национальном составе, позволяющие проследить естественное движение мордовского населения, его соци-

альную структуру и национальный состав исследуемого региона в разные исторические периоды.

Также привлекались материалы рукописного фонда государственного учреждения «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (РФ ГУ НИИГН, И–888. Тумайкин В. П. Земледельческие обряды мордвы; И–1074. Лузгин А. С., Беляева Н. Ф., Разживин В. Ф. Отчет об этнографической экспедиции за 1983 г.).

Демографические показатели, использованные в работе, анализировались на основе данных переписей населения. В исследовании применялись материалы: девятой ревизии (1851 г.), всеобщих переписей 1897, 1926, 1937, 1959, 1970 гг., Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

В качестве источника использованы списки населенных мест Самарской губернии за 1859, 1897, 1900 гг., инородческих селений Казанского учебного округа и сборники статистических сведений по Самарской губернии, населенных пунктов Средне-Волжского края, которые дают возможность посмотреть динамику численности населенных мест и проживающих в них жителей.

Наряду с официальными и архивными документами привлекается устно-поэтическое творчество мордовского народа (далее УПТМН), которое служит иллюстративным материалом при изучении культуры повседневности, семейно-родственных отношений, празднично-обрядовой культуры, особенностей мировоззрения мордвы, места и роли дохристианских обычаев и обрядов в системе жизнеобеспечения мордвы¹.

Особую группу составляют материалы национальной периодической печати, которые в той или иной степени раскрывают особенности жизнедеятельности самарской мордвы².

---

¹ Устно-поэтическое творчество мордовского народа (УПТМН). Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск, 1982. Т. 9; УПТМН. Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981. Т. 7. Ч. 3; УПТМН. Легенды, предания, былички. Саранск, 1983. Т. 10; Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: антология / М.И. Чувашов, И.А. Касьянов и др. Самара, 2001; Саратовский этнографический сборник / составитель М.Т. Маркелов. Саратов, 1922. Вып. I.

² Вастазь чи // Валдо ойме. 2013. № 4; Ведерникова Т.И. Село Ерзовка Кинель-Черкасского района // Валдо ойме. 2013. № 3; Логинова К. XV межрегиональная

В следующую группу источников входят полевые материалы автора, собранные в поездках в 2010–2011 гг. в Клявлинском, Похвистневском, Шенталинском, Исаклинском районах Самарской области. В качестве информаторов привлекались старожилы сел, учителя школ, руководители автономий, фольклорных групп и ансамблей.

При изучении современных этнических и этнокультурных процессов использовались материалы Самарского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования за 2010–2011 учебный год, Самарского областного казенного государственного учреждения «Дом дружбы народов», Мордовских общественных организаций Самарской области.

Особая группа – это Интернет-источники – сайты Самарского статистического комитета (<http://www.samarastat.ru>) и административных единиц Самарской области (<http://www.spiridonovka63.ru>; <http://ponedelnik.info>; <http://mo-ab.orb.ru>; <http://chronograph.livejournal.com>; <http://www.shentala.ru>).

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в нем впервые на микроуровне предпринята попытка комплексного изучения истории формирования и расселения самарской мордвы, динамика ее численности в крае, выявляются особенности этнической культуры, влияние межэтнических контактов на повседневную жизнь, хозяйственную деятельность и празднично-обрядовую культуру, определяются результаты адаптации мордвы к новым природно-климатическим условиям и иноязычному окружению, показана деятельность национальных общественных организаций по сохранению и развитию этнической культуры на современном этапе.

Основные задачи диссертационного исследования решены на основе привлечения широкого круга источников, часть из которых впервые введена в научный оборот. Комплексное исследование тенденций развития этнических меньшинств в поликультурном регионе может служить дополнением к

олимпиада школьников // Валдо Ойме. 2013. № 2; Первушкина Е.Г. Сохранение и развитие мордовских (мокшанского и эрзянского) языков в Самарской области // Валдо Ойме. 2013. № 1; Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 2005. № 1; Там же. 2012. № 2; Там же. 1997. № 1; Там же. 2007. № 4; Там же. 1997. № 1.

системе научных взглядов об этих группах и создаст предпосылки для научного прогнозирования их дальнейшего развития и поведения.

Теоретическая и практическая значимость настоящего исследования заключается в использовании полученных выводов при подготовке и внедрении различных проектов по возрождению и сохранению этнических традиций, гармонизации межэтнических отношений и профилактики конфликтов, выработке механизмов взаимодействия этнических общественных организаций с государственными органами власти, а также в популяризации традиций мордовского этноса. Материалы могут быть востребованы в преподавании дисциплин национально-регионального компонента, деятельности Самарских региональных общественных организаций по возрождению и сохранению мордовского языка и культурных традиций.

Методологической основой стали работы этнографов, внесших существенный вклад в разработку проблем, связанных с темой исследования: С. А. Арутюнова, А. К. Байбурина, Ю. В. Бромля, В. Л. Левкович, Э. С. Маркаряна, С. А. Токарева, В. В. Пименова, Н. Л. Пушкаревой, Н. Н. Чебоксарова.

Методологической основой данной диссертации является изучение поставленной проблемы с помощью междисциплинарного подхода, анализа взаимосвязей различных контекстов вынужденной миграции: демографического, этнического, социального.

В работе использовались следующие методы:

- сравнительно-исторический, позволяющий раскрыть процесс расселения мордвы в Самарском крае, показать особенности их этнической культуры по сравнению с мордвой других регионов, отметить ее этнокультурные связи с другими народами, проследить этапы эволюции культуры самарской мордвы;
- структурно-функциональный метод, который дает возможность проследить исторические напластования в этнических представлениях, определить их место и значение в общественной жизни;

– для изучения современного состояния материальной и духовной культуры мордвы, этнической идентичности был применен метод полевой этнографии: непосредственного наблюдения и опроса, которые помогут реконструировать уже несуществующие архаичные элементы религиозных верований и обрядовой культуры мордвы, осветить их функционирование в прошлом и показать их современное состояние.

Из новых подходов для данной работы представляется социокультурный. Его значение особенно велико для реконструкции традиционных норм общественного сознания, характерных для разных этапов исторического развития. Нами применялись: принцип историзма, который предполагает изучение всякого явления в его генезисе и динамике, конкретно-исторической обусловленности и индивидуальности; принцип объективности, предполагающий всесторонний охват изучаемого явления, с целью выявления его сущности и применение всей совокупности различных методов для получения из исторических источников обширной информации, также был применен этнографический метод (наблюдения, историко-архивные изыскания, опросно-социологический анализ, полевые работы).

Кроме того, в ходе исследования были использованы общенаучные методы: анализа, синтеза, обобщения, позволяющие выявить общее и особенное в традиционной культуре, современном состоянии самарской мордвы, а также статистический метод, с помощью которого было проведено изучение количественных показателей в разные исторические периоды.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Самарский край на протяжении нескольких столетий был местом пересечения различных культур и народов, широкомасштабных миграционных процессов, результатом которых стало формирование полиэтничной среды, различных этнических зон, смешение этнокультурных традиций, активное межкультурное взаимодействие, и как следствие этого – быстрая аккультурация этносов.

2. На протяжении XVII–XXI вв. мордовский народ является составной частью народонаселения края, неизменно входя в пятерку наиболее многочисленных этносов. Основная доля переселенцев происходила в форме вольной крестьянской колонизации. В результате длительных миграций расселение мордвы приобрело смешанный характер.

3. Следствием адаптации к новой экологической среде, новому социальному и национальному окружению явилось создание своеобразных хозяйственных и культурных форм. Проживая в соседстве с другими народами, мордва имела сходный тип хозяйства, жилых и хозяйственных помещений. Этническая специфика проявляется в обустройстве жилища, обрядах при их возведении, в большей степени – в одежде, бытовой и праздничной культуре. Вплоть до начала XX в. бытовали отдельные элементы дохристианских обычаев и обрядов, традиционные формы общения и поведения, семантический статус ряда ритуальных блюд, природных объектов.

4. Повседневная культура основывалась на самобытности, прочности, общности интересов, авторитарности и патриархальности, четком возрастном и половозрастном разделении труда, жестком принципе старшинства. Важнейшую роль играл религиозный фактор. Мордовская деревня до начала XX в. оставалась носителем традиционной культуры. Развитие товарно-денежных отношений и влияние города вносили в крестьянскую повседневность существенные перемены.

5. Календарные праздники и обряды сохраняли многие компоненты дохристианских представлений, служили способом передачи накопленного многими поколениями богатейшего опыта народа, традиционной культуры, широко использовались как средство упрочения единства этноса, его менталитета и национальной идентичности. Праздники и обряды служили также важной формой общения, что способствовало культурному диалогу, формированию этнокультурной толерантности. На современном этапе празднично-

обрядовая культура является одним из важнейших способов возрождения и сохранения этнической специфики, национального менталитета.

6. Модернизационные и урбанистические процессы, этноэволюционные и этнотрансформационные изменения привели к ломке традиционного уклада, семейного быта, норм поведения и форм общения. Существенное влияние оказывали и межнациональные контакты, совместное проживание в многонациональных селах, которые приводили к нивелировке этнических признаков. В тоже время отдельные элементы традиционной культуры, исчезая с поверхности, продолжали оказывать влияние на мировоззрение мордвы.

7. Основными направлениями современных этнических процессов являются этническая ассимиляция и межэтническая интеграция, что привело к снижению численности мордовского населения, узости функционирования этнической культуры, девальвации этнического своеобразия и этнического самосознания. В настоящее время большая роль в возрождении национального самосознания, этнической культуры принадлежит национально-культурным организациям и автономии, созданные представителями мордовской диаспоры, которых объединяет стремление помочь своему народу найти пути выхода из его кризисного положения, решить проблемы преподавания языков, истории и культуры. Под влиянием их деятельности наметились позитивные изменения, выразившиеся введением в образовательный процесс дисциплин этнокультурной направленности, созданием фольклорных групп и ансамблей, проведением широкомасштабных национальных фестивалей, дней культуры, презентаций национальной литературы и т. п.

Апробация результатов. Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в 11 научных статьях, три из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК РФ; обсуждены на Международной научно-практической конференции «Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития» (Саранск, 2008 г.), Всероссийских научно-практических конференциях «45-е и 46-е Евсевьевские чтения» (Саранск, 2009, 2010 гг.), Всероссийской научно-

практической конференции с международным участием «Роль интеллигенции в социуме: традиции и современность» (Саранск, 2010 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Казань, 2010 г.), IX Конгрессе этнографов и антропологов России (Петрозаводск, 2011 г.), XIV Научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (Саранск, 2010 г.). Материалы исследования включены в преподавание курсов по выбору и факультативов «Народы Поволжья в контексте всемирной истории», «Этнические традиции воспитания детей у мордвы», «Финно-угры России», «Этническая история и культура мордвы» в высших учебных заведениях г. Саранска.

С 2009 по 2011 гг. автор являлся исполнителем проекта Федеральной целевой программы «Научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по теме: «Культурный диалог в полиэтничном пространстве».

Структура. Поставленная цель и задачи определили структуру работы, которая состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и приложения.

ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ САМАРСКОГО КРАЯ

В первой главе рассматриваются вопросы, связанные с заселением и освоением территории края, формированием его этнокультурного облика, анализируются место и роль мордвы в многонациональном переселенческом движении.

Самарский край формировался как поликультурный и поликонфессиональный регион, где в течение нескольких веков происходило активное взаимодействие и взаимовлияние различных этносов. Фактор многонациональности и многоконфессиональности связан с особенностями его освоения. Этому способствовали благоприятные природно-климатические условия, наличие природно-хозяйственных ресурсов, создание стимулов для колонизации строительством оборонительных линий, посредством льгот переселенцам, поддержкой со стороны местных властей. Все это ускорило интеграцию Самарского края в Российское государство, ставшего одним из ведущих хозяйственных центров.

В освоении региона большая роль принадлежит мордве, являющейся одним из многочисленных этносов края. Расселение мордвы имеет свои особенности, что требует изучения и анализа. В связи с этим в работе исследуется доля мордовских переселенцев в разные отрезки времени, мотивы, побуждавшие их к массовым переселениям и выбору конкретной территории заселения, что дает возможность к пониманию распространенных среди них социальных и культурно-бытовых явлений. Это, в свою очередь, предполагает опору на материалы переписей, статистических данные, списков населенных мест, статьи публицистического характера. Источниковая база позволяет расширить исследования по данной теме.

1.1. Заселение и формирование этнокультурного облика

История Самарского края уходит в глубокую древность. Самара на Средней Волге как поселение «Самар» известна с середины XIV в. Согласно преданию, это место в 1357 г. посетил митрополит Московский Святитель Алексей по дороге в г. Сарай. Восхищенный природой и удобным положением поселения, он предрек: «Здесь будет город великий, в коем просияет благочестие, и никогда оный город разорению не будет подвержен»¹. Его слова оказались пророческими. Особенности природных условий – пограничье степей и лесов на берегах Волги, водный путь между народами Востока и Запада – обусловили и особенности исторического развития, как Самары, так и края. До 1521 г. она оставалась поселением-пристанью, считалась древним центром русских людей на Средней Волге, с существующими летними кочевьями степняков, угодьями мордвы, чувашей и татар, которые приезжали «наездом», и редкими казачьими стоянками. В 1584 г. по приказу Федора Иоановича в 20 верстах от древнего поселения-пристани Самар, был построен государев город-крепость Самара, ставший центром рыбацкой и казацкой деятельности. Укрепленный город, расположенный на луговой стороне Волги, приобретал важное стратегическое значение на особом участке юго-восточной окраины Русского государства.

В конце XVI – начале XVII вв. здесь стали появляться первые постоянные селения беглых русских крестьян, мордвы и чувашей, уходившие со своих родных земель на Волгу в поисках лучших условий².

В первой трети XVII в. выделились основные центры формирования постоянных поселений: первый сосредотачивался в восточной части Самарской Луки; второй – Надеинское Усолье – западной. Первая была очень удобна для расселения, так как со всех сторон ее защищали: широкая акватория волжской

---

¹ Святый Алексей. Митрополит Московский и всея России, чудотворец // СЕВ. 1886. № 17. С. 248.

² История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века / под ред. П.С. Кабытова. М., 2000. С. 89.

излучены, труднопроходимые горы и леса, а также гарнизон крепость Самара. Именно здесь стали возникли самые первые русские селения – Рождествено, Подгоры, Ильинское¹. Первое упоминание о д. «под Лысой горой», т.е. о Подгорах, относится к концу 20-х гг. XVII в. К западу стали строить караулы, чтобы защищать жителей этих селений от внезапного прихода «воинских людей». Под защитой одного из таких караульных острожков возникла д. Ново-Подкараульная. Деревня Выползово была основана жителями из уже возникших селений, рядом с д. Подгоры. Именно эти селения и стали начальным ядром старейших русских селений в данном крае. Как правило, они располагались на открытом месте, рядом с пашнями. Почти одновременно появились маленькие деревеньки чувашей, например Борковка. В отличие от русских поселений, они занимали неудобья: места за лесами и буераками, среди гор и т. п. В конце 30-х–40-х гг. XVII в. во всех этих селениях насчитывалось 210 дворов². Костяк самарских сел и деревень составляли бывшие беглые. Их численность росла достаточно быстро. Так, по данным 1646 г. только русское население восточной части Луки составило более 300 дворов³.

В 30-е гг. XVII в. на западе Самарской Луки рядом с соляными источниками возникли слободы Верхнеусольская, Нижнеусольская, Усольская и хорошо укрепленный городок. Здесь обосновались работные люди из Соли Камской Костромского уезда; крепостные крестьяне, слуги и прислужники гостя Надеи Светешникова. По его имени вся местность и получила название Надеинское Усолъе. Большинство жителей этих мест составили беглые, «гулящие» люди, пришедшие «своей охотой», в основном чуваша. В середине 40-х гг. здесь насчитывалось более 100 человек⁴.

В 1640-х гг. появляются небольшие помещичьи деревни в центральной части Самарской Луки: Моркваша, Осинный Буерак, Ширяев Буерак, рас-

---

¹ Куйбышевская область. Историко-этнографические очерки. Куйбышев, 1957. С. 23.

² История Самарского Поволжья... XVI – первая половина XIX века. С. 90.

³ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 6468. Л. 25–67.

⁴ История Самарского Поволжья... XVI – первая половина XIX века. С. 90.

положенные в защищенных местах и отделенные от основного населения России кочевьями степных народов.

В 50-е – начале 80-х гг. XVII столетия Самарская Лука оставалась основным и единственным районом формирования оседлого населения. Наиболее интенсивно осваивалась ее центральная часть. Так, в Надеинском Усолье наряду с русскими, селились чуваша (дд. Старый Теплый Стан, Новый Теплый Стан на Ногайском ключе и др.)¹.

На рубеже XVII – XVIII вв. служилыми людьми было освоено Сызранское правобережье. Ими были созданы Печерская, Усинская, Подвалья, Губино и др. слободы. На волжском побережье – крупные монастырские поселения: Новодевичье, Городище (ныне г. Октябрьск); в глубине района, западнее Сызрани – Кузьмодемьянское (ныне с. Старая Рачейка) и Студенец, помещичьи села и деревни – Дмитриевка, Троицкое, Борогодское².

В западной части Самарской Луки также стали возникать новые селения: Кольцово, Валы, Большая и Малая Рязань³. К концу XVII в. чувашами был образован ряд селений на левобережье, в частности Сускан, Хрящевка и др.⁴

К этому же периоду относится существование нескольких десятков чувашских и татарских деревень: починок Адам, Починок, Мехедерово, а также русские – Бряндино, Русский Мелекес, Тинарка и др.⁵

В конце XVII в. изменяется отношение к вольной колонизации. Значительное распространение приобретает перевод крестьян из центральных уездов в приволжские вотчины, пожалованные феодалам. Наряду с этим начинается процесс переселения крестьян вместе с их владельцами. Это привело к формированию новых форм поселений: слобод служилых людей с большими земляными наделами, которые обзаводились своими церквями.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Ч. XXXVI. Самарская губерния. Центральный Статистический Комитет Министерства Внутренних дел. СПб., 1904. С. 63.

² История Самарского Поволжья... XVI – первая половина XIX века. С. 90.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1105. Л. 36–53 об.; Оп. 1. Д. 157. Л. 435–462.

К этому времени Самара становится не только дозорно-сторожевой крепостью на юго-восточной окраине России, но и городом торгово-экономической связи с народами Заволжья и государствами Азии. В нее приезжало много купцов, поставщиков различных товаров и откупщиков, собиравших пошлины. Городской ранг явился как бы признанием возросшего социально-экономического значения Самары на луговой стороне Волги. Возвышение ее также связано со строительством укрепленных линий в XVII – начале XVIII вв., что в известной степени обезопасило Заволжские степи от набегов кочевников и дало толчок к интенсивной как помещичьей, так и вольной колонизации¹.

В XVIII в. с изменением внутривосточной обстановки в России изменяется значимость многих поволжских городов-крепостей как оборонительных центров. В 1708 г. Самара была включена в Казанскую губернию, в составе которой находилась до 1780 г. 15 сентября того же года Екатерина II учредила Симбирское наместничество из 13 уездов, одним из них оказался Самарский; с 1796 г. Самара становится уездным городом Симбирской губернии². К этому времени в ней «было 634 обывательских дома, 9 лавок, 889 жителей м. п. по 3-й ревизии, в том числе купцов (об. пола) 84 человека. 5-я ревизия 1797 г. зафиксировала уже 3809 душ»³.

Именно это столетие характеризуется новым этапом освоения земель, как на южных, так и на юго-восточных окраинах России. Этому способствовали петровские реформы, направленные на вовлечение новых регионов в единую политическую, социально-экономическую и культурную систему.

Значительную роль в освоении Самарского края сыграла политика христианизации инородцев Поволжья. Именно в XVIII в. начинается массовое обращение в православие, которое нередко сопровождалось активной руси-

¹ Фирсов Н.Н. Колонизация Волжско-Камского края и связанная с ней политика. Казань, 1930. С. 9; Тумайкин В.П. Соседская община заволжской мордвы в пореформенный период (по материалам Самарской губернии): дисс... канд. ист. наук. Саранск, 1974. С. 27–28.

² Трех-вековая годовщина города Самары // СЕВ. 1886. № 17. С. 367–368.

³ Там же.

фикаторской политикой, насильственной христианизацией. Вскоре эта политика стала одной из причин роста антиправительственного, антицерковного и антифеодального протеста народов Среднего Поволжья, которая приобретает форму открытых выступлений и массового бегства в Заволжье. Следует отметить, что именно в это время южные районы заселились сектантами, старообрядцами, молоканами¹.

В XVIII в. в связи проведением подушных переписей и введением паспортов изменяются категории переселенцев: сокращается число вольных людей и усиливается приток беглых помещичьих, государственных и дворцовых крестьян. Следует отметить, что русские переселенцы были в основном дворцовыми, татары – служилыми, чувашаи – ясашными².

Как и в XVII в. заселение Самарского края осуществлялось представителями разных национальностей, вероисповеданий, сословной принадлежности. Этническая специфика отражалась при выборе поселенческо-жилищной среды. Так, русские предпочитали открытую местность, благоприятную для занятий земледелием. Мордва, чувашаи выбирали места неподалеку от рек, водоемов, лесных массивов, чтобы сохранить традиционные виды деятельности: рыболовство, бортничество и охоту. Например, в начале XVIII в. в районе Большого и Малого Черемшана и их притоков существовало несколько десятков мордовских, чувашских и татарских деревень: Студеный Ключ в вершине Малого Черемшана, починок Адам, чувашские деревни Починок и Мехедерово р. Савруш, Табурная, Кондакова³.

Этническая картина формирования края формировалась на основе мирного расселения различных народов, как на свободных, так и на приобретенных землях, в частности, у башкир. В численном отношении преобладало русское население. Например, в Ставропольском уезде их число составляло

---

¹ Куйбышевская область. 1957. С. 23.

² РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 611. Л. 170 об.–176.

³ Куйбышевская область. 1957. С. 35; РГАДА Ф. 192. Оп. 1. Д. 2.

2203 душ м. п., чувашей – 1656 душ м. п. На крестьян остальных национальностей приходились лишь доли процентов от всего населения¹.

Сплошные массивы этнических поселений сложились в центральных и северных уездах края. Здесь происходило перемешивание русских и чувашских сел. Местом компактного проживания татар были восточные и северные уезды.

Названия населенных пунктов сохранили имена первопоселенцев. Так, в Шенталинском районе русскому с. Подлесная Андреевка дано имя от Андрея Лукоянова, в Похвистневском – чувашским сс. Ибряйкино – Бориса Алексева (языческое имя Ибряй Избеков), Аверкино – Аверьяна Андреева (Аверка Фединикин), Ганькино – Гаврила Степанова (Ганик Яшкин). Село и райцентр Клявлино сохраняет память о Клевле Чюрекееве (Василий Иванов в крещении), а сс. Исаклинского района Саперкино и Большое Микушкино – Сапера Тоимекеева (Савелия Борисова) и Микушки Охонкина (Ивана Семенова). Современное с. Самсоновка Исаклинского района в старину имело второе название – Иштулкино, по имени Иштула Ахметева. Старое Якушкино Сергиевского района названо по имени не самого первопоселенца Яниша Якушина, а его отца².

В освоении земель по течению Большого Иргиза приняли участие эмигранты-раскольники из Польши. Вместе с выходцами из российских рубежей здесь обосновалось и значительное число беглых из внутренних губерний страны, которые заселили одно из первых иргизских селений – «Овсяный Гай, что у мостов на Яицкой дороге» (ныне с. Мосты Пестравского района)³.

В конце XVIII в. молокане, выходцы из Саратовской губернии, в будущем Николаевском, южной части Бузулукского уездов основали несколько поселков и хуторов, в частности, Канаевка, Константиновка, Хворостянка,

---

¹ Смирнов Ю.Н. Мордва в многонациональном переселенческом движении на земли Самарского Заволжья в XVIII в. // В тесном соседстве: мордовский народ в истории и культуре многонационального Российского государства: материалы Межд. науч. конф. Саранск, 2013. С. 349.

² История Самарского Поволжья... XVI – первая половина XIX века. С. 95.

³ Павлов Ю.П. Предания старины далекой // Самарская область. Этнос и культура. 2007. № 2. С. 4.

Острая Лука, Сухая Вязовка, Яблонево-Овраг, Богдановка и др.¹ Общее число молокан составляло 970 душ об. п.² В 1809 г. на реке Съезжей они построили первые 10 дворов в Алексеевске (Землянке)³.

С ростом селений в них обустроивались владельческие дворы, примитивные оборонительные сооружения, храмы. С возведением церкви деревня меняла свой статус и переходила в разряд сел. Например, д. Подгоры по названию церкви получила новое название – с. Ильинское, по той же причине Ново-Подкараульская стала с. Архангельским⁴.

В центральной и западной частях Самарской Луки поток переселенцев основывал новые деревни, а в подгорной восточной части оседал в старых селах – Рождествене, Подгорах и др.

В XVIII в. в Самарском крае наряду с помещичьей была широко распространена государственная собственность на землю. За пользование казенными участками жившие на них крестьяне платили подати и несли повинности в пользу государства. Селения государственных крестьян встречались повсюду в крае. Они принадлежали к разным сословным категориям: ясачным и черносошным крестьянам, отписным и «не помнящим родства», однодворцам и пахотным солдатам, новокрещенным «иноверцам». Пашни и уголья разных категорий государственных крестьян имели различный юридический статус, неодинаково обкладывались платежами и повинностями.

В течение последней четверти XVIII – начале XIX вв. переселенческие потоки направлялись дальше на восток и юг. В середине XIX в. население Заволжья в пределах будущей Самарской губернии составило 1512291 человек. Особенно интенсивно заселялись южные степные уезды края (Бузулукский, Николаевский и Новоузенский), а также ранее освоенные Самарский, Ставропольский, Бугульминский, Бугурусланский⁵.

---

¹ Кудерева С.Н. Как заселялась Пестравская земля // Самарская область. Этнос и культура. 2007. № 2. С. 9.

² История Самарского Поволжья... XVI – первая половина XIX века. С. 97.

³ Там же. С. 184.

⁴ Там же. С. 185.

⁵ Там же. С. 196.

1 января 1851 г. губернским указом Самара получает статус губернии, в состав которой вошли 7 уездов: Бугульминский, Самарский, Ставропольский, Бугурусланский, Бузулукский, Николаевский и Новоузенский уезды.¹ Площадь новой губернии составляла 3063,01 кв. мили, или 148203,5 кв. верст². В нее входило 2022 населенных пункта, из них городов 8, в том числе 1 губернский, 6 уездных и упраздненный г. Ставрополь. Согласно данным девятой ревизии 1851 г. в губернии проживало 1320108 человек³. В 1856 г. численность городского населения составляла 3,19%, сельского – 96,81%. Населенные пункты подразделялись следующим образом: сел – 437, деревень – 1046, селец – 203, колоний – 70, хуторов и выселков – 233 и селение (городок) при Сергиевских минеральных водах⁴.

В дореформенной половине XIX в. поток переселенцев двигался в 2-х направлениях: первое – с запада (из Симбирской и Саратовской губерний – более отдаленных) через Волгу на левобережные ее притоки; второе – с севера и северо-востока (из Казанской и Уфимской губерний) навстречу первому на юг. Представители народов Поволжья сосредотачивались в Бугульминском, Бугурусланском, Ставропольском и на севере Самарского уездов, тогда как русские, составляя большинство, оседали повсеместно⁵.

В 1848 г. заселялись участки по р. Степной Чесноковке выходцами из Пензенской и Новгородской губерний. Весной 1849 г. образовались первые сельские общества – Николаевское, выше по течению – Вязовское и Троицкое, по реке Кандабулак – Петропавловское.

К 1855 г. на Самаро-Ставропольские казенные земли переселились 453 семейства в числе 2127 душ м. п. и 1828 душ ж. п. из Владимирской, Курской, Новгородской, Рязанской, Пензенской и Тульской губерний⁶.

---

¹ Открытие губернии // Самарская Лука. 2011. № 18. С. 25; Кеппен П. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 году. СПб., 1857. С. 201.

² Кеппен П. Указ. соч. С. 201.

³ Там же. С. 115–116.

⁴ Там же.

⁵ История Среднего Поволжья. Самарская летопись.

⁶ Там же.

Особенно насыщенным считался юг Заволжья: Бугурусланский уезд – 69 % новых поселений, Николаевский – 71 %, а в Бугульминском – только 26 %. В Бузулукском уезде самым интенсивным периодом был с 1816 по 1834 гг. (между 7-й и 8-й ревизиями), когда возникло 160 новых поселений на востоке и юге уезда; с 1834 по 1848 гг. – 35, в 1850-х гг. – 9¹.

Переселенцы из 24 губерний составили население Бузулукского уезда: русские и мордва, беглые солдаты, молокане, крестьянские ходоки. В честь них назывались населенные пункты: Павло-Антоновка, Три-Михайловка и др.²

В первой половине XIX столетия из селения Осиновый Гай, созданном татарами из Саратовской губернии еще в конце XVIII в., образовалась целая Осиново-Гайская волость. По данным 8-й ревизии (1834 г.) в Новоузенском уезде было зафиксировано 18162 души м. п. и 19067 ж. п. В дальнейшем, к середине 40-х гг. переселилось около 5 тыс. человек, около 500 было временных и несколько тысяч ежегодных «сезонников». Казенных селений в этом уезде было 75, из них 26 сел и деревень, 9 мелких сельцов и 40 хуторов³.

Наряду с крестьянами Самарскую губернию заселяли выходцы из германских земель Вюртемберг, Баден, Пфальц и Саксония, а также из Швейцарии. Всего за 64 г. (с 1800 по 1864 гг.) здесь появилось 74 новые колонии по берегам рек Большой Караман, Еруслан, Нахой. В 1859 г. заселились эстонцы и пленные кавказские горцы (натухайцы) (д. Лятошинка)⁴.

В 1812 г. по решению правительства в Бугульминский уезд заселились пленные французы, пахотные солдаты, служилые татары. К середине столетия население уезда было многонациональным: башкиры, мещеряки и тептяри, русские, мордва, чуваша и вотяки, татары⁵. В других уездах наблюда-

---

¹ История Самарского Поволжья... XVI – первая половина XIX века. С. 196.

² Там же. С. 197.

³ Там же. С. 201.

⁴ Там же. С. 196.

⁵ Федоров Н. Заметки о мордве села Шенталы // СГВ. 1863. № 48. С. 321.

лась подобная картина, например, в с. Лобаз Бузулукского уезда проживало 2607 человек русских и мордвы¹.

Таким образом, в результате колонизационных и миграционных процессов Самарский край сформировался как полиэтничный и поликонфессиональный регион. По данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. в пределах Самарской губернии проживало 2751336 душ об. п.², большая часть из которых (94,3 %) проживала в деревнях и селах, крестьянствовала. В этническом отношении преобладали русские. Их доля составила 63,1 %, малороссов – 4,5 %, поляков – 0,07 %, немцев – 8,0 %, эстов – 0,03 %, татар – 8,8 %, башкир – 1,7 %, мордвы – 9,8 %, чувашей и вотяков – 3,6 %, евреев – 0,1 %, прочих национальностей – 0,3 %³. Если рассматривать сословную структуру губернии, то крестьян всех наименований (в т.ч. и немцев колонистов) насчитывалось 87,7 %; военных (регулярных, отставных и запасных) – 6,3 %; мещан – 5 %; духовенства – 0,5 % (в том числе христианского исповедания – 0,4 % и нехристианского – 0,1 %); почетных граждан и купцов – 0,3 % и дворян – 0,2 %⁴. В конфессиональном отношении православных и единоверцев – 77,3 %; раскольников разных сект – 3,5 %; католиков – 2,1 %; лютеран – 6 %; магометан – 10,8 %; евреев – 0,1 % и идолопоклонников – 0,2 %⁵.

Социальная структура Самарской губернии была достаточно пестрой. Численность дворянского сословия составляла 2991 человек, из них 1598 – потомственных. Духовенства разных конфессий насчитывалось 10204, купечества – 12573, мещан и цеховых – 40985, регулярных войск – 4055, иррегулярных войск, т.е. казаков, башкир и их семейств – 57454, бессрочно-отпускных и отставных нижних чинов, солдаток, солдатских вдов и дочерей –

¹ Белореченский И. Исторический очерк села Лобаз Бузулукского уезда // СЕВ. 1874. № 19. С. 427.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи. С. 63.

³ Список населенных мест Самарской губернии, составлен в 1900 году секретарем Самарского Губернского Статистического Комитета И.А. Протопоповым. Самара, 1900. С. 2–3.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

37057, иностранных поселенцев или колонистов – 88992, исключенных из разных ведомств и вольноотпущенных, не причисленных ни к какому сословию – 3917, иностранных подданных – 127. По вероисповеданию преобладали православные христиане – 1283420 человек, из других конфессий были представлены мусульмане – 152908, лютеране – 57112, католики – 31516, иудеи – 125¹. Сохранялось, хотя и преследовалось властями язычество – 3756².

К концу XIX столетия Самарский край сохранял свое культурно-национальное и бытовое многоцветие, обладал самым крупным в регионе положительным миграционным балансом. Из отдаленных губерний больше всего крестьян дали Тамбовская, Нижегородская, Курская, Рязанская и Владимирская, из соседних – Симбирская, Саратовская, Пензенская и Казанская. По уездам число переселенцев было наибольшим в Новоузенском – 64463, Самарском – 60571, Николаевском – 42459, Бузулукском – 35072, Бугурусланском – 17235, Ставропольском – 14157, Бугульминском – 11017³. Этнографическая картина была следующей: русских – 64,5 %, мордвы – 8,7 %, немцев – 8,2 %, татар – 6 %, украинцев – 4,3 %, чувашей – 3,3 %⁴.

За 50 лет существования в качестве губернского центра Самара становится динамично развивающимся экономическим регионом. Здесь появляются крупные промышленные заводы, постепенно увеличивается рост индустриального производства. Одним из крупнейших заводов, сохранившийся и до нашего времени, был завод Бенке, позднее Станкостроительный. Наблюдается неуклонный экономический рост города, особенно с окончанием строительства оренбургской железной дороги в 1877 г. С этого момента самарцы получили возможность ездить прямым сообщением в Москву через Сызрань, Пензу, Тулу.

В начале XX в. численность населения губернии продолжала увеличиваться. Так, к началу 1916 г. на этой территории проживало 3986700 человек,

---

¹ Список населенных мест Самарской губернии. С. 2–3.

² Там же.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. С. 64.

⁴ История Самарского Поволжья... XVI – первая половина XIX века. С. 38.

в том числе в городах – 7,1 %, в деревнях – 92,9 %¹. Губернию населяли: русские – 68,3 %, татары – 10,7 %, чувашаи – 3,5 %, украинцы – 4,2 %, немцы – 7,8 % и прочие народности – 0,6 %². По переписи 1926 г. численность населения губернии составляла 4281,3 тыс. человек³.

Неоднократно менялось и административно-территориальное деление Самарского края⁴. Так, в 1928 г. Самара становится центром Средневолжской области, ставшим одним из крупнейших экономических районов РСФСР на базе Самарской, Оренбургской, Пензенской и Ульяновской губерний. Область подразделялась на 9 округов: Бугурусланский, Бузулукский, Кузнецкий, Мордовский, Оренбургский, Пензенский, Самарский, Сызранский, Ульяновский и 116 районов⁵. В 1929 г., в связи с образованием в ее составе Мордовской автономной области, она была переименована в Средне-Волжский край. Административные преобразования продолжались и в дальнейшем. В конце 1934 г. из Средне-Волжского края выделилась Оренбургская область. К ней отошла почти четверть территории края, с более чем полуторамиллионным населением, десятками предприятий, сотнями колхозов, многими совхозами⁶. В 1935 г. Самара была переименована в Куйбышев, а Средне-Волжский край – в Куйбышевский. В состав края вошли правобережные территории Волги в районе Сызрани. Здесь постепенно стал формироваться еще один промышленный узел, представленный пищевой, машиностроительной, позже химической промышленностью. В 1936 г. была выделена Мордовская АССР⁷ и край был переименован в Куйбышевскую область⁸.

---

¹ Куйбышевская область. 1967. С. 7.

² Там же.

³ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. М., 1929. Т. 9. С. 87.

⁴ История Самарского Поволжья... XVI – первая половина XIX века. С. 7.

⁵ Минеева Е.К. Создание национально-территориальной автономии народов мари, мордвы и чувашей // Известия Самарского центра РАН. 2007. № 2. С. 378

⁶ Куйбышевская область. 1983. С. 117.

⁷ Минеева Е.К. Аграрный вопрос в первые годы советской власти (на материалах мари, мордвы, чувашей) // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследования: материалы I Всерос. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. Самара, 2007. С. 300.

⁸ Куйбышевская область. 1983. С. 118.

По постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1937 г. из Куйбышевской области во вновь образованную Тамбовскую были переданы 21 район и г. Пенза. В составе Куйбышевской области осталось 65 районов, 6 городов (Куйбышев, Ульяновск, Сызрань, Мелекес, Чапаевск и Кузнецк) и 15 рабочих поселков. В феврале 1939 г. 7 районов и г. Кузнецк из Куйбышевской области перевели в состав вновь созданной Пензенской области. В январе 1943 г. образована Ульяновская область. Ей было передано 24 района и гг. Ульяновск и Мелекес¹. С тех пор границы Куйбышевской области остались неизменными.

В послевоенные годы впервые было зафиксировано уменьшение численности как в целом по стране, так и области. По данным всероссийской переписи населения 1959 г. в области насчитывалось 2248,6 тыс. человек².

В 50–80-е гг. в области оформилось несколько мощных промышленных узлов, которые были тесно связаны практически со всеми народнохозяйственными центрами Советского союза, оборонным сектором. В начале 1970-х гг. в городах области насчитывалось 360 промышленных предприятий, более 40 производственных объединений. Крупные предприятия машиностроительной, приборостроительной и металлургической отраслей располагались в Самарском промышленном узле. Здесь же были сосредоточены ракетно-авиационное, химическое производства, предприятия деревообрабатывающей и легкой промышленности. Наиболее зримо научно-технические достижения были видны в работе мощного аэрокосмического комплекса, где проектировались и выпускались самолеты, ракеты-носители, ракетно-космические комплексы³.

Куйбышевская область была крупным транспортным центром СССР. Она имела более весомый и разнообразный промышленный потенциал, чем в среднем по России. Здесь пересекались многие транспортные магистрали, была сосредоточена мощная научная и технологическая база. Все это созда-

---

¹ Куйбышевская область. 1983. С. 113.

² Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 137.

³ История Самарского Поволжья... XX век (1918–1998). С. 193.

вало достаточно благоприятные условия для перехода экономики области на новые способы хозяйствования.

За годы советской власти Куйбышевская область из аграрной губернии, вывозившей на внутренний и европейский рынок исключительно зерно и муку, превратилась в один из наиболее развитых промышленных районов страны. Все это способствовало увеличению численности населения и к 1970 г. в губернии насчитывалось 2750,9 тыс. человек¹.

Таблица 1.1

Национальный состав населения (в тыс. человек)

	1970	1979	1989
Все население	2750,9	3093,5	3262,9
Русские	2276,9	2587,2	2720,2
Татары	93,7	103,6	115,3
Чуваши	113,8	115,8	117,9
Мордва	118,1	117,1	116,5
Украинцы	66,7	78,6	81,7
Казахи	10,4	11,2	14,2
Белорусы	16,4	19,2	19,9
Немцы	8	10,1	10,6
Башкиры	5,8	6,3	7,5
Евреи	18,7	16,7	13,6
Марийцы	2,9	3,5	4,4
другие национальности	12,8	24,2	41,1

Составлено по материалам статистического комитета Самарской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.samarastat.ru/digital/region1/DocLib/04_раздел.htm

В советский период миграция носила временный или единичный характер, не оказывая влияния на национальный состав населения Куйбышевской области.

В 90-е гг. XX в. в связи с массовыми миграционными процессами, вызванными распадом СССР, в регионе появились представители народов Средней Азии, Кавказа, Закавказья – азербайджанцы, армяне, киргизы, таджики, узбеки, корейцы и др. В то же время на территории Самарской обла-

¹ Материалы статистического комитета Самарской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.samarastat.ru/digital/region1/DocLib/04_раздел.htm

сти отдельных поселений с компактным проживанием мигрантов не существует.

По Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 января 1991 г., г. Куйбышев переименован в г. Самару, а Куйбышевская область – в Самарскую.

По состоянию на 14 октября 2010 г. на ее территории учтено 3215,5 тыс. человек. Так же как и по предыдущей переписи 2002 г. сохранилось 9 наиболее многочисленных национальностей, численность населения которых превышала 10 тыс. человек. За 8 лет из этой группы выбыли белорусы в связи с сокращением их численности (с 14,1 тыс. человек в 2002 г. до 9,2 тыс. человек в 2010 г.), и добавились узбеки, численность которых увеличилась на 5,8 тыс. (2,1 раза) и составила 11,2 тыс. человек¹.

По данным переписи 2010 г. Самарская область сохранила статус самого высоко урбанизированного региона в Приволжском Федеральном округе. Она занимает четвертое место по численности постоянного населения среди регионов Приволжского федерального округа и двенадцатое место в России. В области насчитывается 10 городских округов, 14 поселков городского типа, 12 городских поселений, 27 муниципальных районов, 292 сельских поселений и 1309 сельских населенных пункта.

Город Самара сохранил статус города-«миллионера». Численность населения областного центра составила 1165 тыс. человек и увеличилась за межпереписной период на 7,1 тыс. человек. Самыми многочисленными муниципальными районами, в которых проживает наибольшая часть сельских жителей, являются: Ставропольский – 54,2 тыс. человек (8,5 %), Волжский – 50,9 тыс. (8,0 %), Кинель-Черкасский – 47,3 тыс. (7,4 %), Сергиевский – 34,1 тыс.

---

¹ Предварительные итоги Всероссийской переписи населения Российской Федерации 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perepis-2010.ru/news/detail.php?ID=7006>

(5,4 %) и Кинельский – 33,3 тыс. (5,2 %)¹. Городских жителей насчитывается 2579,7 тыс. человек (80,2 %), сельских – 636,0 тыс. (19,8 %)².

Русские Самарской области по-прежнему наиболее многочисленная группа – 2,6 млн. человек (85,6 % в общей численности населения), затем татары – 126,1 тыс. человек (4,1 %)³. Увеличилась численность армян на 7 %, казахов – 5 %, таджиков – в 1,6 раза, киргизов в 2,9 раза, корейцев – 16 %⁴. В то же время уменьшилась доля чувашей (с 3,2 % в 2002 г. до 2,7 % в 2010 г.), мордвы (с 2,7 % до 2,1 %), украинцев (с 1,9 % до 1,4 %), немцев (с 0,3 % до 0,2 %). Удельный вес азербайджанцев, башкир и цыган в Самарской области соответствует уровню 2002 г. – 0,5, 0,24 и 0,16 соответственно⁵. Казаками себя назвали 236 человека (в 2002 г. – 77), метисами (помесь, сложная национальность) – 94, россиянами – 38.

Таким образом, в течение тысячелетия в Самарском крае происходили колонизационные и миграционные процессы, в которых принимали участие представители различных языков, культур и религий. Основное население сформировалось в XVI – середине XIX вв. в контексте социально-экономических процессов, происходивших в Среднем Поволжье и России в целом. Самарский край являлся районом иммиграции разноэтничных групп – русских, мордвы, татар, чувашей, поляков, немцев и др. Весьма активизируются прежние контакты, появляются условия для межкультурного взаимодействия. Характерной чертой миграций раннего периода является то, что переселенцы оседали в сельской местности, тогда как в XIX в. они заселяли уже города. Располагаясь на территориальной периферии этноса и оказываясь в отличных природно-географических и социально-экономических условиях, народы вынуждены взаимно приспособиться друг к другу. Важной чертой взаимной социально-культурной адаптации жителей этнически смешан-

¹ Предварительные итоги Всероссийской переписи населения Российской Федерации 2010 г.

² Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года по Самарской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.samarastat.ru/bgd_free/p2010/main.htm.

³ Предварительные итоги Всероссийской переписи населения Российской Федерации 2010 г.

⁴ Предварительные итоги Всероссийской переписи населения Российской Федерации 2010 г.

⁵ Там же.

ных селений было то обстоятельство, что она не носила целенаправленного характера. Освоение языков друг друга обычно также происходило в бытовых контактах.

1.2. Роль мордвы в многонациональном переселенческом движении

Процесс заселения Самарского края мордвой охватил несколько столетий. По археологическим данным первые мордовские поселения появились на данной территории еще в эпоху Золотой Орды в конце XIII – начале XIV вв. в качестве перевалочных пунктов на волжском караванном пути. Значительная группа мордвы, в основном мокша, была насильственно переселена татарами для обработки земли хана. Сюда же принудительно перевозили и представителей других народов (болгар, русских и др.), поэтому поселения носили смешанный в этническом плане характер. Судя по количеству захоронений (около 5 тыс.) и богатству археологического материала, самое крупное из них располагалось на реке Усе у с. Муранка (Муранское поселение)¹. В настоящее время известно 12 археологических памятников, где обнаружены артефакты с чертами, характерными для материальной культуры мордвы, на левобережье Волги, территории Самарской Луки: поселения у сс. Березовка, Печерские Выселки, грунтовый могильник у пос. Усинский, Междуреченское городище и клад вещей у с. Губино, селище у с. Кануевка; на правобережье – Барбашинский могильник и одноименное поселение, также в среднем течении реки Большой Кинель – Сухореченское селище и в бассейне реки Черемшан – Верхнехрящевское поселение².

---

¹ Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. М., 1954. Т. 1; Жиганов М.Ф. Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей мордвы XIII–XVI вв. // Из древней и средневековой истории мордовского народа (археологический сборник). Саранск, 1959. Т. 2.

² Мордва Самарской области. Паспорт этнической группы. Самара, 2010. С. 4.

Первые письменные сведения о проникновении мордвы в Самарский край относятся к середине XIV в. Речь идет о бортном ухोजае на левой стороне Волги, бывшем сначала в пользовании мордвы д. Уреня Казанского уезда, а затем – д. Бахилово Самарского уезда. При межевании этих мест в 1690 г. в доказательство своих прав на ухожай и связанные с ним сенные покосы, мордва предоставила два документа: жалованную грамоту татарского хана Сафая 1350 г. и оброчную грамоту Бориса Годунова 1600 г. Право на ухожай доказывалось показаниями мордвы о том, что «живут они от тех самых покосов на нагорной стороне в четырех верстах, а за Волгою в луговой стороне в верховом ухोजае бывают наездом. А около де тех сенных покосов и бортного верхового ухожая жителей русских и мордвы на луговой стороне никого нет»¹. Представляет интерес и другой важнейший документ, свидетельствующий о заселении мордвой Самарского края. Так, в январе 1667 г. Самарскому воеводе кн. Шаховскому велено досмотреть и измерить бортный ухожай мордвина Самарского уезда Триватки Чомаева². Распоряжение последовало по челобитью Чомаева с товарищами и выяснилось, что здесь нарушались интересы мордвы, как пользователей ухожаями. До сих пор во всех случаях, когда вопрос касается использования ими так называемых естественно-производительных сил тогдашнего Самарского края, она представляется эксплуатирующей ее со стороны, «наездом». Но есть указания и на то, что уже в первой половине столетия мордва прочно оседает в самарских местах и занимается здесь не только тем, что «ходят» ухожай³.

Таким образом, мордва вначале расселялась на правобережье Волги, имея на противоположном берегу лишь бортные ухожай и участки для сенокосов. Позднее она стала там обрабатывать землю, хотя на первых порах, возможно, только «наездом». На этой территории обитали кочевые группы калмыков и башкир, которые серьезно препятствовали хозяйственному осво-

---

¹ Гераклитов А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Журнал Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. Саратов, 1932. С. 9.

² РГАДА. Кн. № 139. Л. 28 об.

³ Там же.

ению земель левобережья своими набегами. Однако они не могли полностью приостановить колонизацию этого края.

Наиболее активное освоение связано с вхождением мордвы в состав Русского государства и усилением движения русских в пределы ее территории. Это привело к тому, что во многих районах прежнего обитания мордва оказалась в меньшинстве. Их земли отдавались служилым людям, русским помещикам и монастырям, что стало одной из причин миграций мордвы¹. Немаловажную роль сыграло также увеличение числа податей и поборов. Так, мордовские пахотные земли были обложены хлебной податью – «посопом». Помимо этого крестьяне должны были уплачивать также косвенные налоги. Несмотря на то, что в XVII в. лесные промыслы приходят в упадок, доходность их быстро падала, правительственные поборы с лесных угодий в виде ясака продолжают сохраняться. Выход из создавшегося положения мордва видела в переселении на новые земли, более обеспеченные земельными и лесными угодьями.

На миграцию в значительной степени повлиял также религиозный фактор. Христианизация мордвы по существу носила насильственный характер. Несмотря на те льготы, предоставлявшиеся крестившимся, мордва всячески путями уклонялась от крещения вплоть до переселения в другие районы. В частности, П. И. Мельников (А. Печерский) отмечал, что оказавшись в тяжелом положении мордва «огромными толпами бежала вниз по Волге на дощаниках (небольшое волжское судно) с женами, детьми и имуществом. Примеру ее последовали эрзяне, также розданные в XVII столетии и даже во времена Ивана Васильевича Грозного разным частным владельцам и монастырям с целью обратить их в христианскую веру. Беглецы, вместе с другою «вольницей», укрывавшеюся от платежа податей, поселились на луговой стороне Волги, в нынешней Самарской губернии, на казенных землях, распа-

---

¹ Любимов А.Е. Краткий исторический очерк мордовского народа. Мордовское население Пензенской губернии. Пенза, 1927. С. 19.

хали ее, никогда не паханную дотоле, и жили как «бобыли и захребетники»¹. Исследователь М. Т. Маркелов отмечал, что те «...кто креститься не желает, а по требованиям проповедников дать не в состоянии, то во время их (проповедников) разъездов, лишаясь своих домов, разбегаются в леса: если же требуемое число, смотря по пожиткам, кто даст по рублю, по два более, тогда принуждение сие оставляют, но не более, как на полгода, а иногда и меньше»².

Активному процессу перемещения мордвы в Самарскую губернию способствовало окончание строительства Закамской сторожевой линии (вдоль р. Черемшан). Наиболее значительные группы мордовских переселенцев устремились сюда с северо-запада и запада – Нижегородского, Арзамасского, Алатырского и Казанского уездов, т. е. главным образом из районов расселения эрзи³. По сведениям М. Гребнева еще в третьей четверти XVII в. «против Самары находим 4 мордовские и чувашские деревни: Шелехметскую, Борновскую, Торновскую и Чуракаеву, приписанныя к Самарскому Спасо-Приображенскому монастырю»⁴. А в первой половине того же столетия возникли мордовские села в Самарском уезде – Титовка, Большая Каменка, Большая Чесноковка; в Ставропольском – Старая Малыкла, Белый Яр, Матюшкино, Лебяжье, Сускан, Благовещенский, Красная Речка и Архангельского прихода д. Ботьма; в Бугульминском и Бугурусланском – Мартыново, Борискино, Старые Маклауши, Верхняя Кармала, Черемшанская крепость, Ключевское, Аделяково, Вечканово, Ишуткино⁵. Доказательством тому служит то обстоятельство, что во второй половине XVII в. в указанных селах Самарского, Ставропольского, Бугульминского и Бугурусланского уездов существовали храмы, которые были построены в период от 1753 до 1799 гг.⁶

¹ Мельников П.И. Очерки мордвы. Саранск, 1981. С. 20.

² Маркелов М.Т. Избранные труды; Поволж. Центр культур финно-угор. народов, сост.: О.В. Дулкин и др. Саранск, 2009. С. 123.

³ Леопольдов А. Исторические заметки о Самарском крае // Журнал Министерства внутренних дел. 1860. отд. II. С. 81.

⁴ Гребнев М. Мордва Самарской губернии. Историко-этнографический очерк // СЕВ. 1886. № 21. С. 427.

⁵ Там же. С. 430–431.

⁶ Там же. С. 431.

В 1668 г. были основаны поселки Утка-Кокряч, Алан тож по среднему течению реки Утки¹. В конце 60-х гг. XVII в. на правом берегу появляется мордовское поселение Кокряч – от городища, на котором оно было основано. Переселенцы из Алатырского и Саранского уездов к концу 70-х гг. этого же столетия основали д. Матвеевка, а южнее, около д. Кременки, выходцами Казанского и Арзамасского уездов – д. Помряскино². В середине 80-х гг. на противоположной стороне реки упоминается мордовское поселение Айбаши, в котором живут выходцы Алатурского и Казанского уездов³.

Наиболее значительные группы мордовских переселенцев осели в лесостепном районе, к северу от р. Кинель. При речке Селитьба в 1699 г. существовало селение Мордовская Селитьба из крещёной мордвы в 30 дворов⁴. В нём проживали выходцы из Пензенской и Тамбовской губерний. Население составляли удельные крестьяне, православная мордва. К концу XVII в. на территории будущих Самарского и Ставропольского уездов существовало уже несколько мордовских селений: Нижнее и Верхнее Санчелеево, Дмитриевское (Помряскино), Чердаклы⁵. Постепенно село стало заселяться и русскими, при этом на северо-западной стороне селилась мордва, юго-восточной – русские.

Сохраняя свои традиции, мордва селилась обычно отдельно от русских, татар, чувашей. Вместе с тем некоторые группы мордвы, входившие в состав «служилых инородцев» и несшие службу по охране сторожевых линий совместно с группами других народностей, жили в смешанных селениях. Мордовские переселенцы, отходившие на новые места, в связи с усиленным проникновением русских в районы их прежнего обитания, или увлекаемые общим потоком колонистов Поволжья, оказывались обычно в первых рядах пе-

¹ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 284–285.

² Там же. С. 286–287.

³ Там же.

⁴ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 286–287.

⁵ Там же. С. 287; Преображенский П.А. Исторические очерки Самарского края // Краеведение. Природа и население Самарского края. Самара, 1924. С. 188; Его же. Колонизация Самарского края. Самара, 1923. С. 24.

реселенческого потока. Это позволило им получить на новых местах сравнительно большие земельные наделы. Земли некоторых мордовских селений, находившихся на значительном расстоянии одно от другого, оказались разобщенными лишь впоследствии, когда между ними стали селиться вновь прибывавшие поселенцы – русские, чуваша, украинцы и др.¹

В религиозном отношении мордва оставалась некрещеной. Так, в 1718–1719 гг. в Ставропольском уезде было всего 16 крещеных иноверцев м. п., а некрещеных – 2310, из которых мордвы было 568, а уже в 1747 г. – 1103 человека². Из этого следует, что число некрещеной мордвы за этот период увеличилось на 833 человека, это могло произойти только за счет новых переселенцев.

Наиболее активно Самарский край начинается заселяться в XVIII в. Этому способствовало сооружение Новоказамской сторожевой линии и строительства крепостей между Самарой и Оренбургом. Прежние владельцы заволжских земель – башкиры, оттеснялись к югу-востоку, в предгорья Урала. Основные пути мордовских переселенцев проходили по уже сравнительно заселенному пространству между реками Сурой и Волгой и через Симбирск шли далее на восток в слабозаселенные лесостепные и степные уезды Самарской губернии. Основной поток шел из Пензенско-Саратовского края. Переселенцы пришли сюда в поисках новой земли, раскорчевали лес, занимались земледелием и скотоводством.

Со второй четверти XVIII в. в колонизации края стала принимать участие и крещеная мордва. По архивным данным, в Ставропольском уезде в 1747 г. мордвы насчитывалось 1298 душ м. п., а вместе с ново-крещенными – 2401 душа м. п.³ В большинстве своем это были государственные крестьяне – 1913 душ м. п., 418 – помещичьи и 64 – монастырские, 6 душ м. п. были приписаны к купеческим цехам и проживали в г. Ставрополе⁴.

---

¹ Гребнев М. Мордва Самарской губернии... С. 480.

² РГАДА Ф. 350. Оп. 3. Д. 4264. Л. 713 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

В ряде сел мордва проживала с представителями других этносов. Так, в дд. Байтермиш, Нуштаево Бугурусланского уезда она проживала с чувашами, в Казбулатово, Алексеевка Бугульминского уезда – чувашами и татарами¹. К концу XVIII в. в Бугурусланском уезде насчитывалось 57 деревень. Из них 39 было чисто мордовскими, 10 – мордовско-русскими, 3 – мордовско-чувашскими, 2 – мордовско-татарскими, 2 – мордовско-русско-чувашско-татарскими и 1 – мордовско-чувашско-татарское².

Во второй половине XVIII в. возникли мордовские поселения: Глушицкие Липяги, Новосемейкино, Елховка, Степная Шентала и др. – в Самарском уезде; Кирилово – Ставропольском; Лукинского прихода д. Добрино, Туарма, Шенталы – Бугульминском; Большой и Малый Толкай, Фролкино (или Ерзовка), Ибряйкинское прихода д. Нуштайкино, Аманакская слобода, Воскресенская, Старые Сосны, Покровка, Кузьминовка, Кармала-Ивановка, Афонькино, Мордовский Бугуруслан, Сок-Кармала, Русские Боклы и Боклановка – Бугурусланском; Лобаз, Курманаево, Алексеевского прихода д. Новотроицкая, Герасимовка, д. Тартановка, Пировки, Виловатая, Новотепловка, Баклановка, Нижняя Вязовка, Яшкино, Толкаевка, Михайловка, Логачевка и Ефимовка – Бузулукском; Новозахаркино, Константиновка (Барсуновка), Малая Глушица (Соплевка), Подъем, Вязовый Гай, Каменный Брод, Мосты, Ломавского прихода д. Тепловка, Милорадовка и Малая Перекопная – Николаевском; с. Миус – Новоузенском³.

Вместе с русскими, украинцами, киргизами, башкирами мордва принимала участие в заселении Пестравской земли. Сюда они переселялись из центральных губерний, где существовала проблема крестьянского малоземелья. В основном это были новокрещены. Подтверждением этого служит наличие в современной Пестравке микрорайонов с названиями «Мордва», «Хохлы». Среди жителей встречаются семьи с мордовскими фамилиями. Абсолютное

¹ Тумайкин В.П. Из истории заселения мордвой левобережья Средней Волги (XVIII–XIX вв.) // Исследования по истории мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1971. Вып. 47. С. 80.

² РГАДА Ф. 1355. Оп. 1. Д. 45 Л. 91.

³ Гребнев М. Мордва Самарской губернии... С. 433.

большинство переселений осуществляли государственные крестьяне, и проходило оно самовольно¹.

Заселение Самарского края продолжалось и в XIX в. Если для XVII–XVIII вв. характерно было заселение северных уездов, то в первой половине XIX в. поток мордовских переселенцев направлялся в южные районы Самарской губернии. При этом они не образовывали здесь новых поселений, а оседали в уже имевшихся (с инонациональным населением). Например, в Николаевском и Новоузенском уездах было всего лишь 6 чисто мордовских поселений, в том числе д. Таловка с населением 96 человека в Новоузенском уезде², и пять – в Николаевском: д. Каменный Брод – 2193 человека, д. Дергачевка – 826, с. Новый Кушум – 137, д. Ново-Захаркино – 633 и д. Тепловка – 983³. В 1859 г. в Николаевском уезде насчитывалось 21 мордовское поселение, доля мордвы составила 7,75 % от общей численности населения уезда, а в Новоузенском – 3,86 %⁴.

По статистическим данным в 1859 г. общая численность мордовского населения в крае составляла 166 тыс. человек, т. е. ¼ часть от всей мордвы. По данным X ревизии (1878 г.) наибольшее количество проживало в следующих уездах: Бугурусланском – 50, Ставропольском – 24, Бугульминском – 19, Бузулукском – 16⁵.

Во второй половине XIX в. приток мордовского населения продолжает увеличиваться и к 1897 г. численность ее в губернии составила 238598 человек (9 %), в том числе мужчин – 115945, женщин – 122653⁶. Следует подчеркнуть, что если численность мордвы в коренном регионе ее расселения с конца 50–60-х гг. XIX в. по 1897 г. возросла на 42 %, то в Заволжье – на 90 %, что свидетельствует о продолжавшемся притоке переселенцев. За

¹ Кудерева С.Н. Как заселялась Пестравская земля // Самарская область. Этнос и культура. 2007. № 2. С. 9.

² Списки инородческих селений Казанского учебного округа. СПб., 1870. С. 213.

³ Там же. С. 210.

⁴ Списки населенных мест Российской империи. Т. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1864. С. 738.

⁵ Мордва Заволжья / отв. ред. В.И. Козлов. Саранск, 1994. С. 13.

⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. С. 78–83.

это время в пределы Самарской губернии прибыло около 15 тыс. человек, в основном в Самарский, Бугульминский и Новоузенский уезды¹. Основная ее масса проживала в сельской местности. Так, ее численность в уездах без городов составляла 237239 человек (99,4 %), из них мужчин – 115130, женщин – 122109, в городах – 1359 человек: мужчин – 815, женщин – 544².

Мордовские переселенцы предпочитали традиционные формы выбора места для поселений, удобные для земледелия и занятия промыслом. Они основали из себя или совершенно отдельные деревни, или вошли, «приписали» к русским селениям³. В результате значительная доля мордвы стала проживать в многонациональных селах. Например, в Бузулукском уезде из 34 сел 7 были мордовские, 21 – мордовско-русское, 3 – мордовско-русско-чувашских, по одному – мордовско-татарское, мордовско-украинское, мордовско-русско-украинское. В Бугурусланском из 99 сел 70 – мордовских, 15 – мордовско-русских, 3 – русско-мордовско-чувашских, 7 – мордовско-чувашских, 2 – мордовско-татарских, по одному – мордовско-украинское, мордовско-украинско-чувашское⁴.

В этом плане представляет интерес история ряда сел. Например, поселение Спиридоновка было основано вдоль старого русла реки Самары вероятнее всего во второй четверти XVIII в. В одном месте поселилось сразу три народа. Само село первоначально делилось на два конца – «Хивы» (там проживала мордва-мокша) и «Томыловка» (мордва-эрзя). Делились эти поселения «по озеру Уренскому». Татарское поселение располагалось за два кило-

---

¹ Мордва Заволжья. Указ. раб. С. 16.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи. С. 78–83.

³ Малиев Н.М. Общие сведения о мордве Самарской губернии; их антропологический характер; поздние браки и влияние их на крепость и сложение народа. Национальные особенности черепа // Протоколы заседаний общества естествоиспытателей ими-ом Казанском ун-те. Казань, 1876–1877. Т. 9. Отд. оттиск. С. 214.

⁴ Список населенных мест Самарской губернии.

метра от Томыловки. А уже в начале XX в. все три поселения слились в единое село¹.

Основанная чувашами д. Кармалы, в которой на 1710 г. имелось 11 дворов², в 1747 г. функционирует как мордовская³, а по данным 1762 г. – чувашско-мордовская⁴.

Некоторые села возникли путем деления. Так, в 1764 г. была основана д. Семейкино с населением 242 человека (125 муж. и 117 жен.)⁵. Позднее часть жителей выселилась из нее и образовала Новое Семейкино. Подобная картина сложилась и с д. Санчелеево Тучеево тож Ставропольского уезда, которая в 1762 г. числилась по ревизским сказкам, затем она разделилась на Нижнее и Верхнее Санчелеево⁶.

Переселяясь на новое место жительства, мордва стремилась сохранить традиционную топонимику. Мордовские названия поселений максимально приближены к природным объектам: реке, речке, роднику, лесу. Так, в Бугульминском уезде из 49 сел 9 получили название рек и речек: с. Черемшанская, выселка Камышлинка, выселка Самолейка и т. д. Такое же явление наблюдается в Бузулукском уезде: с. Каменка, с. Толкаевка, с. Коноваловка. К числу таких поселений также относятся сс. Ключевка, Верхнее Санчелеево. За каждым названием практически всегда стоит легенда, поясняющая и закрепляющая его в сознании людей как социальный факт. Например, по легенде с. Ключевка названо так потому, что в конце села пробивается вода, озеро⁷. Согласно преданию с. Верхнее Санчелеево основано на берегу речки

¹ Администрация сельского поселения Спиридоновка муниципального района Волжский Самарской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.spiridonovka63.ru/istorija_sela/

² РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 157. Л. 435–462

³ Там же. Оп. 2. Ч. 2. Д. 3351.

⁴ Там же. Д. 3352.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 3011. Лл. 549–557.

⁶ Там же. Д. 4265. Лл. 114 об.–133.

⁷ УПТМН. Легенды, предания, былички. Саранск, 1983. Т. 10. С. 98.

Санча мордвой Пензенского уезда, что нашло отражение в его названии: «лей», «лейнем» – «речка», «ручей»¹.

Среди названий сел и деревень встречаются имена, имеющие антропологическое происхождение, причем в создании названий поселений участвовали разные виды антропонимов: имена собственные, отчества, прозвища. Например, по преданию с. Большой Толкай получило свое название по имени башкирского хана Талхан, который согласился уступить часть своих земель переселенцам эрзянам из Пензенской губернии взамен выдачи за него замуж понравившуюся девушку². Название с. Байтермиш Клявлинского района связано с именами братьев-татар – Байт и Миш³. Деревня Большой Сурмет основана во второй половине XVIII в. эрзей. По легенде, до прибытия поселенцев в этих местах пасли табуны лошадей и овец балахинского князя Сувермета. Его самого никто не видел, но пастухи время от времени появлялись на шустрых конях, в ярких шапках, отороченных лисьим мехом. От его имени и пошло название села и реки Сурметка⁴. Согласно преданию, сс. Старый и Новый Буян, Узюково, Старая и Новая Бинарадка были названы в честь трех братьев, Буян, Узюк и Бенарад, которые первыми заселились в этой местности⁵. Село Борискино Бугульминского уезда названо от первопоселенца-мордвина Бориса⁶. Представляет интерес название с. Шенталы. Легенда гласит, что своим звучным именем оно обязано заморскому гостю. Старожилы рассказывали, будто бы проезжий немецкий инженер, плененный красотой окрестных мест,

¹ Самарская область: краткая история села Верхнее Санчелеево. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ponedelnik.info/blogs/istoriyaselasancheleevo>

² УПТМН... Т. 10. С. 101.

³ Там же. С. 109.

⁴ Муниципальное образование Оренбургской области, Абдуллинский район, сс. Большой и Малый Сурмет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mo-ab.orb.ru/about/etnografiya/?print>

⁵ Самарская область: с. Узюково. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://chronograph.livejournal.com/91740.html>

⁶ Красноперов И. Мордовская община в Бугульминском уезде. Северный вестник. СПб., 1887. Кн. 1. С. 61.

воскликнул: «Шёнталь!», что в переводе означает «Прекрасная долина»¹. Интересна история с. Малый Сурмет. Во второй половине XVIII в. новокрещеная мордва из Курской, Тамбовской, Нижегородской губерний попросилась в татарскую деревню, население которой переселилось из Крымсараево Бугульминского уезда. Жители деревни выделили вновь прибывшим переселенцам земли, определили арендную плату. В материалах «Экономического примечания к планам Генерального межевания Самарской губернии» (1798–1848 гг.) отмечено, что населенного пункта с названием Сурмет не значится, имеется Андреевка, Подлесная².

Нередко переселенцы давали название селу по месту их прежнего проживания. Так, выходцы из Пензенской губернии в конце XVIII в. основали одноименное с. Большая Каменка (ныне Красноярский район). Так, из названий поселений складывается живая картина освоения новой территории. При этом прослеживается определенная закономерность: названия наиболее старых поселений, в большей степени имеют природно-географическую привязку, а поселения более позднего периода – антропонимическую. Значимость легенд и преданий об основании сел и деревень состоит в том, что в них делаются попытки не только описания даты их основания, но и обстоятельства и места прибытия переселенцев.

В начале XX в. миграция мордвы в Самарскую губернию в силу различных причин значительно замедлилась. Так, с 1887 по 1920 гг. численность увеличилась лишь на 3 %, а прирост мордвы составил всего 1,5 % главным образом за счет Бугурусланского уезда. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. численность мордвы в этом крае составляла 251,374 тыс.

---

¹ Официальный сайт администрации муниципального района Шенталинский Самарской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.shentala.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=87:2011-03-24-08-55-03&catid=57:2011-10-21-13-38-17&Itemid=90

² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1874.

человек¹, в территориально-административном отношении она проживала в 9 районах Средне-Волжского края (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Количество населенных пунктов Средне-Волжского края
(30-е гг. XX в.)

№	Название районов	Всего населенных пунктов	в том числе		
			мордовских	мордовско-русских	мордовско-чувашских
1.	Борский	177	7	3	–
2.	Бугурусланский	334	34	2	–
3.	Клявлинский	123	61	–	–
4.	Кошкинский	335	43	–	–
5.	Красноярский	296	31	22	–
6.	Кинель-Черкасский	204	37	–	–
7.	Ставропольский	99	9	6	–
8.	Сталинский	228	35	1	–
9.	Челно-Вешинский	117	8	6	3
	Всего:	1918	265	40	3

Таблица составлена по: Список населенных пунктов Средне-Волжского края. Самара, 1931.

Наиболее высокий процент мордовских селений был в Клявлинском районе (50 %). В целом они были более людные, чем русские населенные пункты. Наибольшее количество сел со смешанным русско-мордовским населением было в Красноярском районе (22). Наиболее крупными из них были Большая Каменка (в 407 дворах проживало 2028 человек) и Сухие Овраги (в 373 – 2902)². В Челно-Вершинском районе зафиксировано 3 мордовско-чувашских села, наиболее крупные из них – Чувашское Урметьево (302 двора, 1547 жителей) и Тимяшево (261 двора, 1286 жителей)³.

В конце 20-х гг. появляется тенденция выделения национальных меньшинств в особые национально-территориальные единицы. По данным 1928 г.

¹ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки // Народность и родной язык населения СССР. М., 1928. Вып. IV. С. 87.

² Список населенных пунктов Средне-Волжского края. Самара, 1931. С. 83–88.

³ Там же. С. 191–193.

из 360 сельских советов десяти районов Самарского округа 28 были мордовскими, в Бугурусланском из 599 – 97, в Бузулукском из 314 – 20¹.

В январе 1934 г. в составе Средне-Волжского края создаются 4 мордовских национальных района, 2 из которых (Барановский – 46,6 % мордвы и Шемышейский – 70,1 %) были расположены южнее Мордовии, два (Боклинский – 57,0 % мордвы и Клявлинский – 57,7 %) – в Заволжье. В дальнейшем национальный статус этих районов был упразднен². В 1936 г. из состава Куйбышевского края выделяется Мордовская АССР с 23 районами³, в связи с этим статус Куйбышевского края как национально-культурного центра мордвы значительно понизился. Это привело к тому, что мордва со временем начинает терять связь со своей республикой. Положительная практика решения национальных проблем в крае стала утрачиваться.

Всесоюзная перепись 1937 г. показала уменьшение численности мордвы как в целом по стране, так и в Куйбышевской области. По сравнению с 1926 г. она сократилась на 17,02 тыс. человек и составила 234353 человек⁴. По численности населения мордва в области стояла на втором месте после русских. Данная тенденция сохраняется и в последующие годы. В 1959 г. численность мордвы в области составила 115328, из них сельское население – 81594 (70,7 %) человек, городское – 33734 (29,3 %) ⁵.

Превращение Куйбышевской области в крупнейший промышленный центр СССР вызвал приток мигрантов, что повлияло соответственно на численность мордовского населения в области. По данным переписи 1970 г. мордвы насчитывалось 118117 человек, из них городское население составляло 46284 (2,3 % к общему количеству населения области), сельское –

---

¹ Ведерникова Т.И. Реализация советской национальной политики в Самарской губернии в 1920-х гг. // Самарский край в истории России: материалы межрег. науч. конф. Самара, 2012. Вып. 4. С. 197.

² Мордва: историко-этнографические очерки / отв. ред. В.И. Козлов. Саранск, 1981. С. 45.

³ 150 лет Самарской губернии: цифры и факты. Самара, 2000. С. 62.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 96.

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 370–371, 346–347.

71883 (9,2 %)¹. Это было последнее увеличение численности мордвы в регионе. В целом, в СССР численность ее составляла 1262,7 тыс. человек². Самыми многочисленными районами, где проживала мордва, считались Исаклинский, Шенталинский, Похвистневский. Так, в Исаклинском районе она проживала в 24 населенных пунктах, из которых 16 было мордовских, 3 – мордовско-русских, 2 – мордовско-украинских, 1 – мордовско-чувашское³. (Приложение 1). В Шенталинском районе в 19 поселениях проживало 6917 человек мордвы, из них мужчин – 3034, женщин – 3883⁴; в Похвистневском – 14214 человек⁵.

Анализируемый за последующие годы материал четко показал тенденцию неуклонного падения численности мордвы не только в Куйбышевской области, но и в целом по стране. По Всесоюзной переписи населения 1979 г. в СССР ее было 1191,8 тыс. человек – это на 70,9 тыс. человек меньше, чем по предыдущей переписи⁶. В Куйбышевской области насчитывалось 117127 чел.⁷, что составляло 3,8 % от общей численности населения области, все еще занимавшее второе место после русских (2587252 чел. или 83,6 %). Городское население составляло 58346 (49,8 %), сельское – 58781 (50,2 %) человек⁸.

Таким образом, история заселения Самарского края мордвой насчитывает более трех веков. Появившись здесь в эпоху Золотой Орды, а в XVI в. в качестве пользователя ухажаями, она на протяжении всего следующего столетия стремится не только расширить сферу промысловых угодий, но и

¹ Мордва Заволжья. С. 176.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Национальный состав населения СССР. М., 1973. Т. IV. С. 328.

³ Тумайкин В.П. Некоторые этнографические особенности мордвы левобережья Средней Волги // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды. Саранск, 1974. Вып. 45. С. 124.

⁴ Материалы Всесоюзной переписи населения за 1970 г. Шенталинский район, дело № 36.

⁵ Там же. Похвистневский район.

⁶ Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского этноса / гл. ред. Н.П. Макаркин. Саранск, 2004. С. 198.

⁷ Финно-угорские и самодийские народы России. Статистический сборник. Сыктывкар, 2006. С. 16.

⁸ Мордва Заволжья. С. 176.

прочно осесть в крае, вступая для этого в борьбу и с более ранними насельниками в виде башкир и конкурирующими в захвате края группами населения: русскими помещиками и инородцами. Основная масса миграций происходила в несколько этапов: вторая половина XVII – начало XVIII вв. и вторая четверть XVIII – начало XIX в. (заселялись северные районы Самарской губернии); вторая половина XIX – начало XX вв. (южные).

В заселении Самарского края ведущая роль принадлежит вольной крестьянской колонизации. Мордва стремилась найти здесь не только плодородные земли, богатые рыбой реки и озера, дичью – леса, но и способ сохранения старой веры, характерной для миграций XVII–XVIII столетий. Этому способствовал ряд причин: истощение почв на местах прежнего проживания, молеземелье, социальная напряженность, притеснение помещиками, русификаторская и христианизаторская политика правительства, заинтересованность правительства в заселении «дикого поля».

Итак, Самарский край в силу сложных исторических обстоятельств занимал важное геополитическое положение. Регион являлся связующим звеном со Средней Азией, Уралом, Азиатской Россией, Сибирью. Именно это обстоятельство во многом предопределило развитие обширнейшего края, пеструю палитру экономических, этнокультурных и этноконфессиональных процессов. Первые постоянные селения начали появляться здесь в конце XVI – начале XVII вв. после строительства Самары. Широкому заселению и освоению огромных пространств этого края способствовали благоприятные природно-климатические условия, строительство крепостей и укрепление границ. В состав первопоселенцев входили беглые люди, основную массу составляли русские, мордва, чуваша, татары. Первоначально представители различных национальностей селились компактными группами, в то же время характерно совместное их проживание. Постепенно сложились и территориальные границы, которые в 1851 г. оформились как Самарская губерния. На

протяжении столетий менялась и перекраивалась территория края, что отразилось и на национальном составе. К началу XX в. в основном завершается формирование этнической картины. В ходе освоения края сложились предпосылки для мирного проживания и совместной деятельности людей разных национальностей и религиозных конфессий. Этому способствовали широкие возможности занятия сельским хозяйством, животноводством, промыслами.

В многонациональном переселенческом движении в Самарском крае огромная роль принадлежит мордве, которая активно начинает мигрировать с начала XVII в. Наиболее значительные группы устремились с северо-запада: Нижегородского, Арзамасского, Алатырского и Казанского уездов, главным образом из районов расселения эрзи. В XVII в. мордва селилась отдельно от других этносов, а в XIX в. – оседала в уже имевшихся селениях. На новом месте она старалась удержать традиционные способы выбора места для поселения.

В начале XX в. миграции данного этноса в силу различных причин замедляется. В начале 30-х гг. XX в. на территории Средне-Волжского края были созданы 4 мордовских района, но в 1936 г., с выделением Мордовской АССР, статус Куйбышевского края как национально-культурного центра мордвы значительно понизился. Это привело к тому, что мордва со временем начинает терять связь со своей республикой. Положительная практика решения национальных проблем в крае стала утрачиваться. В 1970 г. зафиксировано последнее увеличение численности этноса в крае, все еще занимавшее второе место после русских.

ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ САМАРСКОЙ МОРДВЫ

Во второй главе исследуются основные компоненты материальной культуры: традиционное хозяйство и обряды, связанные с ним, поселенческо-жилищная среда, система питания и этикет, национальная одежда в условиях адаптации к новым природно-климатическим условиям и поликультурной среде, модернизационных процессов в конце XIX – первой половине XX вв.

Новые природно-климатические условия, наличие природных ресурсов, отвечающих хозяйственно-культурным потребностям, межэтнические и межнациональные контакты наложили отпечаток на все сферы материальной культуры самарской мордвы. При рассмотрении основных компонентов хозяйственной деятельности, поселений и жилищ, традиционной пищи и одежды анализируется их этническая специфика, своеобразие хозяйственных и культурных форм, возникших в процессе адаптации.

Особого исследования заслуживают изменения в материальной сфере, вызванные модернизационными и урбанизационными процессами конца XIX в. – первой половины XX в., недостаточно освещенные в этнографической литературе.

2.1. Традиционное хозяйство и связанные с ним обряды

Важнейшая роль в хозяйственной специфике этноса принадлежит природно-климатическим условиям. Они сыграли огромную роль в процессе освоения Самарского края. Почти все пространство земель принадлежало к зоне степей с ковыльно-типчакковой растительностью. Соответственно этому оказалась сдвинутой к северу граница лесостепи с луговыми травами и лесной зоной, преимущественно из дуба и других широколиственных пород¹. Северная граница края представляла собой плоские возвышенности. Огром-

---

¹ Мордва Заволжья. С. 9.

ные территории региона были черноземные, которые привлекали переселенцев. Эту особенность отмечали некоторые исследователи, в частности, П. С. Паллас был поражен богатству производительных сил здешней почвы, которая, несмотря на некоторую примитивность ее обработки местными крестьянами, давала очень хорошие урожаи¹.

Климатические условия в данной местности характеризовались резкими контрастами: в летний период температура поднималась до 37,5–40°C, а в зимний – преобладали метели и бураны, которые в гг. Бугульме, Бузулуке и Бугуруслане были очень суровыми².

Гидрографическая сеть составляла 1267 рек и 338 озер, большинство из которых сосредотачивались на севере. Самое главное место среди них занимала Волга, протяженность которой по губернии составляла 210 км. Уже к VIII в. обусловилось важное значение географического положения этой реки и её крупных притоков, как торгового пути между Востоком и Западом.

До первой трети XX в. важнейшая роль принадлежала традиционным формам хозяйства. Судя по различным источникам, археологическим материалам, одним из древнейших занятий мордвы являлось земледелие. В частности, П. А. Преображенский подчеркивал, что «у мордвы земледелие появилось очень рано, и с самого начала своего подчинения русской власти она платит оброк «посопом» – отсыпным хлебом»³. Эту традицию мордва сохранила и перенесла на новое место жительства, о чем свидетельствуют материалы раскопок Муранского селища. Найденный в могильнике резак от плуга дает основание утверждать, что уже в XIV в. земледелие стояло на довольно высоком уровне⁴. Его ведущая роль в структуре хозяйства мордвы сохраняется и в последующие столетия. Этому способствовало наличие огромного пространства свободных и плодородных земель. Данную особенность отмечали и члены академических экспедиций XVIII в. В частности, И. И. Лепехин

---

¹ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи в 1768–1769 гг. СПб., 1773. С. 246.

² История Среднего Поволжья. Самарская летопись.

³ Преображенский П.А. Исторические очерки Самарского края... С. 181.

⁴ Алихова А.Е. Указ. соч. С. 267.

писал, что около Черемшана находятся тучные земли и жители без всякого удобрения «с лихвой все произрастают»¹. Земледельческие традиции впоследствии во многом определили многие специфические черты традиционной культуры.

Система ведения земледелия в Самарском крае определялась природно-климатическими условиями, неодинаковым качеством почвы и неравномерным распределением населения в различных частях губернии. Во второй половине XIX в. доминирующими являлись трехпольная и переложная. Трехпольный севооборот характерен для паровой системы земледелия, при этом наблюдается чередование культур: пар, озимые, яровые. Переложная система, примитивная, при которой, выпаханное после снятия нескольких урожаев и засорённое сорняками поле (перелог), оставлялось без обработки на 8–15 лет². В северных и северо-восточных уездах (Самарском, Бугурусланском) преобладала трехпольная система. Этому способствовали благоприятные условия для ведения сельского хозяйства, высокая плотность населения. В центральной части губернии (Бугульминский и часть Бугурусланского уезда) наряду с трехпольной системой практиковалась и переложная. В южной части Николаевского и во всем Новоузенском уезде, где плотность населения была намного ниже и качество почвы хуже, вся земля обрабатывалась по переложной системе.

На земледелие оказал влияние и экономический фактор. Например, зажиточные крестьяне оставляли свои загоны в залежи на 3–5 лет, потом с осени пахали плугами, а бедняки, одно и то же место пахали ежегодно, делая двухполье: озимое и яровое³.

---

¹ Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771. С. 144.

² Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rubricon.com>

³ Тумайкин В.П. Соседская община заволжской мордвы в пореформенный период (по материалам Самарской губернии): автореф. дисс... канд. ист. наук. Москва, 1974. С. 7.

Во второй половине XIX в. преобладало плужное земледелие. У мордвы главным орудием являлась соха с перекладной палицей, которая вплоть до XIX в. по своему устройству была крайне примитивной. Она состояла из одного-двух сошников, которые насаживались на рога рассохи и укреплялись клиньями. Например, в Мордовско-Ивановской волости Бугульминского уезда сошники привязывались к обхалу накрест веревками, поднимались и спускались посредством закручивания веревок палкою, палицы в большинстве случаев были деревянными¹. Ширина сошников делалась различной – от 3 до 5 вершков при пропорциональной длине. На оглобли укреплялся черень палицы. В отличие от сохи, распространенной на коренной территории мордвы, в Самарском крае ручки, за которые держался пахарь, укреплялись на специальной подставке четырехугольной формы, которая приделывалась к концам оглоблей. Соху обычно мастерили сами крестьяне; сошники и палицы выковывали деревенские кузнецы. В 60–70-х гг. XIX в. началась массовая замена сох заводским плугом сначала в русских хозяйствах, а затем этот процесс охватил и мордовские.

Из железных земледельческих орудий использовался в основном двухколесный плуг. У зажиточной части крестьянства были в ходу и четырехколесные плуги. Колесный плуг состоял из трех главных частей: длинного широкого деревянного бруска, изогнутого, с толстыми веревками на концах – для прикрепления оглобель; передка на колесах, прикрепленного к бруску, длинного дышла, ножа-резца, железного лемеха, деревянного отвала и рукоятки.

В пределах Самарской губернии мордовские крестьяне использовали также тяжелый плуг-сабан, заимствованный у татар. В конце XIX – начале XX вв. происходит процесс усовершенствования орудий труда.

---

¹ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Самара, 1887. Т. 5. Бугульминский уезд. С. 52.

Для посева зерна использовали холщевые мешки – «видьме руця» (с. Ст. Вечканово) или «кувака панар» (с. Ст. Шенталы), но в дальнейшем под влиянием русских стали пользоваться лукошками¹.

Отличительной особенностью земледелия в Самарском крае являлись способы возделывания и соотношение посевных культур. В северных уездах ведущая роль принадлежала посевам озимой ржи. Ее сев начинали с августа. На десятину высевалось от 9 до 12 пудов. Семена употребляли большей частью свежие – сыробойные, так как зерна старой ржи и высушенные на овинах не скоро всходили. Урожаи ржи были различны: от недобора посевных семян до 100 и более пудов с десятины². Мордва отдавала предпочтение этой культуре из-за ее благоприятных качеств, адаптированности к местным природным условиям.

Урожайность зерновых культур в среднем держалась несколько выше, чем в центральных районах страны. На черноземах Поволжья крестьянин выигрывал не столько за счет повышения урожайности с определенной площади, сколько за счет того, что показывала производительность труда в 2–4 раза выше, чем в районах с менее благоприятными условиями. Затраты труда земледельца тут были ниже, потому что не вывозился навоз и применялась мелкая одноразовая вспашка, часто без боронования, против двух-трехразовой при тщательном бороновании в нечерноземной зоне³.

Самарская губерния являлась одним из главных центров производства и вывоза великолепной пшеницы. Так, в 1852 г. в Неофициальной части СГВ отмечалось: «В Самару до сих пор со всех сторон тянутся большие обозы с хлебом, и в особенности с пшеницей. Нередко случается, что в городе на улице нельзя проехать от обозов. В прошлом году в здешней пристани грузилось более 400000 четвертей пшеницы; ныне масса этого товара едва ли не удвоится»⁴. Мордва, как и другие народы Самарской губернии, предпочтение

---

¹ Тумайкин В.П. Некоторые этнографические особенности... С. 126.

² Мордва Заволжья. С. 24.

³ История Среднего Поволжья. Самарская летопись.

⁴ Самарские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1852. № 10. С. 130–131.

отдавала улучшенным сортам русской пшеницы и знаменитой «белотурке», лучшей в России, из которой вырабатывалась великолепная мука-крупчатка. Посев пшеницы зависел от схода снега, обычно производился в конце апреля и в начале мая. Урожай пшеницы в среднем был от 30 до 60–80 пудов с десятины¹. По свидетельству немецкого барона Гакстгаузена, который в 1843 г. путешествовал по этому краю, «здесь сеют на одном и том же поле четыре года сряду белотурецкую пшеницу, которая в хорошие годы дает 25 и 27 зерен; затем земля отдыхает 6–7 лет и первые два–три года, по случаю разрастающихся сорных трав, употребляется под выгон, а остальные три–четыре года, после того, как от пастьбы скота выведутся сорные травы, она идет под сенокос. Через 6 лет на ней опять сеют пшеницу, но уже два года сряду; затем опять 6 лет выгона и сенокоса и потом опять сначала; четыре года пшеницы и т.д.»². Самарский край превратился в район динамичного развития торгового зернового производства, выбрасывавшего на всероссийский рынок миллионы пудов ценнейших хлебов. Россия обрела новую житницу, экономическое значение которой стало расти с каждым десятилетием. Ежегодно сюда стекалось большое число рабочих-сезонников. На юге края возникли крупные посеы, позволившие значительно расширить продажу зерна, как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Спрос на самарскую муку-крупчатку был высоким и устойчивым на биржах крупнейших стран-импортеров³.

Основной фуражной культурой был овес. Он высевался во второй половине апреля, первых числах мая, нередко в смеси с полбой. В урожайные годы собирали до 300 пудов с хозяйственной десятины⁴. Овес был необходим не только для корма лошадей, но из него готовили также крупу, применяемую в пище. Преимущество также было в том, что для него требовалось минимальная обработка почвы, сев осуществлялся в ранние сроки.

---

¹ Мордва Заволжья. С. 24.

² История Среднего Поволжья. Самарская летопись.

³ Там же.

⁴ Там же.

В числе зерновых культур сеяли гречиху, просо, ячмень. Как продовольственная культура высоко ценилась гречиха, которая давала урожай и на «худых» землях. Широкое распространение имело просо, которое высевали для собственного потребления. Самое лучшее просо было в Бузулукском уезде, которое отличалось крупностью зерна, чистотой и вкусом. Оно славились по всей губернии, и стоимость его была довольно высокой: от 35 до 80 и более копеек серебром за пуд¹.

Немаловажную роль в системе жизнеобеспечения мордвы играли посевы ячменя, которые давали невысокий, но гарантированный урожай (от 15 до 20 четвертей с десятины). Из него готовили крупу, солод, пекли хлеба, а в смеси с овсом он шел на корм рабочему скоту. Сеяли его в мае после посева пшеницы, а убирали первым из яровых². К началу XX в. увеличивается потребность в этой культуре, что способствовало росту его посевов.

Примечательно, что многие исследователи, в частности Л. Ф. Змеев, отмечают мордву, как лучших земледельцев из обитавших в Самарской губернии народов³.

Для обмолота зерна она применяла различные способы, не характерные для мордвы, проживающей на исконной территории. Широкое распространение имел обмолот с помощью лошадей. В северных уездах губернии снопы укладывались по кругу колосьями к центру, и по ним гоняли двух-трех лошадей. В южных уездах при молотье лошадей запрягали в телеги, на которые для груза накладывали снопы или насыпали землю⁴.

В конце XIX столетия наряду с использованием косы серповидной формы – косули в хозяйстве богатых мордовских крестьян стали применяться молотилки. Например, в Бугурусланском уезде их было 5⁵.

---

¹ История Среднего Поволжья. Самарская летопись.

² Мордва Заволжья. С. 24.

³ Змеев Л.Ф. Методикотопографическое описание и статистический очерк народонаселения Бугульминского уезда Самарской губернии. М., 1883. С. 34.

⁴ Тумайкин В.П. Соседская община... автореф. дисс... канд. ист. наук. С. 8.

⁵ Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 28.

Размол зерна производился на водяных и ветряных мельницах. Судя по данным списка населенных мест за 1897 г., они функционировали почти во всех крупных мордовских селах. Так, в мордовском с. Петровка Бугульминского уезда было 4 водяные мельницы, в д. Старые Узели – 3, а в с. Вечканово – 2¹.

Ветряные мельницы известны в двух основных вариантах: стержневые или столбовки, которые поворачивались к ветру вокруг оси всем корпусом, и шатровые, с подвижной крышей и крыльями. Столбовки больше были распространены на севере, а шатровые – в центральной части, на юге и западе. Кроме мельниц почти в каждом мордовском хозяйстве имелись ручные и ножные жернова, ручные ступы.

В хозяйстве самарской мордвы большую роль играли технические культуры: конопля, лен, дающий волокно для самодельных тканей и масло. Лен по большей части шел для домашних нужд. Способ уборки льна повсеместно был одинаков. Его выдергивали руками и связывали в снопы, которые развешивали на вешала для просушки или просто ставили в кучки. Потом увозили домой и обивали семена. Затем лен расстилали на лугах по отаве для улежки. После окончательной просушки в банях его мяли на мялках, трепали и чесали щетками².

Посев и уборка конопли сохраняли свои традиционные способы, характерные для всей мордвы. Например, в д. Большой Сурмет мастера шили из шерстяного полотна с конопляными нитками чапаны с толстым воротником для работы в зимнюю стужу, которые были очень теплыми и надежными³.

Составной частью традиционного хозяйства мордвы было животноводство, развитию которого способствовало наличие огромного пространства пастбищных мест, обширных лугов, изобилие трав, о чем свидетельствуют

---

¹ Список населенных мест Самарской губернии. С. 167–237.

² Мордва Заволжья. С. 25.

³ Муниципальное образование Оренбургской области, Абдуллинский район, сс. Большой и Малый Сурмет.

как этнографические, так и статистические данные¹. В наибольшей степени разведение скота было распространено в Бугурусланском и Бузулукском уездах. В то же время, в Бугульминском уезде из-за отсутствия местного сбыта, недостатка заведений, перерабатывающих сырье, распашка степей и длинные суровые зимы, когда скотина 6–8 месяцев должна питаться сухим кормом, не благоприятствовали развитию скотоводства. По данным X ревизии 1878 г. в Бугульминском уезде на одного жителя приходилось 0,27 рогатого скота, 1,3 овец, 0,26 свиней и 0,02 коз; у чувашей – 0,42, 1,3, 0,25, 0,01 соответственно. В среднем по уезду на одного жителя приходилось 0,23 рогатого скота, 0,9 овец, 0,12 свиней, 0,9 коз². В тех уездах, где были благоприятные условия для скотоводства, рогатый скот являлся предметом внешней торговли. Жители здешних мест набирали значительные гурты рогатого скота и отправляли его в разные города – Казань, Нижний Новгород, Москву и т. п.

Методы ведения скотоводства у всех народностей уезда были почти одинаковы и близки к общерусскому, при котором держали какой-нибудь скот, только бы он был дешевый и как можно менее требовал ухода. С весны до осени, когда не было снега, вся крупная скотина паслась на обширных выгонах, недалеко от селения, чтобы быть на виду у хозяев, а всю зиму стояла в хлеву на соломе, реже на резке. Этот обычай был усвоен здесь от кочевых степняков.

Большую роль в крестьянском хозяйстве играла лошадь, которая меняла статус самого хозяина. Как показывают статистические данные, у большинства мордвы в хозяйстве имелась лошадь. Например, в с. Борискино Бугульминского уезда из 492 дворов 119 имели по 1 лошади, 152 – по 2, 85 – по 3, 94 – по 4, 24 – по 5–10, и только 18 дворов числились безлошадными³. Господствующей породой лошадей в Заволжье была башкирская-мелкорослая, но мускулистая, крепкая и быстрая. Наряду с этим мордва разводила русскую и киргизскую породы.

---

¹ Федоров Н. Указ. соч. С. 321.

² Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 26.

³ Красноперов И. Указ. соч. С. 70.

Обширные пастбища создавали благоприятные условия для развития овцеводства. Господствующими породами разводимых овец были простая разношерстная, имеющая грубую, толстую шерсть, черкасская – крупная, белошерстная с длинной кудрявой и мягкой шерстью – курдючная. В Бузулукском и Бугурусланском уездах встречалась испанская тонкорунная порода¹. Овец разводили не только для употребления в пищу. Здесь мордва считалась лучшими скорняками. Выделанная ею овчина пользовалась спросом не только на рынках Самарской губернии, но и на соседних². Овчина шла на одежду, из нее шили шубы, шапки.

Составной частью животноводства являлось разведение свиней. Она шла как для домашнего потребления, так и для продажи судопромышленникам, которые заготавливали ее в огромном количестве для бурлаков.

В начале XX столетия для пастьбы стали нанимать пастухов. Согласно традиции, их выбирали на сельском сходе, при этом старались найти людей достойных, проверенных, обладающих определенными ветеринарными навыками. От умения пастухов во многом зависела сохранность скота³.

Учитывая наличие водных ресурсов, жители многих сел занимались разведением птиц. Так, мордва Бугульминского уезда разводила уток, гусей и индюшек⁴.

Неотъемлемой частью системы жизнеобеспечения мордвы было огородничество. И. И. Лепехин отмечал, что у всех крестьян по Черемшану есть огороды, в которых сажают свеклу, морковь, капусту, огурцы⁵. Данная традиция сохранялась и во второй половине XIX столетия. Так, в Самарском, Бугурусланском, Бугульминском уездах наряду с перечисленными культурами возделывали также лук, чеснок, редьку, картофель⁶. В южных районах Бугурусланского, Ставропольского уездов, а также Бузулукском уезде широкое

---

¹ Мордва Заволжья. С. 29.

² Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 27.

³ Мордва Заволжья. С. 30.

⁴ Федоров Н. Указ. соч. С. 323.

⁵ Лепехин И. Указ. соч. С. 147

⁶ Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 24.

распространение получает выращивание арбузов, дыни, тыквы, подсолнечника. В 60–70-х гг. XIX в. в связи с активным строительством железных дорог бахчеводство перерастает в торговую отрасль. Из бобовых растений выращивали горох.

Следует подчеркнуть, что устройство огородов и набор возделываемых культур определялись не только климатическими условиями, но и традициями. При переселении на новые места в процессе хозяйственного освоения территорий, мордва, прежде всего, высевала семена, привезенные с собой, применяла привычные для нее приемы и накопленные знания. Эта преемственность сохранялась и в последующие годы.

Среди самарской мордвы садоводство не получило широкого развития. По сообщению информаторов, в мордовских селениях им практически не занимались из-за огромного количества различных вредителей, которые фактически приводили к гибели садово-ягодные деревья¹. Исключением являлась Сызрань, где разводились хорошие яблоневые сады². Плодово-ягодные деревья получают распространение только в середине XX в. Отсутствие садоводства компенсировалось сбором малины, клубники, вишни, калины, торна, ежевики, которые во многих уездах произрастали в огромном количестве³.

Переселяясь на новое место жительства, мордва старалась сохранить и традиционные виды занятия: охоту, рыболовство, бортничество. В этом плане представляет интерес сообщение И. Белореченского о жителях мордовского с. Лобаз Бузулукского уезда: «...в каждом селе первым долгом считалось иметь оружие, капкан и вятель – плетенка из прутьев у рыбаков, которые лежали на почетном месте, как неременная необходимость его промысла и удовольствия»⁴. Сохранению традиционных промыслов способствовали и природные условия. Так, лесная площадь в Самарском крае была гораздо обширнее, и размеры деревьев в лесах невольно привлекали к себе внимание

¹ ПМА Шенталинский район (Приложение 7).

² История Самарского Поволжья... XVI – первая половина XIX века. С. 182.

³ Гребнев М. Село Фролкино или Ерзовка Бугурусланского уезда // СЕВ. 1885. №№ 22–24. С. 543.

⁴ Белореченский И. Указ. соч. С. 428.

переселенцев. Исследователь Самарского края Г. Перетяткович отмечал: «В дуплах вековых деревьев пчелы клали мед, а в гуще непроходимых лесов свободно размножались пушные звери, вследствие чего, пчелиный и звериный промысел могли одинаково привлекать к себе предприимчивых людей из русских и инородцев»¹. В лесах обитали: куницы, сайгаки, медведи, лоси, зайцы, рябчики, тетерева и др.² По рекам ловили выхухоль, водились выдры и бобры. О бытовании традиционных промыслов мордвы сообщает М. Гребнев, в частности, в с. Фролкино Бугурусланского уезда существует «...несколько промыслов: рыболовство, ловля зверей, пчеловодство, собиранье ягод и плодов... На волков и лис ставят капканы, зайцев просто травят»³. Продукты охоты в основном использовались для собственных нужд и пополняли рацион питания. Во второй половине XIX – начале XX вв. с уменьшением лесных угодьев, сокращается численность лесного зверя, поэтому роль охоты постепенно падает. Лишь отдельные любители в свободное от основных работ время, продолжали промышлять охотой⁴.

Обширные луговые пространства, изобилие лесов в крае создавали условия для занятия пчеловодством. Первые сведения о бортном ухोजае самарской мордвы зафиксированы в книгах Вотчинного Архива Московского Древнехранилища. Приведена справка из Самарских денежных описей, где значится: «Верхового бортного ухожая, что на луговой стороне, за бортные вотчины Самарского уезда на Большом Бору выше Сока реки, что бывали за мордвою Казанского уезда деревни Кулунцы... вместо меду у мордвы деревни Бахиловой до деревни Шелехмецкой приимано деньгами». Мордва заявляли, что они в этом ухोजае пашни не пашут и сена не косят. Под Большим Бором следует разуместь те сосновые леса, остатки которых тянутся по правому берегу Сока, а мордовское с. Шелехметь и сейчас существует в юго-

---

¹ Перетяткович Г. Указ. соч. С. 221–222.

² Змеев Л. Ф. Указ. соч. С. 31.

³ Гребнев М. Село Фролкино... С. 542.

⁴ Змеев Л. Ф. Указ. соч. С. 31

восточном углу Луки¹. О значимости пчеловодства в системе жизнеобеспечения мордвы свидетельствует тот факт, что молодой человек в прошлом не имеет право жениться до тех пор, пока своими руками не научится делать борти². Однако, в конце XIX в. значимость пчеловодства постепенно снижается, хотя по сравнению с другими этносами этот промысел у мордвы был выше. Так, по статистическим данным в 1878 г. на каждого жителя Бугульминского уезда приходилось по 0,25 пенька, в том числе у чувашей – 0,26, башкир – 0,15, мордвы – 0,4³. Причинами падения пчеловодства являются: уничтожение лесов, постоянные засухи, убивающие растительность и заметно иссушающие почву местности.

Одним из наиболее рано сложившихся отраслей промысла в крестьянском хозяйстве являлось рыболовство. Рыба всегда была ощутимым подспорьем в питании мордвы, недаром в народе говорили: «Где рыба, там и мордвин». Пристрастие мордвы к рыбе отмечали многие исследователи, в частности, И. Д. Пургасов писал, что во время ярмарки русский крестьянин смотрит комедию или наряды, мордвин же – обращает внимание на соленого леща⁴. Развитию рыболовства благоприятствовало наличие огромного количества рек и речушек. Только в Бугурусланском уезде насчитывалось 228 рек и 9 озер, в Бугульминском – 321 и 15 соответственно⁵.

Орудия ловли были весьма разнообразны: волоковые сети, бредни, неводы, мережки, верши и переметы и т. д. Для зимнего лова рыбы применяли лукошко, сделанное из лыка или прутьев⁶.

Рыбными угодьями мордва владела совместно, всей общиной. Нередко прибегали к аренде их у помещиков и монастырей. Работали артелью, величина которой определялась характером промысла. У мордвы, как правило,

¹ Гераклитов А.А. Указ. раб. С. 11.

² Митропольский К. Мордва // Мирское слово. 1877. № 11. С. 83.

³ Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 32.

⁴ Пургасов Д.В. Жизнь дореволюционной мордвы. История, предания, быт, обычаи и верования. М., 1995. С. 45.

⁵ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 28–29.

⁶ История Среднего Поволжья. Самарская летопись.

они складывались на основе родства или соседства. В с. Ерзовка Бугурусланского уезда рыболовством занимались «особые компании более зажиточных крестьян, которые почти за бесценок, какие-нибудь 15 руб., снимают все воды, принадлежащие флоркинцам... В благоприятные годы эти компании... получают чистой прибыли до 300 руб.»¹.

Продукты рыболовства широко использовались для домашнего потребления. Но среди жителей селений, расположенных вдоль рек Черемшан, Самара, Кинель, Сок, создавались рыболовецкие артели для продажи рыбы на местных рынках, а также в крупных городах, в том числе Москве, Петербурге. Большим спросом пользовались сом, язь, жерех, лещ, плотва, окунь, линь.

В хозяйстве Самарской мордвы большое значение имели домашние промыслы, которые во многом определяли социально-экономические отношения в обществе, влияли на традиционные формы общения и нормы поведения. Кустарными промыслами занимались почти в каждом хозяйстве. Широкое распространение имела обработка сельскохозяйственной продукции, изготовление орудий труда, предметов одежды, домашней утвари, предметов обихода и т. п.

Исключительно женским занятием являлось ткачество. Например, женщины д. Большой Сурмет сверх полевой работы упражнялись в рукоделии, пряли лен, посконь и шерсть, ткали холсты для себя и на продажу². В мордовских селах Бугульминского уезда получило распространение вязание шерстяных изделий, выделка домашнего сукна для зипунов и юбок большей частью для домашнего потребления. Хотя, по мнению Л. Ф. Змеева, «...мордовские юбки по выработке материала, искусной узорчатостью и прочности красок стоили бы вывоза. Впрочем, кушаки их и пояса еще успешнее конкурируют с фабричным производством, а крашеная шерсть в нитках вывозится»³. В этом же уезде более устоявшимся и прогрессирующим было войлочное производство. В нем начинает появляться разделение труда:

---

¹ Гребнев М. Село Фролкино... С. 542.

² РГАДА. Ф. 1355. Д. 45. Л. 91.

³ Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 35–36.

колпаки для шляп, стельки валяются в одном месте, а окончательная отделка их производится в другом месте¹.

Обработка дерева и металла у мордовских крестьян не имела большого распространения. Если по всей Самарской губернии обработкой дерева занимались 185 чел., а обработкой железа – 190², то в одном только Спасском уезде Тамбовской губернии первым видом промысла занимались 1567 хозяйств, в Краснослободской – 1400. В Саранском уезде Пензенской губернии одним бондарным делом занимались 925 хозяйств³.

В южных уездах губернии деревообрабатывающие промыслы не получили развитие из-за отсутствия лесов. Деревянные повозки, бондарные и другие изделия привозились сюда в основном из Казанской губернии. Например, с. Лобаз Бузулукского уезда славилось изготовлением прялок. Мордовские деревянные кувшины Бугульминского уезда были «недурно расписаны»⁴.

В сс. Курмочь и Старая Бинарадка Ставропольского уезда получило развитие смолокурение и приготовление древесного угля. Им занимались соответственно 66 и 50 дворов⁵. Спрос на уголь был еще довольно высок, поэтому его сбыт не ограничивался одними местными рынками. Продавался он в Спасском Затоне Казанской губернии, Криушах Симбирской губернии, в Симбирске и частично в Самаре. Куль корневых углей стоил 70 коп., а дровяных – 50.

До конца XIX в. видное место среди кустарных промыслов Бугурусланского уезда занимало выжигание извести. Однако, в связи с сокращением лесных массивов и с затруднениями добычи известняка, этот промысел пошел на убыль и сохранился только в Аманакской волости.

---

¹ Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 35–36.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи.

³ Очерки истории Мордовской АССР. В 2 т. / под ред. В.Н. Бочкарева, К.В. Кудряшова и др. Саранск, 1955. Т. 1. С. 331.

⁴ Белореченский И. Указ. соч. 428; Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 37.

⁵ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Ставропольский уезд. М., 1884. Т. 2. С. 171.

В Бузулукском уезде многие мордовские крестьяне занимались производством кирпича. Например, только в одном с. Каменка из 115 чел., занимающихся промыслом, 100 выделывали воздушный кирпич¹.

В мордовских селах, расположенных близко к городам, в зимнее время заготавливали дрова. Так, в с. Старая Бинарадка Ставропольского уезда этим промыслом занимались 227 человек².

Для самарской мордвы были присущи и отхожие промыслы, связанные с земледельческим и неземледельческим трудом. К первым относились разнообразные сельскохозяйственные работы в кулацких и помещичьих хозяйствах. На все лето крестьяне нанимались в пахари, иногда со своими плугами и быками, жнецы³. В отличие от мордвы, проживающей на исконной территории, которая в поисках работы массами направлялась в южные районы России, в том числе и в Самарскую губернию, крестьяне здесь нанимались обычно к помещикам, жившим недалеко от их деревень (сс. Богатое, Грачевка, Языково, Тимяшево Бугурусланского уезда)⁴. Только жители с. Каменка Бузулукского и с. Сок-Кармала Бугурусланского уездов отправлялись на сенокос и уборку хлебов в более дальние места⁵.

Вторым не менее важным дополнительным источником существования служил извозный промысел. Он распадался на отдельные специальности: перевоз хлеба в пределах одного уезда и губернии, доставка рыбы и других товаров за пределы Самарской губернии. В конце XVIII – начале XIX в. он не получил большого распространения. Крестьяне с. Титовка и дд. Малая Томиловка, Губашева и Глушицы Самарского уезда «нанимались из г. Самары ездить в г. Уральск, а там – в разные российские города. Некоторые же нанимались в работники к купцам по реке Волге, вниз и вверх на судах для отвозу

---

¹ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Ставропольский уезд. М., 1884. Т. 2. С. 175.

² Там же.

³ Гребнев М. Село Фролкино... С. 541.

⁴ Там же. С. 542.

⁵ Мордва Заволжья. С. 42.

разных товаров в разные города»¹. Также этим промыслом занималась и мордва из с. Борискино Бугульминского уезда: 61 семья, состоящая из 12,4 % общего количества дворов. Кроме того, 15 человек ходили по работникам, 9 человек нанимались в пастухи. Вообще же разными промыслами занимались в этом селе 158 дворов (32,1 %): плотничеством (8 дв.), изготовлением прялок «для баб» (10), выделкой саней (2), овчин (6), шерстобитничеством (3), портняжничеством (7), кузнечеством (2) и т. д. В урожайный год промысловые занятия сокращаются на половину².

Хлеб обычно возили не к одному какому-либо определенному пункту, а в разные места, где стояли более «подходящие» цены на хлеб – в Чистополь (Казанская губерния), Уфу, Самару, Елабугу, Мензелинск, Бугульму, Альметьево и т. д. Рыбу возили из Уральска в Мензелинск, Елабугу, Каракульно (Вятская губерния), Манадыш, Чистополь, Стерлитамак, Бугульму и Альметьево. Получали за этот труд следующую попудную плату: от Уральска до Мензелинска (6000 верст) – 55 коп. с пуда, Бугульмы – 35–37 коп., Альметьевска – 45 коп. и т. д., смотря по расстоянию... в зиму каждый из них может совершить до 2-х таких вояжей. Вычитая отсюда издержки на свое собственное содержание и прокорм лошади во время пути до 10–12 руб. в оба раза, возчик получает чистой прибыли до 10–12 руб. – сумма, которой «как раз на подати и хватит», говорит мордва³. Жители с. Ерзовка Бугурусланского уезда везли в г. Самару хлеб, оттуда мануфактурные товары в Кинель-Черкасскую слободу и Бугуруслан. Цена извоза 15–18 коп. с пуда за 170-ти верстное расстояние⁴.

Однако следует отметить, что в отличие от мордвы, проживающей на коренной территории, где отхожие промыслы были настолько развиты, что в зимние месяцы из некоторых селений Мордовии уходило почти все взрослое мужское население, они здесь не получили широкого развития⁵.

---

¹ Мордва Заволжья. С. 43.

² Красноперов И. Указ. соч. С. 74.

³ Там же. С. 74–75.

⁴ Гребнев М. Село Фролкино... С. 542.

⁵ Лузгин А.С. Жизнь промыслов: промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX – начале XX в.: этнокультурные аспекты. Саранск, 2001. С. 162.

Во второй половине XIX в., в связи с развитием капиталистических отношений, в сельском хозяйстве классовое расслоение крестьян пошло более быстрыми темпами. Стала расти сельская буржуазия. Зажиточные крестьяне все больше и больше стали вырабатывать зерна для продажи. В результате этого, расширилась сеть рынков, как в самой Самарской губернии, так и за ее пределами. Во многих селах появились скупщики зерна. Такая картина наблюдалась в с. Лесная Богана Бугульминского уезда, откуда зерно возили в Чистополь и Сергиевск, из с. Старые Шенталы того же уезда возили в Черемшанскую крепость и т. д. В с. Старое Мансуркино специальных скупщиков не было. Владелец излишков хлеба нанимал из своих односельчан извозчика и отвозил в Бугуруслан, где продавал на базаре или сдавал в государственные амбары.

Сотни и тысячи возов крестьян Бугульминского уезда ежегодно подряжались возить рыбу в разные торговые пункты. Еще с осени приезжали купцы из Елабуги, Чистополя и из других мест для словесного договора с крестьянами о покупке в г. Уральске соленой рыбы и доставке ее на своих лошадях в определенные места. Купцы давали иногда подрядившимся крестьянам 2–3 рубля задатка.

Одним из ярких показателей проникновения товарно-денежных отношений стало появление ярмарок, базаров и мелких торжков в удельных селениях. Они были местом сбыта не только сельскохозяйственной продукции, но и ремесленных изделий. Так, если в 1846 г. Самарская удельная контора не имела ни одного базара, то в 1860 г. их было уже 16, в Сызранской тоже 16. Для сравнения: Нижегородская уездная контора имела только 2, Симбирская – 9, Оренбургская – 7, Казанская – 3¹.

В своей экономической деятельности мордовские крестьяне были ориентированы на внутренние потребности, что, однако не исключало постепенного втягивания их в товарно-денежные отношения. По мере их развития крестьянский двор все более обрастал экономическими связями, причем не

---

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 2234. Л. 1; Д. 2299. Л. 1–44.

только в рамках общины, но и в межселенном, а также сельско-городском плане. Расширение объемов товарного производства в крестьянском хозяйстве носило вынужденный характер, и было результатом развития аренды, налоговой системы, товарообмена между городом и селом. Одновременно с ростом товарности сельскохозяйственного производства шло развитие промыслов и отходничества как способов получения добавочного дохода. Но они были ориентированы на то, чтобы свести концы с концами, и не перерастали в разновидность предпринимательства.

Важнейшие сельскохозяйственные работы сопровождались молениями (озксами), различными обрядами, направленными на получение большого урожая, сохранения посевов от засухи и других природно-климатических катаклизмов.

Одним из значимых обрядов земледельческого цикла являлся кереть озкс, посвященный началу сева. Кереть, керядь – старинное название плуга. Для проведения обряда готовили мясо, купленное на общинные деньги, варили пиво. В назначенный день празднично одетые жители собирались на околицу села. Каждая хозяйка брала с собой свежий хлеб, пироги, яйца. Перед началом обеда один из стариков, обращаясь к богу, молился и просил дать высокий урожай, благодатную погоду, сохранить посевы от зноя и слякоти. Каждый хозяин со своей чашкой подходил к котлу и получал свою долю, после чего начиналась общая трапеза. Во время обряда назначали день начала сева и выбирали человека, который должен выехать в поле первым. Согласно традиции, он должен обладать определенными нравственными качествами, «легкой рукой»¹.

В честь божества поля Норов-авы (Пакся-авы) проводился общинный молян – сараз озкс. Ее просили о хорошем урожае и наполнении хлебом гумна².

Наряду с общественным молением началу сева посвящалось и семейное, которое проводилось с наступлением темноты. По обычаю перед молением

---

¹ ПМА Шенталинский район. (Приложение 7).

² Там же.

закрывали трубы в печи, двери, чтобы не выходила из дома нисшедшая от молитвы благодать, клали перед иконами предназначенные для сева зерно и молились о благополучном исходе полевых работ и богатым урожае¹.

С первым севом у самарской мордвы были связаны различные приметы и поверья. Так, в день его начала нельзя было оглядываться, возвращаться назад, никому ничего не давать взаймы. При въезде на загон, слезали с телеги на правую ногу. Прежде чем бросить семена в землю, около межи зарывали яйцо, чтобы зерна были такой же величины².

После окончания весенне-полевых работ устраивалось моление о дожде – «пизем озкс». Всем селом собирались около родника и молились Нишке пазу (верховному богу) и Ведяве (богине воды), чтобы они послали им хороший урожай. После молитвы каждый черпал в посуду воду и отправлялся на поля, где брызгал водой на посевы. Таким образом, обходили все поля. Затем вновь собирались около родника, молились и в заключении обливались водой. В этот день около всех родников дети и молодежь стояли с ведрами и обливали каждого проходящего. В конце XIX – начале XX вв. данным обрядом руководил священник. Сначала он служил молебен, а затем с иконами, которые несли жители села, обходил поля³. Так, жители с. Захаркино Сергиевского района молились о дожде у колодца «Бабань лисьма», который находился в лесу. В с. Большая Ёга Похвистневского района поднимались на гору «Шихан пандо», близ озера. Отмечается тесная связь данного обряда с культом предков. Существовало поверье, что предки могут оказать содействие в вызывании дождя. В прошлые века в засушливые годы мордовское население Благодаровки, Немчанки и Коноваловки (Борский район) проводили моления ночью, при свечах, причём молились у самых старых захоронений. Часто после моления могилы обильно поливали водой, которую специально привози-

---

¹ И-888. Тумайкин В.П. Земледельческие обряды мордвы. Саранск, 1976. С. 14.

² И-1074. Лузгин А.С., Беляева Н.Ф., Разживин В.Ф. Отчет об этнографической экспедиции за 1983 г. Саранск, 1983. С. 36.

³ Беляева Н.Ф. Дореволюционный быт мордовской крестьянской семьи Заволжья // Бытовая культура мордвы / отв. ред. Н.Ф. Мокшин. Саранск, 1989. С. 30.

ли с собой. Обрызгивание могил в засуху наблюдалось в с. Новые Сосны (Клявлинский район)¹.

В начале лета проводились обряды, которые обеспечивали сохранность посевов. Чтобы умиловить Модаву и Модань-паза (богиню и бога земли) на меже совершали особое моление – грань озкс. Во время цветения хлебов мордва молилась богине ветра Варма-аве, чтобы она утихомирилась, не губила посеvy².

С целью сохранения посевов от засухи проводили обходы полей – «паксянь кружама», «паксянь кругом велявтома», в которых принимали участие все жители села. Обход начинался у церкви или кладбища, а затем вся процессия отправлялась к водному источнику, где совершался молебен. Неотъемлемым элементом обряда было обливание водой. Освященную воду брали с собой домой, чтобы обрызгать людей, не принимавших участие в молении, а также и скот³.

Перед началом жатвы проводили моление в честь Мода-авы (богини земли), Пакся-авы (богини поля), Норов-авы (богини плодородия) с магической целью получения силы, здоровья, работоспособности. В ряде мест женщины катались на земле, чтобы не болела поясница, спина во время жатвы⁴.

Самарская мордва сохранила традицию проведения благодарственного моления – «паронь пандома озкс» по завершении всех полевых работ. Оно проходило за околлицей села. В назначенный день каждая семья приходила на это место, неся с собой съестные припасы, брагу. Во время моления, обращаясь к богам, выражали свое почтение за успешное проведение сельскохозяйственных работ. В качестве жертвы старики отламывали по кусочку от каждого кушанья и зарывали в землю. После этого приступали к общей трапезе. В селах, где была церковь, на молении присутствовал священник. Отслужив

---

¹ ПМА Клявлинский район. (Приложение 7).

² ПМА Похвистневский район. (Приложение 7).

³ Там же.

⁴ Там же.

молебен и получив за свой труд продукты, он отправлялся домой, в общей трапезе участия не принимал¹.

Обычаи, обряды, связанные с животноводством составляли неотъемлемую часть хозяйственной деятельности. Они были направлены на увеличение плодovitости скота, сохранении от болезни, падежа, кражи, нападения хищных зверей.

Один из самых значимых молений посвящался первому выгону скота – «лифтема – панема озкс», который сопровождался различными магическими и символическими обрядами. Широкое распространение имел обычай прогона скота через «живой» огонь. Для этого сооружали ворота с широким помостом, на котором путем трения добывали огонь и зажигали костер. После прогона скота сквозь эти ворота каждая хозяйка брала «живой» огонь, который поддерживался в течение года до нового моления. В ряде мордовских сел современного Шенталинского и Клявлинского районах местом первого выгона скота выбирали овраги, на склонах которых расставляли иконы. Священник читал молитву и окроплял скот «святой» водой. Выгоняемых животных хлестали веточкой вербы, освященной во время вербного воскресенья².

В день христианского праздника Вознесения проводили «алашань озкс» – моление о лошадях. У саратовской мордвы оно называлось «айгыр озкс» – «жеребьячий молян»³. В нем участвовали только мужчины. Они молились святым Фролу и Лавру, которые считались покровителями лошадей, чтобы лошади не подвели во время пахоты и уборки урожая, чтобы не напал на них мор⁴.

При падеже скота проводили специальное моление – «стака озкс». По описанию И. Лепехина, для этого делали подкоп с выходом, наверху которого зажигали огонь. В обряде принимал участие священник, который служил

---

¹ Евсевьев М.Е. Историко-этнографические исследования // Избранные труды. Саранск, 1966. Т. 5. С. 193–194.

² ПМА Клявлинский район. (Приложение 7).

³ Саратовский этнографический сборник / Составитель М.Т. Маркелов. Саратов, 1922. Вып. I. С. 91.

⁴ ПМА Шенталинский район. (Приложение 7).

молебен и окроплял святой водой скот во время прогона по подкопу¹. При заболевании отдельных животных проводился «вень озкс» (ночное моление), во время которого со свечой или горшком угля обходили дом и постройки. Однако, в конце XIX – начале XX в. в связи с изменившимися социальными условиями магические обряды, связанные с животноводством и земледелием, утрачивают свое значение.

Значительные изменения в сельской местности стали происходить в первой четверти XX в. Важнейшей чертой аграрной политики 1920-х гг. стало проведение мероприятий по социалистическому переустройству сельского хозяйства, которые были ориентированы на развитие коллективных форм землепользования и создание системы государственных хозяйств. Трудовые артели, коммуны начинают создаваться уже в 1918 г., но заметным явлением они стали позднее – после окончания Гражданской войны и принятия Земельного кодекса 1922 г.² В качестве основной идеи советского правительства становится сближение города и деревни.

Процесс включения деревни в зону политического, экономического, культурного влияния города (государства) приходится на 30–50-е гг. XX в. Основными факторами становятся коллективизация и создание совхозов, сопровождающиеся изменением технологической основы сельскохозяйственного производства. Например, в 1930 г. на территории Спиридоновского сельского совета Волжского района было создано 3 колхоза: «Красная Армия», «Политотдел» и «Красный партизан»³, в с. Верхнее Санчелеево Ставропольского района – колхоз «Путь к социализму», который затем разделился на два: «Путь социализма» (мордва) и «Молотова» (русские), в пос. Вечкановка Верхне-Санчелеевского сельского совета был образован колхоз «Искра Ленина»⁴.

---

¹ Лепехин И. Указ. соч. С. 134.

² Мазур Л.М. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX – начало XX вв.). Екатеринбург, 2012. С. 151.

³ Администрация сельского поселения Спиридоновка муниципального района Волжский Самарской области.

⁴ Самарская область: краткая история села Верхнее Санчелеево.

Крестьянское хозяйство теряет свой статус и становится составной частью колхозно-совхозной системы, его размеры строго регламентируются Примерным уставом, а налоговые и административные ограничения препятствуют развитию товарной направленности.

Таким образом, вплоть до начала XX столетия самарская мордва сохраняла свои традиционные виды хозяйства: земледелие, скотоводство, рыболовство и связанные с ними обычаи и обряды. Однако, не получили развития такие виды деятельности, как бортничество, охота. В тоже время, активно адаптируясь в данной местности, мордва восприняла новые формы и способы хозяйствования, не характерные для ее исконного проживания (видоизменилась соха, обмолот зерна происходил с помощью лошадей и др.). Существенное влияние на хозяйственную деятельность оказали природно-климатические условия и межэтническое взаимодействие.

2.2. Поселенческо-жилищная среда

Одними из важнейших компонентов материальной культуры являются поселение и жилище. Поселения самарской мордвы, так же как и в коренном регионе расселения, строились вблизи водоемов, где были благоприятные для них условия¹.

Часто реки служили основными путями, которые связывали поселения между собой. По сведениям Л. Ф. Змеева, в Бугульминском уезде мордва, как и другие народы «...убегая от северных ветров, большей частью ютилась по долинам рек, под защитой гор, а избегая южного постоянного ветра, тянули свои улицы с востока на запад»². Такая форма поселения характерна для с. Бокла Бугурусланского уезда:

Вай, Бокла, Бокла, селеньице Бокла,

Вай, славное, вай, красивое!

Чем славно село,

---

¹ Лузгин А.С. Указ. соч. С. 57.

² Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 42.

Чем красиво село?

Между двух гор село «расположено»,

Село на берегу Кинель-реки¹.

Приречный тип поселений самый древний в этом крае. Поселения отодвигались от реки на всю ширину поймы и располагались на второй или третьей надпойменной террасах, образуя долинный подтип.

П. А. Преображенский выделяет 2 основных типа заселения. В области лесостепи, т. е. приблизительно до течения реки Самары, преобладающим являлся долинно-овражный – селения располагаются по долинам мелких рек и по оврагам с ключевой водой и запрудами. В степной половине губернии преобладает тип чисто-долинный – селения располагаются частою цепью по долинам степенных рек, как это видно, например, по течению реки Бузулука и особенно наглядно выражено по Б. Иргизу².

Водораздельный тип заселения получил некоторое распространение в конце XIX – начале XX вв. в результате возросшей потребности в увеличении пашенных угодий, в связи с уплотнением населения и т. д. Для этого типа заселения характерно расположение селений на лесных полянах, на возвышенных местах.

Для мордвы очень важным было наличие леса около поселения, где она издревле находила все для своего существования.

Для мордовских селений характерны различные виды планировки. Наиболее распространенной была рядовая, при которой поселения вытягивались цепочкой в один сплошной ряд, и ориентировались фасадами в одну сторону, чаще на реку, речку, озеро, а позднее на тракт. Такая планировка чаще всего встречается в Бугурусланском уезде. Наряду с этим, ряд селений сочетали в себе как уличную, так и беспорядочную форму. Например, с. Вечканово (Иса克林ский район) состоит из двух основных улиц с двухрядной застройкой, и беспорядочно разбросанных на склонах, несколько домов и от-

---

¹ УПТМН... Т. 9. С. 230.

² Преображенский П.А. Исторические очерки Самарского края... С. 200.

дельно стоящих построек¹. Такие планировки были характерны и для коренного района проживания мордвы². В разнородных в этническом плане поселениях каждый этнос проживал на своей улице.

Со второй половины XIX в. широкое распространение получает улично-квартальный тип планировки. Этому способствовали мероприятия правительства 70-х гг. XIX в., по которым она стала обязательным требованием для каждого поселения. При ее внедрении учитывались особенности ранее сложившихся форм расселения: сохранялся центр поселения с культовыми и общественными постройками. При распланировке рядовой деревни первый ряд домов у реки оставляли без изменений, а позади них ставили дома, обращенные фасадом к улице. Улицы с одним рядом домов, обращенных к дороге или реке, стали называть односторонками. Сложнее было преобразовать беспорядочно устроенные деревни, так как требовалось переставить по вновь запланированной улице жилые дома и хозяйственные постройки. Новый план деревни создавался с учетом ландшафта, путей сообщения и необходимости создания общественного центра. Уличные построения имели ряд особенностей: они сохраняли направленность улиц в соответствии с течением реки или направлением дороги. Если в поселении сходились несколько дорог, то оно делилось на части. В последнем случае они сходились в центре у церкви.

Судя по спискам населенных мест за 1900 г., поселения состояли из деревень и сел³.

В организации пространственно-жилищного комплекса самарская мордва многое переняла от русских. Так, Н. М. Малиев отмечал: «что касается внешней обстановки и вообще бытовой стороны, то мордовские деревни имеют тот же характер, что и русские. Расположение деревни, характер и архитектура построек, избы, их внутренние принадлежности, ничем существенным не отличаются от соседних русских селений»⁴.

---

¹ ПМА Иса克林ский район. (Приложение 7).

² Лузгин А.С. Указ. соч. С. 54.

³ Список населенных мест Самарской губернии.

⁴ Малиев Н.М. Указ. соч. С. 7.

Традиционные представления в организации пространственно-жилищного комплекса легли в основу возведения жилища. В нем отразились мировосприятие народа, основы его мировоззрения. Вместе с тем, природно-климатические, социально-экономические условия оказали существенное влияние на выбор типа жилища.

Основной формой жилища повсеместно служила деревянная рубленая изба «кудо», «куд», о чем свидетельствует ряд исследователей. В частности, Л. Ф. Змеев подчеркивал, что в Бугульминском уезде «избы у всех деревянные, рубленые, толщина стен зависит от кармана, но где ближе лес, там стены толще и обширнее»¹.

Строительству дома уделялось огромное значение. Статус хозяина у мордвы ставился в зависимости от наличия добротного дома. Исходя из этого, выбору места для жилища придавалось не только утилитарное, но и сакральное значение. Широкое распространение имел выбор места с помощью магических действий, в том числе и гаданий. По сообщениям информаторов, вечером на предполагаемом месте постройки оставляли шубу, если утром она была сырой, то место считалось непригодным. Предполагалось, что весьма близко находились грунтовые воды². Было не принято строить дома на дороге, считалось, что это приносит болезни и смерть хозяевам, а также начинать строительство в понедельник, который считался тяжелым днем. С принятием православия выбранное место освящали, чтобы сохранить дом и домочадцев от злых сил. Нежелательным считалось строительство жилища вблизи мельницы, ибо в народном мировоззрении она ассоциировалась с «нечистым» местом, а мельник наделялся сверхъестественными колдовскими способностями³.

Мордва старалась не обживать чужие или заброшенные дома, а также те, в которых произошли несчастья. Считалось, что пребывание в них грозило несчастьем и новым жильцам.

---

¹ Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 43.

² ПМА Исаклинский район. (Приложение 7).

³ Там же.

При строительстве жилых домов самарская мордва использовала помощи. Первая помощь устраивалась для заготовления и перевозки строительного материала. Участники приходили к хозяину на своих лошадях и со своим инструментом. Во второй раз собирались, когда рубили сруб, затем – при его поднятии. На заключительном этапе приходили и женщины с детьми, которые помогали в подсобных работах, расстилали мох и т. п.¹

Одним из древнейших видов мордовского жилища была курная изба, которая функционировала и в первой половине XIX столетия. По сообщению И. Красноперова в с. Борискино Клявлинского уезда существовало «...несколько десятков курных изб, внутренность которых представляет совершенно открытое пространство без всяких перегородок, с печью с одной стороны»². О площади мордовских изб можно судить по данным подворной переписи, произведенной земскими статистиками в начале 1887 г., в которой оказалось: изб 5-аршинных в окружности – 97; 6-аршинных – 188; 8-аршинных – 24; 9-аршинных – 9; из остальных 173 изб – 12 носят название 5-стенных, имеющих от 12 до 15 арш. длины и от 7 до 9 арш. ширины; 168 изб имеют 7 арш. кв. площади. Все избы крыты исключительно соломой, кроме одной избы кулака..., имеющего избу крытую железом, в 24 арш. длины и 9 арш. ширины. В 97 5-аршинных избах помещается 478 душ об. п., т. е. на каждую избу в среднем приходится по 4,8 чел. Тесное помещение мордовских изб не редко служит причиной того, что семья, состоящая из 5–8 чел., на ночь размещается по избам родни, а малые ребяташки иногда и днем по соседским избам³.

В целом мордовская изба не отличалась от русской. В частности, Л. Ф. Змеев фиксировал, что, «проезжая селение какой бы то ни было народности, они мало уклоняются от типа обыкновенной русской деревни. Ряд также двух-трех оконных, соломой крытых изб у мордвы, как и у русских, те же две избы, но несравненно больше и не разделенные сенцами, или две ря-

¹ Беляева Н.Ф. Дореволюционный быт... С. 26–27.

² Красноперов И. Указ. соч. С. 62.

³ Там же. С. 62.

дом комнаты, из которых задняя почти всегда разделена на две, с особо топящейся лежанкой, с полами, как говорят на живую, т. е. не сколоченными и не прибитыми, свободно пропускающими воздух. Нередки избы и русского фасона, но сравнительно редки земляные полы. Те же два-три окна и такой же величины. Крыши в основном соломенные». Неприкрепленные полы были характерны и для татар¹. Эту особенность отмечал и П. С. Паллас у мордвы Бугурусланского уезда². До появления стекла окна затягивали слюдой или пузырем животного. Дома были достаточно невысокими – от 13 до 17 венцов. Сруб конопатили мхом, паклей, реже соломой, а пазы между бревнами обмазывали глиной. Встречались жилища и со сплошной глиняной обмазкой. Преобладающими были четырехскатные крыши домов, покрытые соломой внакладку. В целях предосторожности от пожара и раздувания ветра, солому обмазывали глиной.

По воспоминаниям информаторов, в с. Старые Сосны Клявлинского района курные избы окончательно исчезли только в самом конце XIX – первой четверти XX в.³

Обычно деревянные дома рубили топором, используя способы угловой рубки с остатком – «в угол», «в чашу», когда врубка отступала на 1–1,5 см от концов брёвен, и ставили без фундамента или на невысоких деревянных столбиках – стульях. Эту традицию мордва сохранила и на новом месте жительства.

Внутреннее убранство и меблировка изб имели свои особенности. Например, у русских неотъемлемой частью жилища были полати, у чувашей – саган (подмостки по стенам), у мордвы – или такие же, или заменяются настилом в объеме кровати в полроста, у татар – нары, занимающие пол избы, на аршин от пола⁴. Некоторые отличия были и в освещении. Так, у татар

---

¹ Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 43

² Паллас П.С. Указ. соч. С. 137.

³ ПМА Клявлинский район. (Приложение 7).

⁴ Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 45–46.

было большее количество окон, больших размеров и непременно с двойными рамами, у мордвы их было меньше, но больше, чем у чувашей и русских¹.

Процесс заселения избы ярко характеризует ее традиционное мировоззрение, который обставлялся различными магическими обрядами, призванные обеспечить дому благополучие и благосостояние, а его обитателям – здоровье и долголетие. Считалось, что дом можно защитить от пожара, если принести в жертву петуха, кровью которого окропляли углы под первыми венцами. С принятием христианства связан обычай укладывания под углы дома освещенный ладан, окропления их святой водой. Самарская мордва сохранила традицию, согласно которой, при возведении дома, рядом сажали дерево, чтобы оно приносило удачу, благополучие, оберегало от болезней и всякого зла. Ряд исследователей данный обычай связывают с пережитком тотемистических представлений².

При переезде в новый дом мордва использовала различные ритуалы и обряды. Широкое распространение имел обычай впускать в новый дом сначала кошку или петуха. Аналогичные обряды в целом были характерны для всей мордвы³. Первый огонь в новой печи зажигали от углей, принесенных из старого дома. Чтобы задобрить хранительницу дома (Юртаву – э., Кудаву – м.), устраивали небольшое моление, сопровождающееся ее «приглашением» жить в новом доме. Он считался полностью освоенным после совершения «моления нового дома» – «од кудонь озкс», который приурочивался к ближайшему празднику.

Традиционная мордовская усадьба делилась на саму избу, двор (кардаз – э., пирьф – м.), огород и собственно усадьбу. Для мокшанского населения региона характерна разбросанная постройка двора, у эрзи встречались как открытые, так и закрытые дворы с однорядной застройкой.

---

¹ Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 46.

² Зеленин Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.–Л., 1937. С. 47.

³ Мокшин Н.Ф. Мордва и вера. Саранск, 2005. С. 80.

В планировке домов мокши и эрзи прослеживаются заметные различия. Для мокши характерна южнорусская планировка – печь стоит в дальнем углу избы, а ее устье обращено к окну боковой стены, красный угол справа или слева от двери. Для эрзи близка среднерусская планировка – печь стоит в одном из углов при входе, устьем обращена к окнам в передней стене, выходящей на улицу, красный угол – напротив двери по диагонали от печи. В оформлении красного угла и его символики велика роль христианских элементов. В народных представлениях божница ассоциировалась с алтарем православного храма и осмыслялась как место присутствия самого Бога. Помимо икон в божнице (шкой уже) хранились освященные предметы: сосуд с богоявленской водой, веточки вербы, троицкая зелень и др. Под иконой обычно стоял стол с двумя прикрепленными к стенам лавками. Место за столом в красном углу считалось самым почетным: оно предназначалось для хозяина, священника или почетных гостей, причем престижность места убывала по мере удаления от красного угла. В с. Темяшево Шенталинского района в некоторых домах у божницы делали застекленные дверки, чтобы защитить иконы. Во время молитвы и дни праздников створки открывали¹.

Особое значение имела потолочная балка – матица, которая считалась местом обитания покровителя дома – Куд-ава. Недаром во время сватовства, чтобы расположить к себе хозяев и Кудаву, сваты садились под матицу.²

Изба служила основным местом размещения членов семьи, где не только готовилась и принималась пища, но и выполнялись многие работы, связанные с кустарными промыслами. Зимой в избе содержали телят, поросят, ягнят, а в сильные морозы корову загоняли для дойки. В результате в помещении создавались антисанитарные условия. Полы зимой мылись лишь перед большими праздниками из-за боязни промочить картошку, находящуюся в подполе. Поэтому любое инфекционное заболевание превращалось в эпидемическое.

---

¹ ПМА Шенталинский район. (Приложение 7).

² Серов А.А. Народные традиции сохранения здоровья и физического воспитания у мордвы: конец XIX – начало XX в.: дисс... канд. ист. наук. Саранск, 2008. С. 57.

Большинство членов семьи специальных мест для сна не имели. Глава семьи с хозяйкой спали на «кони́ке», на печи и полатах – старики и дети. Подростки располагались где попало: на лавках, полу. Летом спали и в подсобных помещениях: сенях, клети, амбаре. В качестве постельных принадлежностей использовались матрацы, набитые соломой. Нередко постелью служила верхняя одежда: полушубки, кафтаны, ими же и накрывались. Почти в каждой избе под потолком висела «зыбка», где спал грудной ребенок. Стены и потолок не оклеивались. Их мыли лишь к большим праздникам.

В традиционном интерьере существенные изменения стали происходить в конце XIX – начале XX вв. Общим явлением стало выделение «чистой половины», для чего в избах помещения под кухню отгораживали дощатой перегородкой, идущей от печи к окну или же прикрепляемой к полу двух-, трехстворчатой ширмой. В постройках усложненного типа выносили печи на середину избы, что обеспечивало изоляцию помещения от кухни и позволяло выделить при помощи дощатых перегородок несколько комнат – горницу, спальню, прихожую, кухню. С изменением внутренней планировки жилья заметно улучшилось санитарное состояние, дома стали просторнее и чище.

К каждому жилому помещению пристраивались сени. Они примыкали непосредственно к жилой избе, а в трехраздельном доме служили связью между избой и горницей. В конце XIX – начале XX вв. сени были тесовые, реже рубленые, зафиксированы и плетневые сени с земляным полом¹.

Мордовский крестьянский двор имел три типа планировки. Самый древний степной тип предусматривал такое расположение построек, чтобы снаружи ни одна из них не была видна: фасад, выходящий на улицу, состоял из высокого забора с тяжелыми одностворчатыми воротами и большим внутренним замком. С улицы невозможно увидеть ни дверей, ни крыльца, ни труб, ни окон. Это двор-крепость – наглядное свидетельство живучих воспоминаний о прежних небезопасных соседях первых мордовских переселенцев. Более распространенными были постройки с избой, обращенной фронтоном,

---

¹ ПМА Похвистневский район. (Приложение 7).

обычно глухим, на улицу. Внутренние постройки двора частично доступны взору через ворота с калиткой. Вид с улицы портило то, что изба в фас имела лишь одно окно сбоку, так как другой бок занимала изнутри печь, поэтому изба получалась как бы «кривоглазая». Значительно веселее выглядели постройки, когда изба, сени и горница находились на передней стороне двора, и на улицу выходили два-три окна избы, дверь с крыльцом из сеней и окно или два из горницы, затем калитка, ворота и амбар. Такую застройку практиковали обычно в больших торговых селениях¹.

В числе хозяйственных построек мордвы бытовали хлев, конюшня, сарай, баня, подвалы (включая и такую архаичную застройку, как виход), амбар. Архаичный виход представлял собой полуземлянку, состоявшую из двух камер, углубленных на 0,7–1 м в землю, покрытую двускатной крышей из дерна, и каменной передней стеной. Чаще всего он служил для хранения от пожаров ценного имущества, одежды и зерна².

Бани у мокши и эрзи были как наземные, так и земляночного типа. Они обычно строились за огородами, на дворах, при реках. Такая близость от воды объяснялась не только стремлением предотвратить дом и постройки от пожаров, но и обычаем мордвы окунаться в речную воду после парной. Баня-землянка, врытая в самый берег реки, представляла собой однокамерную постройку столбовой конструкции с двускатным потолком из колотых бревен и сверху засыпанную землей. Они были без сенец, с дырой над дверью вместо окна. Такие бани были характерны для русских и чувашей³. У мордвы бани были в основном наземные, рубленные или из плетня, обмазанные глиной, без предбанников и с волоковым окном. Внутреннее устройство землянок одинаково с наземными банями. Во второй половине XIX в. господствующей формой становится рубленная наземная баня. Она представляла собой небольшой сруб под соломенной или тесовой крышей, с потолком из колотых бревен, крытых дерном. Маленькое оконце, прорубленное в боковой стене,

---

¹ ПМА Шенталинский район. (Приложение 7).

² Там же.

³ Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 46.

еле-еле пропускало свет. Такие бани топились по-черному. Каменка или глинобитная печь стояла обычно в дальнем от двери углу и была обращена челом к боковой стене, в которой помещалось окошко, а если его не было, то к двери. Предбанник часто был плетневый¹.

Наряду с чисто утилитарной значимостью баня играла огромную роль в народной медицине и обрядовой практике.

В комплекс мордовского двора, помимо этих построек, входили постройки для сушки, обмолота и хранения хлеба. В XIX – начале XX вв. у мордвы для хранения зерна использовались амбары, а для хранения одежды, домашнего имущества и т. п. – клетки. Первые всегда отделялись от жилья и выносились на заднюю часть усадьбы, вторые же – часто входили в состав надворных построек.

По мере застройки деревень по уличному или рядовому плану, упорядочивалась планировка двора и всей усадьбы, часто приобретая прямоугольные очертания. При этом изба выдвигалась на линию улицы, а дворовые строения располагались по периметру двора. По традиции они ставились изолированно, но постепенно их стали связывать с жилой избой и между собой, покрывая по русскому обычаю общей крышей или навесом. Перепланировка двора и связное расположение построек происходили в первую очередь в мордовско-русских деревнях и там, где мордва жила в окружении или по соседству с русскими. В XX в. преобладающими и повсеместно-распространенными среди мордвы стали глаголеобразная и покоеобразная планировка двора. Наряду с этим встречались двурядная и однорядная планировка, при которой изба и другие постройки связывались в один или два ряда. В то же время в местах более компактного проживания мордвы сохранялось разбросанное расположение построек на дворе². Следование традиции проявлялось и в том, что связь построек не была сплошной, а нередко с разрывами между строениями.

---

¹ ПМА Шенталинский район. (Приложение 7).

² ПМА Клявлинский район. (Приложение 7).

По традиции, двор оставался открытым и занимал до половины площади усадьбы (сс. Новый Байтермиш, Вечканово, Аксенкино).

Общими чертами зодчества, присущими для мордвы, русских, чувашей, были: сельские поселения (деревни), техника домостроительства, срубные постройки, вид планировки (изба – сени), отсутствие декора. От татар мордва восприняла печь с котлом, большое количество матерчатых украшений. Как результат русского влияния, в рядах мордовских сел появляются крытые дворы. В с. Большой Толкай под влиянием чувашей широкое распространение получила печь с подвесным котлом¹.

Следует подчеркнуть и о влиянии мордовской культуры на традиции чувашей, татар. Так, татары восприняли мордовский обычай устраивать нары коник, печь без котла и с высоким опечком. Влияние мордвы отразилось на планировке избы у чувашей и татар (чаще восточно-южнорусская с печью у фасадной стороны). Однако в целом, материальная культура, методы и формы ведения хозяйства, организация жилого пространства в общих чертах была единой, нередко смешанная. Нововведения появлялись как результат приспособления к масштабным условиям, и как следствие этнокультурного влияния соседних народов.

Существенные изменения в организации поселенческо-жилой среды у самарской мордвы, как в целом по стране, произошли во второй половине XX столетия в связи с политикой экономической оптимизации сельскохозяйственного производства и социокультурной интеграции повседневного быта сельского населения. В результате этого многие мелкие селения были ликвидированы, а их жители переселялись в крупные населенные пункты. Происходили кардинальные изменения в инфраструктуре поселений, в интерьере традиционных жилищ. С укреплением материальной базы сельского строительства, стали вводиться типовые дома и постройки. На центральных усадьбах колхозов и совхозов строились многоквартирные дома из кирпича. Повсеместно появились и индивидуальные кирпичные дома сельчан, а также

---

¹ ПМА Похвистневский район. (Приложение 7).

нетрадиционная кровля (рубероид, шифер, жесь). В ряде мест осуществлялось строительство домов городского типа (сс. Богана, Шентала, Старые Сосны, Шелехметь, Красный Яр и т. п.), что значительно улучшило квартирно-коммунальные условия жилых помещений. Наряду с этим происходила активизация индивидуальной деятельности сельского населения по возведению жилых и хозяйственных построек. При преобладании прежних типов жилища, начала меняться его планировка: печь строилась ближе к середине избы, появлялись дома с верандами. По области осуществлялась сплошная радиофикация и электрификация населенных пунктов, совершенствовался интерьер за счет массовой оклейки, побелки, покраски стен, пола, потолка, перегородок, распространения фабрично-заводской мебели, предметов культурно-бытового обихода и декоративного убранства. Расширение типового жилищного строительства привело к существенной потере традиционных черт мордовского жилища. Вместе с тем фактически исчезли обычаи и обряды, связанные с возведением жилища и освоением дома.

Таким образом, самарская мордва, переселяясь на новое место, сохраняла традиционную систему выбора поселенческо-жилищной среды, которая диктовалась не только утилитарно-экономическими соображениями, но и религиозными представлениями. Главным фактором при избирании места поселения являлось наличие плодородной земли, водных ресурсов и т. п. Мифорелигиозные представления регулировали не только выбор места, материалов и времени для постройки дома, но и строительство дома и его освоения, что нашло отражение на элементах его планировки и внутреннего убранства. В то же время поликультурная среда внесла свои коррективы и уже во второй половине XIX в. мордовские поселения и жилища мало отличались от таковых у русских, чуваш. Традиционная культура проявлялась только в отдельных элементах строительной обрядности. Унификация жилой среды и жилища происходит в связи с экономической оптимизацией сельскохозяйственного производства, осуществлением лозунга смычки села и города.

2.3. Система питания и этикет

Среди важнейших ценностей жизнеобеспечения народа приоритетное место занимает традиционная система питания. В ней отражается вся история народа, его менталитет, нравы, быт этноса. Она включает в себя: выработанные веками состав блюд, способы их приготовления и потребления, заготовки и хранения, этикет питания, праздничную, обрядовую и повседневную пищу.

Традиционная кухня самарской мордвы сложилась в результате адаптации к местной окружающей природной и этнической среде. Однако, отдельные традиционные элементы, выработанные в течение столетий, проявлялись в наборе и технологии приготовления пищи, в этикете питания.

Одним из характерных признаков мордовского менталитета является любовь к еде, пище. Так, в предании «О появлении мордвы на левом берегу Волги» говорится, что убегая от Арзамасского архиепископа, который хотел окрестить мордву, остановились пообедать. «...Двигается дружина архиерея. А люди еще обедают... Одни кричат: «Давайте переедем!», другие – остались доедать кашу. И остались на той стороне»¹.

Основу кухни самарской мордвы составляли продукты крестьянского хозяйства и промыслов. Повседневная пища включала различные супы, щи (шонгарям, вецаям, лям), каши, молочные продукты, кисели, овощи.

В народном мировоззрении символом материального достатка, благополучия, выступает хлеб, которому придавался сакральный характер. Его присутствие на столе в будничные и праздничные дни связывалось с благополучием семьи, счастьем, удачей, здоровьем, что и предопределяло правила обращения с ним, нормы выпечки, способы хранения. Для приготовления и выпечки хлеба существовала отдельная посуда, которая считалась чистой и весьма значимой в быту, ее нельзя было использовать в других целях. Сам процесс его приготовления также регламентировался определенными запретами. Выпечка хлеба являлась прерогативой старшей женщины в семье, мо-

---

¹ УПТМН... Т. 10. С. 213.

лодуха к этому делу не допускалась. Во время приготовления теста соблюдались различные запреты. Например, нельзя было ругаться, иначе хлеб не поднимется, не пойдет на пользу. Чтобы хлеб удался и долго сохранился, необходимо было крестить муку, тесто, а перед выпечкой – и печь. Мордовские женщины не приступали к выпечке хлеба без головного убора. Месили как пресное, так дрожжевое и сдобное тесто. Из него выпекались различные мучные изделия, в том числе пироги (парякат – м., пряка – э.) с репой, морковью, свеклой, капустой, картошкой, калиной, грибами.

Любимым кушаньем мордвы являются блины – пачалксетъ, пачат, блинця – которые были как будничным, так и праздничным блюдом¹. Их пекли из ржаной, пшеничной, пшенной, гороховой муки. Самарская мордва сохранила традиции печь блины достаточно толстыми, мягкими и пышными. Ели их с молоком и маслом.

Из пресного теста делали салмат, коваряшт. Раскатанное тесто нарезали полосками, ложили в кипящий бульон, а затем, приготовленное блюдо мазали маслом, яйцами, сметаной. Из аналогичного теста делали пельмени (цёмарат, покольхть) с мясной или рыбной начинкой. Широкое распространение имела лапша, которую готовили из ржаной, пшеничной муки или крахмала. Для лапши тесто раскатывали очень тонко, а затем резали полосками и варили на воде или молоке. Домашняя лапша до настоящего времени входит в число любимых блюд. Ржаную муку, разводившую водой, ставили в печь «томиться» – получалась кулага или бламок, в которую для улучшения вкуса могли добавить ягоды.

Для традиционной кухни самарской мордвы характерно употребление блюда «сухарь ведь». Его название определялось компонентом, из которого оно состояло: в кипяченую подсоленную воду крошили сухари, добавляли немного сметаны и ложку или две сливочного масла².

---

¹ Прозин Н. Картины мордовского быта // Пензенские губернские ведомости. 1895. № 40.

² Тумайкин В.П. Сведения по материальной культуре мордвы Куйбышевской области // Этнокультурные процессы в Мордовии. Саранск, 1982. С. 154.

Повседневным и обрядовым кушаньем была каша. В народе говорили: «Есть крупица и водица, будет и каша»¹. Варили ее крутой, в обед ели кашу с маслом, а вечером – с молоком. В качестве обрядового блюда она была обязательной на крестинах, свадьбах, поминках. Например, в последний день пребывания невесты в доме своих родителей совершался обряд поедания каши, которую приносили ей близкие родственники. Это день так и назывался «Кашадо ярсамо чи» – «День поедания каши». При укладке матицы сооружаемого нового дома хозяин обходил сруб с пшенной кашей, которая символизировала долголетие².

Мордовскую кухню отличает обилие молочных блюд, используемых как в повседневной, так и праздничной пище. Любимым является кислое молоко – чапамо ловцо, шапама лофца. Кипяченое или топленое молоко, охлажденное до температуры парного, смешивали со старой простоквашей. Ставили в теплое место до загустения, затем выносили в погреб. Один из исследователей самарской мордвы М. Гребнев писал: «Во время полевых работ чапамо ловцо в разбавленном виде являлся одним из напитков мордвы»³.

К числу любимых блюд, пользующимися у самарской мордвы большой известностью, относился «ирьян» – кислое молоко, особым образом приготовленное из сушеного творога. Во время постов молоко собирали в специальную кадушку, и чтобы оно не испортилось, туда пускали соль. В жаркое время года во время полевых работ, ирьян составлял существенное подспорье к растительной пище⁴. Если из кислого молока делали прессованную массу, чтобы она дольше хранилась, то получалось кольцогат. При употреблении в пищу ее разбавляли молоком или водой – получался напиток сузма. Из молока получали и творог. В некоторых селах Самарского края готовили сыр – крут⁵. Молоко также шло на изготовление масла.

¹ ПМА Исаклинский район. (Приложение 7).

² Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского этноса. С. 317.

³ Гребнев М. Мордва Самарской губернии... С. 45.

⁴ Малиев Н.М. Указ. соч. С. 8.

⁵ Мордва Заволжья. С. 54.

Кухня самарской мордвы богата наличием мясной пищи, о чем свидетельствует ряд исследователей. Так, Л. Ф. Змеев писал, что рацион ее питания больше был наполнен мясной пищей, чем, например, у чувашей, где более присутствовали молочные блюда¹. Кроме домашнего мяса, мордва употребляла в пищу и продукты охоты. Например, в Бугурусланском уезде она охотилась на рябчика и тетерева, диких уток².

Для мордвы было не характерно употребление мяса в чистом виде. Из него обычно варили различные первые блюда, тушили с овощами, использовали как начинку для пирогов. При закалывании животного использовали кровь, которую жарили, варили, начиняли домашнюю колбасу; ливер употребляли для приготовления первых блюд и пирогов; голова и ноги шли на холодец; кишки – на колбасу с различной начинкой. Любимым блюдом до настоящего времени является селянка – шяняфкст, лияняпт. Для самарской мордвы были характерны несколько способов заготовки мяса: сушка и соление. Неизменным блюдом в поле было салтонь сивель – соленое сало, сушеное на солнце или закопченное. В семейной обрядности в качестве праздничных блюд использовали не только мясо, но и субпродукты. Например, в ряде эрзянских сел Похвистневского района накануне Нового года проводилось моление в честь покровителя свиней – бога Таунся. В каждом доме варили свиную голову, которую украшали проросшим зерном. Ее выносили во двор и молились за сохранность свиней. От головы отрезали кусочки и бросали в свинарник. Данный обряд бытовал вплоть до 30-х гг. XX в.³

Распространенным блюдом были кисели из ржи, гороха, овса, которые употребляли в холодном виде. Овсяный кисель подавался к завтраку, так как считался легкой пищей. Он являлся также и ритуальным блюдом.

Большое значение в питании мордвы имели куриные яйца – ал. Чаще всего их употребляли сваренными вкрутую, нередко в печи, клали в пищу

---

¹ Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 54.

² Преображенский П.А. Физическая география Самарской губернии... С. 75.

³ ПМА Похвистневский район. (Приложение 7).

как приправу, делали яичницу, которой на молениях отводилось особое место.

Значительное место в рационе питания занимали овощи. До XIX в. главной овощной культурой в крестьянских хозяйствах была репа. Ее ели как в свежем, так и вареном виде. Со второй половины XIX в. главенствующее значение приобрел картофель, который стал «вторым хлебом». Самым распространенным блюдом был «картовник»: вареный картофель очищали от кожуры, мяли, добавляли молоко, яйца и ставили в печь, корочку мазали маслом. В летнее время и ранней осенью картофель готовили прямо на улице на таганках или в чугуне. Из овощей также употребляли капусту, которую ели как в сыром виде, так и тушили с мясом, картошкой, делали начинку для пирогов, капустный рассол. Из квашеной капусты варили щи – капста лям (м.), капста ям (э.)¹.

Свеклу и тыкву употребляли в пареном виде, зачастую они заменяли сахар. Из пареной свеклы пекли также пирожки, а из оставшегося сиропа делали свеклань медь – свекольный мед, предварительно добавив туда крахмал².

Мордва Бузулукского и Ставропольского уездов возделывали бахчевые культуры – арбузы, дыни. Осенью их употребляли в свежем виде, а на зиму готовили моченые: вымытые плоды укладывали в кадушку, доверху заливали холодной водой, а наверх, в мешочках, клали соль. Если арбузы были толстокожие, то на ведро воды клали три стакана соли, а если тонкокожие – два³.

Широко использовались ягоды рябины, черемухи, малины, ежевики, земляники, калины, которые служили начинкой для пирогов, а смешанные с пшеном – для приготовления каш. На зиму ягоды сушили, но варенье из них варили очень редко, только в зажиточных семьях. С давних пор любимыми были грибные кушанья. Из грибов (панга) готовили первые и вторые блюда,

---

¹ ПМА Похвистневский район. (Приложение 7).

² И-1074. Лузгин А.С., Беяева Н.Ф., Разживин В.Ф. Отчет об этнографической экспедиции за 1983 г. Саранск, 1983.

³ Тумайкин В.П. Сведения по материальной культуре мордвы... С. 154.

их жарили, солили, сушили, в последнее время некоторые сорта грибов стали мариновать и замораживать.

Издавна лакомым кушаньем мордвы являлась рыба – кал. Праздничный стол оценивался наличием на нем хорошей рыбы. Из свежей готовили первые и вторые блюда, ее солили, сушили и коптили. Вареную – крошили в окрошку (калонь кувас), жарили в масле, тушили в сметане с яйцами, молоке. Большой популярностью пользовалась уха двойного навару: сначала готовился бульон из мелкой рыбы, затем его процеживали, и закладывали уже крупную рыбу. Славилась она, завернутая в листы конского щавеля в несколько слоев, затем запеченная в золе¹. У мордвы широко был распространен рыбный пирог (рыбник, курник) с начинкой из рыбы и пшенной каши.

Одним из древнейших занятий мордвы было бортничество. Мордовские переселенцы часто прибывали на новое место со своими пчелами и выбирали место поселения в зависимости от удобств для занятий пчеловодством. Однако, уже в XVIII–XIX в. пчеловодство перестало играть существенную роль в хозяйстве мордвы, что сказалось и на употреблении продуктов пчеловодства в рационе питания. В основном мед использовался в обрядовой практике, в народной медицине.

Неотъемлемой частью пищи являются напитки. Одним из древних и любимых напитков является поза – брага. Процесс ее приготовления был длительный, трудоемкий и требовал особых навыков. В старину позу делали из ржаной муки, а затем из свеклы². В настоящее время его готовят только по праздникам и в ряде сел называют «боза»³.

Древним напитком является пуре, входящий в состав обрядовой пищи. Своеобразие его достигалось тем, что во время варки пива добавляли сотовый мед. Когда пуре было готово, его вливали в глиняную посуду, которую замазывали тестом и закапывали в землю на несколько дней. По мнению В.

---

¹ Беляева Н.Ф. Народные традиции воспитания детей у мордвы // Мордва: историко-культурные очерки. Саранск, 1995. С. 286.

² ПМА Исаклинский район. (Приложение 7).

³ Вастазь чи // Валдо ойме. 2013. № 4. С. 2.

Н. Майнова, пуре нельзя было сравнить с известными напитками, «...действует укрепительно, когда пить его немного...»¹.

Среди безалкогольных напитков были распространены квас, разведенное водой кислое молоко, березовый и кленовый сок. Квас мордва заимствовала от русских, но готовила его своеобразным способом, что было замечено многими исследователями². В горячую воду добавляли ржаную муку или солод, оставляли в теплой печи, потом квасили. Его использовали как напиток для утоления жажды, а также для приготовления окрошки. По замечанию Л. Ф. Змеева, березовый сок ходили собирать весной всей деревней, особенно молодежь. Это было временно добываемый напиток, не сохранявшийся впрок. Лишь изредка, при добавлении хмеля, получался хмельной напиток³.

Во второй половине XIX столетия в рацион питания самарской мордвы входит чай. Мордва предпочтение отдавала травяной заварке: листьям зверобоя, душицы, мяты, ягод и т. п. Чаепитие становится неотъемлемым элементом повседневной культуры. В каждом доме появляется набор посуды для чая. Начищенный до блеска самовар был украшением стола. Под влиянием татар чаепитие становится непременным атрибутом встречи гостей⁴.

В советский период пища самарской мордвы существенно изменилась и обогатилась, что было обусловлено расширением структуры полевых, огородных и садовых культур, развитием сети предприятий торговли и общественного питания, тесной связью города и села, и др. В структуре питания увеличилась доля продуктов животного происхождения, овощей, фруктов, морской рыбы. Резко возросло потребление чая, сахара, макаронных и кондитерских изделий. В результате сокращения возделывания полбы, проса, конопли и др., уменьшилось потребление традиционных мучных и крупяных блюд и кушаний. С созданием сети местных пекарен сократилось домашнее

---

¹ Майнов В.Н. Один день среди мокши // Древняя и новая Россия. СПб., 1878. Т. 3. № 10. С. 129.

² Мезин П.М. Архаические черты в обрядовой пище мордвы // Этнокультурные процессы в Мордовии. Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1982. Вып. 71. С. 14.

³ Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 59.

⁴ Этнография татарского народа. Казань, 2004. С. 106.

хлебопечение. В кулинарии больше используется мука и крупа промышленной переработки. Местное растительное масло заменялось привозным.

Во многих районах были открыты местные предприятия по переработке сельхозпродукции: мясокомбинаты, маслосырзаводы, птицефабрики и др. В последние годы на рынок интенсивно поступают разнообразные импортные продукты и полуфабрикаты, внедряются импортная технология и установки по производству и переработке продукции.

Пищевой рацион мордвы расширялся за счет заимствований у соседних народов. Например, от украинцев она переняла борщ, вареники, баклажанную икру. Благодаря соседству с татарами и башкирами традиционная пища пополнилась беляшами, уч-почмак – треугольные пироги с мясом и картофелем. Традиционные толстые блины заменяются тонкими блинчиками с различной начинкой. Из первых блюд мордва позаимствовала рассольник «куяронь лям» – «огуречные щи», который получил широкое распространение.

В настоящее время пища мордвы фактически не отличается от пищи других народов. Определенная этническая специфика сохраняется лишь в приготовлении праздничных блюд и напитков во время проведения фольклорных праздников, фестивалей, праздников села.

Составным элементом принятия пищи является застольный этикет – правила поведения за столом. В этнографической науке выделяют повседневные, обрядовые и праздничные застолья¹. Повседневный этикет включает в себя приготовление пищи, подачу ее на стол, организация и проведение трапезы. Разделяют на обрядовый этикет питания и праздничный².

Каждодневные трапезы делились на утренние, дневные и вечерние. Завтрак зависел от времени года: весной и летом он начинался в 5–6 часов, а зи-

---

¹ Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания) // СЭ. 1981. № 4. С. 14.

² Якунчева М.Г. Традиционное застолье в структуре повседневной и обрядовой жизни мордовского этноса // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья: сб. науч. статей по материалам Междунар. науч. конф. Проблемы истории и геополитики. Чебоксары, 2006. Т. 2. Ч. 1. С. 338.

мой в 6–7. По сообщению Л. Ф. Змеева, в Бугульминском уезде завтрак в основном был горячим: каша, яйца, картофельная похлебка, затирка или горох; летом – лук с квасом и, лишь во время полевых работ, из сухого хлеба тюрю, картофель или молоко. Обедали с 12 до 13 часов обязательно щами капустными или из свеклы, с маслом или сметаной, картофельной или грибной похлебкой. Наиболее зажиточные на полдник пили чай с мягким хлебом, а остальные довольствовались лепешками, хлебом с квасом, огурцами, т. е. специально ничего не готовили. Ужинать садились с заходом солнца, завершив все работы. В основном разогревали обеденную еду¹.

Следуя христианским обычаям, перед приемом пищи полагалось помыть руки, чтобы они были чистыми и прочитать трапезную молитву.

Согласно застольному этикету, за обеденным столом семья рассаживалась определенным образом: почетный «красный» угол был предназначен для хозяина дома, рядом с ним – женатый сын, взрослые парни. По краям стола садились женщины. Обычно за стол садились все члены семьи одновременно, опоздавших – не ждали. На стол подавала хозяйка, при ее болезни это делала старшая сноха. Если семья состояла из нескольких человек, то ели в два приема: сначала мужчины, а потом дети и женщины. Согласно традиции, молодая сноха до рождения ребенка обязана есть стоя. Кушали из большой чашки, которая ставилась посреди стола. Дед или отец ударом ложки о чашку давал разрешение «ловить мясо», а если кто-либо злоупотреблял за столом: хватал большие куски или оставлял недоеденные, вертелся, болтал ногами, разговаривал – того наказывал². Во время еды существовал определенный порядок, который соблюдали все присутствующие. Много и громко говорить было запрещено. Если кто-то оставлял много крошек на столе или полу, то мог заболеть оспой или покрыться яминами³. Неумение вести себя за столом – осуждалось⁴.

---

¹ Змеев Л. Ф. Указ. соч. С. 54.

² Беляева Н.Ф. Народные традиции воспитания детей у мордвы... С. 256.

³ ПМА Исаклинский район. (Приложение 7).

⁴ Якунчева М.Г. Указ. соч. С. 339.

Во время полевых работ обедали прямо в поле. Пищу обычно приносили дети. В тех случаях, когда нести ее было некому, брали с собой.

Своеобразным этикетом отличались праздничные застолья. Они устраивались в дни календарных и престольных праздников, по случаю свадьбы, рождения ребенка, новоселья и т. п. Праздничная и обрядовая совместная еда имела сакральное значение, являлась символической формой социального общения. Традиционно у мордвы в круг общающихся личностей включались божества, духи предков. Поэтому перед трапезой обязательно молились им, говорили, что эти блюда специально приготовлены для них. В обрядовой и праздничной культуре пища является также выражением взаимоотношений между общностями, родственниками, соседями, односельчанами. Совместная трапеза служила сплочению коллективов.

Любовь мордвы, в том числе и самарской, к праздникам, совместной трапезе отмечали многие этнографы. Так, исследователь Н. Федоров указывал на то, что мордвин в праздник варит много пива (20 – 100 ведер). «И нельзя найти во всем селе или деревне ни одного, который бы не варил пива к празднику, хотя бы то был беднейший нищий. Хоть займет, что нужно для варки, но сварит»¹.

Организация праздничных застолий предполагала присутствие большого количества людей, отличалась разнообразием и использованием большего числа продуктов для приготовления пищи, чем обычно². В блюда добавляли больше мяса или рыбы в жареном виде, пиво и хлеб-соль целый день не убирали со стола.

В с. Шенталы Бугульминского уезда праздник проходил следующим образом: «...сначала зажигают восковую свечу пред образами, накрывают стол белым столешником, ставят хлеб-соль, вино, пиво, мед, если есть – кашу, жареных утку, гуся или индейку. Потом вся семья становится на молитву. Хозяин и хозяйка дома, ставшие ближе к столу, начинают молить Бога, чтобы

---

¹ Федоров Н. Указ. соч. С. 323.

² Там же.

он дал здоровья всей семье и скоту, хорошего урожая, и потом все после земного поклона встают и усаживаются за стол. Затем хозяин дает разрешение на празднование и начинается гулянка»¹.

Одними из элементов праздничного застолья являются встреча и прием гостей. Институт гостеприимства достаточно сложное явление, выполняющее различные функции. Он включает в себя правила приглашения, приема и проводов гостей, ритуалы приветствий и прощаний, формы взаимодействия между хозяином и гостем, с противоположенным полом. Он служил важным показателем внутренней культуры этноса. Институт гостеприимства в традиционном мировоззрении мордвы рассматривался как важнейшее условие интернационализации связи между народами, источником симпатии, взаимного понимания и поддержки². По традиции гости из соседних сел приезжали на несколько дней. Хозяин обязан был встретить их с достоинством.

Согласно нормам обычного права, любой человек, пришедший в дом во время праздника, получал статус гостя. Его обязательно приглашали к столу и не принимали отказа. Было не принято отказывать в подавании нищим и голодающим. Считалось, что в качестве него может прийти умерший родственник, чтобы испытать хлебосольство хозяина³.

По обычаю гостеприимства, необходимо было упрашивать гостей есть и пить, попробовать все выставленные на стол блюда. Например, в с. Шенталы, угощая гостей, хозяин подносил гостю чашку пива, падал ему в ноги и не вставал, пока тот все не выпьет. Гость, выпивши пива, бросал чашку наотмашь на стол. Если она, повертевшись на боку, падала вверх дном, то гостя до времени не будут беспокоить новой порцией пива; если, к несчастью, чашка останавливается на дне, то они тотчас наполняют ее и подносят ему, хотя бы пить он уже и не хотел. Это будет продолжаться до тех пор, пока

---

¹ Федоров Н. Указ. соч. С. 323.

² Мордовская кухня / сост.: С.С. Маркова. Саранск, 2008. С. 41.

³ ПМА Исаклинский район. (Приложение 7).

чашка не остановится вверх дном¹. В свою очередь, гости обязаны были отдавать должное умению хозяйки, расхваливать каждое поданное кушанье.

Широкое распространение имел обычай ходить в гости к родственникам и просто односельчанам ради досуга, общения. В этом случае этические нормы не предусматривали особых правил приема и угощения.

Таким образом, вплоть до начала XX столетия для самарской мордвы были характерны традиционные черты культуры питания и этикета. Этническая специфика находила отражение в праздничной и обрядовой пище. Тесные этнокультурные связи с соседними этносами оказали существенное влияние на рацион питания мордвы. В настоящее время пища мордвы, в том числе праздничная и обрядовая, фактически не отличается от пищи других народов, что обусловлено развитием сети предприятий торговли и общественного питания, тесной связью города и села, урбанизацией образа жизни сельчан и др.

2.4. Национальная одежда

Одним из устойчивых элементов материальной культуры является традиционная одежда. На протяжении веков она выражала социальный и имущественный статус, национально-культурные особенности, семейное положение, степень приобщенности к ценностям материальной и духовной культуры. В мордовском народном костюме, многосоставном по своей структуре, сохранялось деление по возрастному принципу, семейному статусу, а также бытовым и праздничным ситуациям².

У самарской мордвы одежда мокши и эрзи весьма отличалась друг от друга. Мужская и женская повседневная одежда была простой.

---

¹ Федоров Н. Указ. соч. С. 323.

² Прокина Т. Коллекция народного костюма мордвы Самарской области в собрании Мордовского республиканского музея изобразительных искусств им. С. Д. Эрзи // Самарская область. Этнос и культура. 2005. № 2. С. 74.

Основу традиционного эрзянского и мокшанского мужского костюма составляла рубаха (панар) и порты (понкс). По сведениям исследователя Н. Малиева, мужская одежда ничем существенным не отличалась от обыкновенной крестьянской. Мужчины носили белого цвета зипун, полушубок, белую рубаху, из так называемой «самodelьщины», т. е. из холста собственного мордовского изделия¹. Туникообразную праздничную одежду шили из тонкого холста, будничную – из полосатой пестряди. Ее носили всегда навыпуск, подпоясав шерстяным поясом (церань каркс) или ремнем (кшна каркс). Самарская мордва сохранила традиционную систему кроя из одного полотнища, перегнутого поперек на плечах. Из двух более коротких полотнищ, перегнутых в длину и пришитых к центральному полотнищу ниже рукавов, шились бока. Рукава с боками соединялись квадратными ластовицами. Мужская рубаха покрывалась вышивкой по шейному и грудному вырезам, а также концам рукавов и подолу, выполненная крестом, черными и красными нитками, ромбовидным, крестовидным и квадратным простым узором. При ношении подпоясанную рубаху спереди одергивали, расправляли переднее полотнище, а сзади собирали в складки.

Мужские портки (понкст) шили из двух прямоугольных полотнищ, которые служили штанинами. Между ними делали широкую вставку.

Верхняя легкая одежда мужчин включала пиджаки с прорезными карманами серого или коричневого цвета. Праздничные кафтаны шили из черного сукна или покупной ткани. Мужская верхняя теплая одежда (сумань), которую носили, подпоясав толстым шерстяным кушаком, и чапан – по покрою имели сходство с женской. Зимой носили овчинные полушубки и нагольные теплые шубы (ор), на голове – из войлока или меха (треух), белые и черные валяные шляпы, картузы. Круглая шляпа, украшенная перышками, являлась необходимым атрибутом свадебного костюма народных героев².

---

¹ Малиев Н.М. Указ. соч. С. 6.

² Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 51.

Основной обувью были лапти косо́го плетения с трапециевидной формой головки, низкими бортами, специально витыми петлями по бокам и оборами сзади. Самарская мордва сохранила традиции плетения двухпяточных лаптей (карть). Для этого лычки нарезались очень узко, что определяло их красоту и более высокую прочность. Плели их из липового или вязового лыка. Обычные были из 5 лычек, а праздничные из 7 или 10. На особенность плетения мордовских лаптей обратил внимание И. И. Лепехин: «Обувь их состоит по большей части из лаптей, несколько от русских отмененных: ибо лапотная голова сведена остроконечною шишкою наподобие той, какую московские щипошники у носков на башмаках любили. Оборы карьк носят ременные, и так часто и гладко оным увивают свои онучи (по э. пракста, а по м. серьга), что их совсем видеть не можно»¹.

С лаптями на ноги накручивали белые портянки из толстого неотбеленного холста, которые сверху обматывали узкими полосами белой ткани². Наиболее красивыми были оборы, сплетенные на пяти пальцах из пяти двойных льняных ниток.

Из праздничной обуви следует выделить сапоги со сборами и острыми носками – кемть, кямот. В восточных регионах расселения мордвы ценились «писанные» валенки – белые, с красной шерстяной строчкой на голенище.

Мокшанский и эрзянский варианты одежды имели существенные различия³. Эрзянская одежда Самарской губернии по особенностям покроя и оформлению делится на несколько локальных групп: западная – Кошкинский район, где живут выходцы из Нижегородской губернии; центральная – Шенталинский и Челно-Вершинский районы, переселенцы из Симбирской, Пензенской и Казанской губерний; восточная – Клявлинский и Исаклинский районы, выходцы из Пензенской, Симбирской, отчасти Нижегородской губерний.

---

¹ Лепехин И. Указ. соч. С. 158.

² Мордва Заволжья. С. 87.

³ Лепехин И. Указ. соч. С. 156.

Женский костюм самарской мордвы включал холщовую распашную одежду, набедренные украшения, головные уборы, нагрудные украшения из бисера, бус, раковин-каури, монет, жетонов. Именно эти элементы нашли отражение в устно-поэтическом творчестве. Так, в семейно-бытовой песне «Чинжаева Катя»: «...ходит в чулках,

Она ходит в сапожках,
В шесть полос вышита ее рубашка,
В восемь полос вышит шушпан,
Она в покае, в шлыгане,
Голова покрыта фатой, кушаком (подпоясана).
Пулай со звенящими украшениями ...
Горящая звезда – фата Кати,
Лучи утренней зари – ленты ее»¹.

Яркую характеристику женской одежды самарской мордвы дал Н. М. Малиев: «Летний костюм состоит из белой рубахи с разными украшениями, вышивками и оторочками, образцы которых при этом предлагаются вниманию общества. Кроме того, мокшанки привешивают себе на пояс так называемый «пулакш», своеобразное украшение в виде широкой бахромы, прикрывающее ягодичную область; они носят также, по примеру чувашек, панталоны. По отсутствию этих вещей легко отличить ерзянку от мокшанки. Другие национальные принадлежности женского мордовского костюма, как, напр., серьги, браслеты, застежки ворота и др. своеобразной формы, все более и более выходят из употребления и заменяются изделиями новейшего фасона»².

Основу женского костюма эрзи составляла рубаха – панар или покай. Здесь ее также называли паля. Древний покррой представлял собой два сшитых вместе полотнища холста, которые складывались пополам по утку, образуя стан рубахи. Рукав пришивался без проймы, в основе крой имел прямоугольник. В начале XX в. подобную рубаху носили с кофтой и передником. В

¹ УПТМН... Т. 9. С. 210

² Малиев Н.М. Указ. соч. С. 6.

с. Коноваловка Борской волости мордва-эрзя женскую рубаху шили так: «Брали кусок белого холста длиной вдвое больше меры рубашки. В середине этого куска прорезали ворот или отверстие для головы, а по бокам пришивали еще по цельному полотну холста, только эти куски делали короче, чтобы оставить отверстие для рукавов. Таким образом, рубаха от подола до рукавов шилась в четыре полотна узкого холста, а от рукавов до плеч только в два, оставляя плечи цельнокройными. Она украшалась вышивкой – крестиком: две узкие полоски вышивки шли через плечи, начиная с половины рубашки и оканчиваясь на задней ее части около подола. Край рубашки также обшивался вкруговую. Поверх панар в будни одевали запон, по-мордовски икельга паця, т.е. женский передник»¹. Эта рубаха имела своеобразные черты, отличающие ее от рубах, бытовавших в Мордовии². Ее покрой хотя и туникообразный, но аналогичен мокшанскому. Покай известен как верхняя парадная одежда, надеваемая по торжественным дням поверх нижней рубахи. Вышивка на нем шла широкими полосами по спине, подолу, центральному шву, покрывала грудь и рукава. Как отмечает Л. Ф. Змеев: «расшивка доходит иногда до артистизма и требует не одного года усидчивого труда»³. Недаром такая одежда передавалась по наследству. По традиции первый раз его надевали в год совершеннолетия, когда девушка отправлялась на свой первый праздник в Пивань кудо (Дом пива). В покаи одевались также распорядительницы праздника – отаманки⁴. Участие в празднике рассматривалось как символический переход в другую возрастную группу.

Аналогичная вышитая верхняя рубаха у девушек-мокшанок называлась лангакаяма щам. Она являлась признаком совершеннолетия девушки. Также как и эрзянки, такую рубаху надевали в особо торжественных случаях.

Повседневная рубаха коцтонь панар – холщовая рубаха, шилась из сурового посконного холста. Иногда рубаху шили из холста с хлопчатобумажной

¹ Мордовский национальный костюм. Саранск, 1990. С. 378.

² Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. М., 1973. С. 14.

³ Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 51.

⁴ Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: антология. Самара, 2001. С. 13.

основой и посконным утком, называемая гужажной панар. Если же хлопчатобумажные нитки были крученые, то и рубаху называли крученька панар. У самарской мордвы, так же как и у мордвы, проживающей на коренной территории, рубахи различались по числу вышитых продольных полос на спине. Праздничные рубахи – котов панар, состояли из шести полос, что считалось мерилем трудолюбия. В будние дни носили рубаху (нилива панар) с четырьмя продольными полосами на спине¹.

Составной частью верхней эрзянской распашной одежды является руця, оршамка, напоминавшая халат. Она являлась обязательной принадлежностью торжественного костюма замужней женщины, хотя в конце XIX – начале XX в. ее носили и взрослые девушки. Обычно ее надевали поверх рубахи по праздникам и торжественным случаям. Руця молодых женщин была более нарядной, чем пожилых. Для ее пошива применялся хорошо отбеленный холст – посконный (из конопли), позднее – хлопчатобумажный². Вышивалась тонко спряденными шерстяными нитями с добавлением золотой мишуры, в восточных районах – нашивкой чешуйчатых рядов медных блесток³. Локальные варианты руци выделяются по вышивке: более скромная – в восточных, массивная – в центральных районах. Она располагалась на груди, окаймляла полы, подол и рукава, узкие полосы вышивок спускались с плеч до груди. Эрзянки носили руцю с поясом каркс или набедренным украшением. По сравнению с аналогичной одеждой коренных территорий расселения эрзи, руця в Самарском крае была более узкой, покроем ее сохранял архаичные черты⁴.

Неотъемлемой частью женского костюма был передник с грудкой и без грудки – покрывка, богато украшенный бронзовыми пронизками, подвесками, колокольчиками, позднее – жетонами, нитками бисера и бус.

Одним из видов несшитой поясной одежды являются набедренники. У самарской мордвы известен наиболее архаичный вид – пулагай без валика,

¹ Белицер В.Н. Указ. соч. С. 14.

² Там же. С. 77.

³ Мордва Заволжья. С. 70.

⁴ Там же. С. 71.

пулокаркс – прямоугольное полотнище грубого холста размером 40 x 50–60 см, сплошь вышитое шерстью или обшито кумачом с нашитыми рядами разноцветного бисера, раковин-каури, позумента, в чередовании с металлическими бляшками и кистями из бисера¹. Края обшивали бахромой из шерсти или шелка. Набедренник с толстым валиком и длинной черной бахромой – суре пуло, с рудиментами боковых подвесок в виде подниси из бисера в ряде районов называли пулакш. Он входил в комплекс девичьего и женского костюма муниципальных районов Исаклинский и Клявлинский². В отличие от пулокаркса, пулагай и пулакш имели валик (щиток прямоугольной или трапециевидной формы). Пулагай являлся символом женской плодовитости.

Праздничные набедренники – рисьме вельде каркс – включали подвески на цепочках, которые дополнялись боковыми полотенцами. В комплексе с передником весь ансамбль составлял род несшитой поясной одежды, закрывающий подол рубахи до пояса.

Древнейшим нагрудным украшением мордвы были брошки-заколки – сюлгамо, бусы, бисерные воротники и фибулы из проволоки различной толщины, о чем свидетельствуют находки Муранского могильника³.

Эрзянская фибула изготавливалась из толстой медной проволоки, изогнутой в форме овала с незамкнутыми расплюснутыми концами, со вставками из красных или черных стеклянных бус. Самобытным эрзянским украшением была колодка, камышка⁴. «Колодка» в процессе эволюции слилась с передником игельга паця, образовав запон. Составной частью украшений мордвы-эрзи были круглые воротники на твердой основе – борок, гагатка, лыйнимкат, имевшие форму подковы. К роду гривен довольно близки украшения из проволоки и серебряных монет – сият, сия наряд. Однако с проникновением фабричных изделий некоторые виды нагрудных украшений заменяются лентами, которые спускались от плеча по груди или служили частью подвески-

¹ Белицер В.Н. Указ. соч. С. 94.

² ПМА Исаклинский район. (Приложение 7).

³ Алихова А.Е. Указ. соч. С. 272.

⁴ Белицер В.Н. Указ. соч. С. 120.

оберега – гайтана, хрест ведьме, ленточка хрест. Манеру ношения нагрудных украшений весьма подробно охарактеризовал И. И. Лепехин: «Девки носят бород, перла от шеи до груди, нанизанные на нитках, как у Ижорок, состоящая из пронизок разного цвету, к которым привешивают старинные серебряные деньги, медные шиллинги и гремушки»¹.

Праздничный костюм дополнялся большим количеством разнообразных бус из сердолика и серебра. Они имели широкое распространение в русских, среднеазиатских, прикамских и приволжских памятниках золотоордынского времени².

Из наручных украшений выделяются браслеты – кятыкст, кетькст – в основном медные, реже – серебряные, с расплюснутыми и слегка замкнутыми концами. В Муранском комплексе встречаются бронзовые пластинчатые браслеты, имеющие орнамент в виде схематических голов животных. Такой орнамент не характерен для мордвы. Пластинчатые браслеты с такой орнаментацией широко встречаются в болгарских кладах XI–XII вв.³

Украшения мордовских девушек весьма часто упоминаются в устно-поэтическом творчестве. Так, в мифологической песне «В большом поле лощина»:

...В домике у окна
 Красивая девушка сидит,
 Серебряная скамеечка под нею.
 Золотой браслет на руке,
 Серебряные кольца на пальцах,
 Зеленая лента на груди,
 Сюлгам пристегнут на груди,
 Красивая фата на голове⁴.

¹ Лепехин И. Указ. соч. С. 156.

² Жиганов М.Ф. Указ. соч. С. 159.

³ Тюганкова Е.В. Торговые и культурные связи мордвы Самарского Поволжья (по материалам Муранского могильника и селища) // Интеграция археологических и этнографических исследований, материалы XVIII междун. симпозиума. Казань, 2010. С. 187.

⁴ УПТМН... Т. 9. С. 22.

Обязательной частью женского костюма был пояс – каркст. Концы пояса и набедренника украшались подвесками из бус, бисера, пуговиц. Своеобразным украшением был небольшой кармашек – лакомка, который шили из разноцветных лоскутков или вышитых фрагментов старой одежды¹.

Знаковые признаки возрастной зрелости и социального положения наиболее ярко проявлялись в головных уборах. У эрзянских девушек они делились на открытые и закрытые – пря суре, кокол паця. Налобную ленту украшали гофрированными оборами, розетками из лент, нашивками пуговиц и блессток. Кокол паця представлял собой косынку с треугольной лопастью на твердой высокой основе². Его носили до замужества, после одевали сороку прямоугольной формы. Массивная полуцилиндрическая по форме сорока шлыган бытовала в восточных районах. Тип вышивки очелья и позатылена различался: первое вышивали геометрическим узором в технике счетной глади или шитьем «в елочку», второе – рельефной вышивкой в виде эрзянской звездочки.

Теплая женская одежда мордвы-эрзи шилась из сукна и меха. Наиболее распространенным видом был сумань из черного сукна (род пальто).

По праздникам эрзянки носили полусапожки коты, с острыми носами, отделанными медными бляшками и зубчато вырезанными кромками голенищ. В начале XX в. стали носить коты, похожие на глубокие калоши из кожи.

Существенные перемены конца XIX – начала XX столетия, урбанизация, общественно-политические трансформации первых революционных лет отразились на традиционной одежде самарской мордвы. Многие ее элементы выходят из употребления. Эту особенность отмечали многие исследователи. В частности, Н. М. Малиев писал: «Высокий, довольно характеристический головной убор, вроде кивера, составляющий в старину обычную принадлежность женщин, надевается теперь лишь в день брачного пиршества. Время

---

¹ Белицер В.Н. Указ. соч. С. 93.

² Мордва Заволжья. С. 75.

берет свое и уносит в могилу все внешние национальные отличия мордовского народа»¹.

Фабричные ткани постепенно вытесняют домотканые материи, являющиеся основным материалом для производства одежды. Оказание международной помощи голодающим Поволжья привело к проникновению в сельскую местность импортных вещей. Единичные факты их использования характерны и для мордвы. В 20–30-х гг. в связи с активизацией социально-экономических связей, усилением миграционных потоков, расширением объема ткацкого, портняжного, сапожного ремесел, расширением ассортимента фабричной продукции, начинает проследиваться постепенное изменение традиционного костюма, в первую очередь мужского. Его внешний облик приобретал интернациональные черты, лишь небольшая вышивка по вороту свидетельствовала о национальной специфике. Хотя женская одежда оказалась менее подвергнутой культурному влиянию города, тем не менее, уже к середине XX в. традиционная женская одежда стала выходить из употребления. Эта тенденция характерна и для чувашской мордвы². Активное культурное влияние города проявлялось в районных центрах и селах, расположенных близко к городу. Переход к городской одежде в определенной мере сглаживал различия во внешнем облике, проживающих в крае этносов. В повседневном костюме происходило сближение отдельных элементов одежды и обуви, которые приобретали интернациональный характер. Одними из первых на городскую одежду стала переходить молодежь, которая постепенно утверждала в сельской среде моду на все советское. Этому способствовало усиление миграционной активности молодого поколения. Упрощение традиционной одежды привело к стиранию национальных различий, повседневной и праздничной одежды, головных уборов и обуви. В настоящее время традиционный мордовский костюм утратил свою национальную специфику и по-

---

¹ Малиев Н.М. Указ. соч. С. 6.

² Матвеев Г.Б. Материальная и духовная культура мордвы Чувашии в контексте этнокультурного взаимовлияния // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Сборник статей. Самара, 2013. С. 139.

всеместно заменен «городским» типом одежды. Лишь в отдельных семьях старшее поколение сохраняет отдельные элементы национального костюма как память о своих предках.

Таким образом, самарская мордва сохраняла традиционные способы изготовления и ношения национального костюма. Наиболее полно они проявлялись в комплексе праздничной одежды, что связано с бытованием народных праздников и обрядов. В то же время происходило заимствование отдельных элементов от русского и чувашского костюмов, которые нашли отражение в покрое и оформлении элементов мужского и женского костюмов. Под влиянием русской культуры в одежде распространилась вышивка крестом, складывалась ее цветовая гамма. Тем не менее, необходимо отметить большую устойчивость типов и сохранение традиций в национальном костюме мордвы по сравнению с другими народами Самарской губернии.

Рассматривая основные компоненты материальной культуры самарской мордвы, можно сделать следующие выводы: переселяясь на новое место жительства, она сумела перенести и сохранить традиционные виды хозяйства, систему выбора поселенческо-жилищной среды, культуру питания, национальную одежду. Однако, адаптируясь в новых природно-климатических условиях, тесных контактах с представителями других этносов, она восприняла новые хозяйственные и культурные формы, более усовершенствованные орудия труда, передовые по тем временам агротехнические приемы, элементы организации пространственно-жилищного комплекса, обогатила свой рацион питания, заимствовала некоторые черты одежды. В 30–50-е гг. XX в. происходит процесс включения деревни в зону политического, экономического, культурного влияния города (государства). Традиционное крестьянское хозяйство теряет свой статус и становится составной частью колхозно-совхозной системы. В результате этого многие мелкие селения были ликвидированы, а их жители переселялись в крупные населенные пункты. Именно

в этот период существенно изменилась и обогатилась система питания самарской мордвы, что было обусловлено расширением структуры полевых, огородных и садовых культур, развитием сети предприятий торговли и общественного питания, тесной связью города и села, урбанизацией образа жизни сельчан и др. Наименее подверженной трансформации оказалась женская одежда, тем не менее, уже к началу 50-х гг. XX в. она стала выходить из употребления. Переход к городской одежде в определенной мере сглаживал различия во внешнем облике, проживающих в крае этносов.

ГЛАВА 3. ТРАДИЦИОННЫЙ ЖИЗНЕННЫЙ УКЛАД МОРДВЫ

В данной главе рассматриваются особенности повседневной культуры, внутренний уклад семьи, народные праздники и связанные с ними обычаи и обряды.

Во второй половине XIX – начале XX столетия произошли существенные изменения в повседневной культуре самарской мордвы. Модернизационные процессы, вступление России на капиталистический путь развития существенно деформировали социальную структуру общества, изменили мировоззрение людей, природу межэтнических контактов. В повседневной жизни они привели к распаду больших семей, ослаблению патриархальных устоев, демократизации семейных отношений. В центре внимания – комплексное исследование образа жизни и его изменений у различных возрастных и половозрастных категорий семьи, их поведения.

Вторая половина XIX столетия является периодом усвоения и утверждения православного вероучения, христианских ценностей, которые оказали существенное влияние на образ жизни, формы общения и этические нормы поведения. В связи с этим в работе рассматриваются место и роль религиозного фактора в повседневной культуре, изменения в конфессиональной практике.

Особого внимания заслуживает изучение празднично-обрядовой культуры, которая являлась неотъемлемым элементом духовной культуры, средством передачи этнокультурных ценностей и традиций, которые и сегодня являются важным критерием этнической идентичности.

3.1. Повседневная жизнь

Повседневность этноса – одна из важных частей традиционной культуры. Предметом ее изучения является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания – комплексное исследо-

вание образа жизни и его изменений у представителей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события¹.

Формой сельской повседневности наряду с общиной выступала крестьянская семья. Она являлась основной производственной ячейкой общества, на ней держались все хозяйственные связи в деревне. Для самарской мордвы характерно функционирование как традиционно составных (больших) семей, так и малых (нуклеарных), что определялось природно-климатическими факторами и экономическими условиями. Большие семьи в основном преобладали там, где требовалась рабочая сила для ведения хозяйства. Например, в Ставропольском уезде в с. Новая Малыкла они составляли 56,4 %, д. Ткачево – 62,5 %². Малая форма являлась господствующей в тех уездах, где были наиболее благоприятные условия для ведения земледелия. Так, в Самарском уезде в д. Торновое они составляли 72,7 %, д. Бахилово – 71,4 %³. Обычно мордва в Самарский край переселялась малыми семьями, позднее на их базе создавались большие⁴. Данное положение было характерно и для других народов края, в частности русских.

В большой семье родители жили вместе со своими сыновьями, невестками и внуками. Например, в период с 1902 по 1917 гг. в мордовских селах Самарского уезда они составляли 63,7 %⁵.

Жизнь мордвы была основана на патриархально-семейном укладе⁶. Во главе семьи стоял старший ее член (кудазор – м., покштя – э.)⁷. В проживающем доме существовало безоговорочное подчинение хозяину и старшим членам⁸. Он ведал всеми работами, заботился о благополучии и считался ответственным за все неудачи и несчастья, которые претерпевала семья. Глава се-

¹ Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3.

² РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Е.х. 4265. Л. 268–281об., 114–133.

³ Там же. Е.х. 3011. Л. 245–249, 236–243.

⁴ Мордва Заволжья. С. 92.

⁵ ЦГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 156; Ф. 171. Оп. 2. Д. 21, 29; Ф. 335. Оп. 1. Д. 33, 52, 73, 91, 170; Ф. 338. Оп. 1. Д. 50, 60, 70, 73.

⁶ Гребнев М. Мордва Самарской губернии... С. 482.

⁷ Там же.

⁸ Федоров Н. Указ. соч. С. 321.

мьи распоряжался всем имуществом, но не имел права злоупотреблять своим положением, так как оно принадлежало семье. Он назначал работу как мужчинам, так и женщинам, следил за ее непрерывным исполнением, заведовал капиталом семьи¹. Кудазор (покштя) имел право на куплю и продажу, а также заключать сделки и договора². Если старшие дети были взрослыми, и было кому работать, отец семейства оставался при доме. Он присматривал за работающими членами своего семейства, плел лапти, пробивал косы, исправлял серпы, поправлял телеги, чинил сбрую, присматривал за малолетними детьми или внуками³.

Всем домашним хозяйством безраздельно ведала его жена – кудазорава (м.), покштява (э.), которая распоряжалась всеми делами в доме. В ее функции входило распределение хозяйственных работ, установление очередности приготовления пищи. Помимо этого она ухаживала за огородом, скотом, занималась выделкой пряжи, изготовлением одежды⁴.

Для большой семьи было характерно устойчивое половозрастное разделение труда. Все члены семьи вели хозяйство вместе. Мужчины выполняли наиболее тяжелую физическую работу в хозяйстве: полевые, ремонтно-строительные работы, заготовку корма для скота и дров на зиму. В свободное от сельскохозяйственных работ время они занимались различными видами кустарных промыслов. Например, в с. Старые Сосны Клявлинского района был развит гончарный промысел, в с. Исаклы Исаклинского района, где проживали мордва и русские, более двухсот семей работали по многим ремесленным специальностям. Здесь были кузнецы, слесари, вальщики, бондари, портные⁵. Женщины преимущественно занимались домашними делами: уборкой, стиркой, приготовлением пищи, ухаживали за птицей, скотом, а также пряли, ткали, вязали, шили одежду. Участвовали и в полевых работах:

---

¹ Гребнев М. Мордва Самарской губернии... С. 482.

² Там же.

³ Федоров Н. Указ. соч. С. 321.

⁴ Майнов В.Н. Очерки юридического быта мордвы. СПб., 1885. С. 161.

⁵ Тумайкин В.П. Некоторые этнографические особенности... С. 125.

во время сенокоса, уборки урожая, молотыбы. На женщинах лежали также основные заботы по уходу за детьми и их воспитанию¹.

Важнейшей функцией семьи считается воспитание детей. По мнению М. Гребнева, любовь к детям у мордвы ставилась в пример другим народам². В почете была многодетная семья, что обуславливалось и экономическими причинами. С ранних лет дети приучались к труду.

В воспитании девочек большее участие принимала мать, стараясь передать ей умения и свои знания для ведения хозяйства. Загруженность в работе распределялась в зависимости от возраста дочери. Хорошее воспитание и трудолюбие высоко оценивались общественным мнением, особенно это учитывалось при выборе невесты³.

Мальчиков тоже привлекали к помощи в домашних работах, к уходу за скотом. С 7 лет их начинали обучать верховой езде, умению запрягать и распрягать. В этом возрасте мальчики уже могли возить копны, участвовать в других полевых работах. В 14 лет они становились самостоятельными работниками, приобщались к различным мужским ремеслам (обработке дерева и изготовлению различных деревянных изделий, сбруи, витью веревок и плетению лаптей)⁴.

У самарской мордвы, как и у мордвы в целом, существовали свои нормы и правила поведения в семье и обществе, которые усваивались каждым поколением с детства. В отношении девушек главным родительским долгом являлось обеспечение им своевременного и выгодного замужества⁵. В присутствии посторонних считалось неприличным громко разговаривать, прерывать и вмешиваться в разговор. В присутствии гостей дети обычно старались не показываться: летом уходили из дома, а зимой сидели где-нибудь в укромном месте или на печке. В повседневной жизни они на примере старших воспринимали и усваивали этические и эстетические идеалы этноса. Высоко це-

---

¹ Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 53.

² Гребнев М. Мордва Самарской губернии... С. 483–484.

³ Беляева Н.Ф. Дореволюционный быт... С. 20.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Мокшина Ю.Н. Брак и семья в обычном праве мордвы. Саранск, 2005. С. 175.

нились в народе такие качества, как трудолюбие, честность, справедливость, скромность, смелость¹. Чаще всего правилам поведения в семье обучали дедушки и бабушки.

О почтительном уважении к родителям говорится и в устно-поэтическом творчестве мордовского народа. Так, в песне «Смерть ходит за парнем» говорится:

Вай, когда парень маленьким был, ...

Вай, отца «батюшкой» всегда звал,

К матери «матушка» обращался².

Став постарше, девушки привлекались к выполнению почти всех видов женских работ, за исключением приготовления пищи и выпечки хлебов. Они пользовались большей свободой и выполняли меньше работ, так как считались временными в семье. Дочери обычно помогали работать в поле, но домашним хозяйством занимались мало, так как им нужно было шить, вышивать, прясть, ткать – готовить себе приданое. Они не имели никаких прав на семейное имущество. Выходя замуж, дочь получала только свое приданое, размер которого зависел от решения семейного совета или главы семьи³. При распадах больших семей она, как правило, оставалась с родителями, или, если их не было в живых, с кем-нибудь из братьев, который обязан был выдать ее замуж⁴.

Подростки-парни участвовали во всех сельскохозяйственных работах, в подготовке топлива и кормов, ухаживали за лошадьми и скотом. В свободное время посещали молодежные гуляния, посиделки, участвовали в праздниках. Неженатые парни в чувашских и татарских праздниках соревновались в борьбе и на скачках. Нередко они приносили различные призы⁵.

---

¹ Беляева Н.Ф. Дореволюционный быт... С. 21.

² УПТМН... Т. 9. С. 129.

³ Архангельский И. Народные обычаи в селе Кракове Самарского уезда // СЕВ. 1875. № 15. С. 340.

⁴ Беляева Н.Ф. Дореволюционный быт... С. 22.

⁵ И-1074. Лузгин А.С., Беляева Н.Ф., Разживин В.Ф. Отчет об этнографической экспедиции за 1983 г. Саранск, 1983.

Если в семье не было сыновей, их функции выполняли зятя-примаки. В этом случае примачество принимало форму усыновления, и зять становился полноправным членом семьи. Однако принятие зятя в дом было явлением редким, так как их статус в обществе был крайне низок. Обычно их считали за людей несколько легкомысленных и ленивых. Они не пользовались никакими правами на имущество в семье жены.

В большой семье особым почетом и уважением пользовались старшие снохи, в то время как младшие имели низкий статус, их поведение регулировалось неписаными правилами и разными запретами. Например, она должна была угождать всем членам семьи, не появляться перед мужчинами простоволосой и без обуви. Считалось большим стыдом, если снохе напоминали об ее обязанностях и нормах поведения¹. Однако главным, что определяло положение снохи, были ее личные качества (доброта, уживчивость, трудолюбие).

Загруженность и порядок дня каждого члена семьи были связаны с сельскохозяйственными работами. Весну и лето проводили в поле, лугах, на огородах. В семье обыкновенно вставали первыми старшие женщины и будили своих снох, которые обязаны были помогать им; свекровь возилась у печки с разного рода стряпней, одна сноха ходила за дровами, другая – за водой. Свободное от приготовления пищи и других работ время все женщины посвящали шитью одежды и уборке хлебов, в зависимости от времени года. Например, в зимний и весенний период они пряли, занимались белением пряжи, ткали холсты; летом – шили, жали в поле хлеб, вязали в снопы овес, выбирали коноплю; осенью – молотили коноплю, рыли картофель, занимались прядением шерсти, ткали, мяли и толкли кудель, вязали чулки и варежки².

---

¹ Корнишина Г.А. Характеристика внутрисемейных отношений традиционной мордовской семьи Самарского Заволжья // Многонациональный регион как культурно-исторический феномен: VI Бусыгинские чтения. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2013. С. 137.

² Тумайкин В.П. Семья и семейные отношения у мордвы Самарской губернии в XVIII–XIX вв. // Материальная и духовная культура мордвы в XVIII–XX вв. Сборник статей. Саранск, 1978. С. 80.

С заходом солнца возвращались с поля домой, выполняя и здесь все необходимые работы. Уже при темноте вся семья ужинала, а потом взрослые и дети ложились спать. Молодежь отправлялась на улицу¹.

До снегов убирали картошку, овощи, запасали ягоды и грибы, дергали и мяли лен, занимались строительством и подготовкой к зиме.

В осенне-зимний период характер трудовой деятельности семьи заметно менялся, большинство работ сосредоточивалось около дома. Подъем и трудовой день начинались в 6–7 часов утра. Ужинали также рано, часов в 7. После ужина старшее поколение (дед, бабушка) и дети ложились спать. Декабрь и январь были самыми спокойными месяцами в крестьянском календаре, наполненным праздниками, но не отдыхом, так как работа находилась и в это время: женщины пряли и ткали холсты, мужчины уходили на заработки или занимались домашними промыслами, готовились к новому сельскохозяйственному сезону. Эта протяженность и непрерывность сельскохозяйственного труда выступает как основа крестьянского образа жизни, где отдых от крестьянских забот – это исключение, праздник.

По расчетам ученого Л. В. Милова, объем затрат крестьянского труда на сельскохозяйственные работы (с половины апреля до середины сентября) для индивидуального крестьянского хозяйства за вычетом воскресений составлял 128–130 дней, из них на сенокос уходило 30 дней, на земледельческие работы – 100 дней. В расчете на одну десятину приходилось 22 рабочих дня. Крестьянин за эти дни должен был выполнить такой объем работы, который в более благоприятных условиях занимал 40 дней, что и определяло сверхнапряжение его труда. При таком бюджете времени качество земледелия могло быть только примитивным².

С развитием товарно-денежных отношений, ростом крестьянского индивидуализма происходят существенные изменения в формах семьи и организации семейного быта. Патриархальная семья уступает место семье малой (нук-

---

¹ Беляева Н.Ф. Дореволюционный быт... С. 25.

² Мазур Л.М. Указ. соч. С. 414.

леарной). Для нее характерно совместное проживание двух-трех поколений по прямой линии родства, то есть родители с детьми и внуками. В редких случаях в семье жили представители и четвертого поколения – прадед или прабабка. Сыновья после женитьбы делили отцовское хозяйство и жили самостоятельно¹. В отцовском доме с родителями обычно оставался младший сын.

Весь строй семейных взаимоотношений во вновь образовавшихся малых семьях был значительно проще и свободнее. Глава малой семьи становился равноправным членом общины. Он принимал участие в решении всех общественных вопросов. Женщины также получали больше свободы, самостоятельности. Однако в целом, в крестьянском быту сохранялись традиции и нравы большой семьи.

В малой семье женщина была более самостоятельной. Хотя и здесь жена находилась в зависимости от мужа, она все же не испытывала давления со стороны старшего поколения. Это обстоятельство во многом способствовало тому, что женщина становилась более активной в решении многих семейных вопросов.

У самарской мордвы, как у мордвы в целом, широко были распространены обычаи взаимопомощи. Если погорелец отправлялся на лошади в окрестные села, в каждом его снабжали не только хлебом, но и давали одежду, посуду и другие вещи, необходимые в хозяйстве.

Широко были распространены помочи. «Помочь называется от того, что мало семейные, однако зажиточные люди, созывали своих соседей, чтобы помогли им сжать поспелый хлеб. У них такой положен закон, что всякой помогающий должен через весь день на пашне довольствован быть хозяином, а к вечеру для отдыха хозяин заготавливает помогающим нарядный стол, и довольствует их пивом. На другой день другой сосед созывает помочь...»². Несмотря на то, что в каждом дворе хватало своей работы, никто

---

¹ Беляева Н.Ф. Дореволюционный быт... С. 26.

² Лепехин И. Указ. соч. С. 130.

не отказывался. Посредством помочей производилась, например, постройка жилых домов.

Помочи практиковались также при выполнении сельскохозяйственных работ: пахоты, сенокоса, молотбы, уборки льна и картофеля. Это было добровольной бесплатной помощью соседу, своему односельчанину. Однако нередко зажиточные крестьяне, кулаки, имея возможность накормить и угостить людей, использовали их в своих корыстных целях, превращая их в форму эксплуатации деревенской бедноты.

Формой коллективной работы были девичьи «супрядки». Они подразделялись на дневные – «чинь супрядкат» и ночные – «вень супрядкат». В д. Новый Байтермиш Исаклинского района они проходили следующим образом: хозяйка дома, которой необходима была помощь в прядении шерсти или вязании чулок, варежек, нанимала подростков и посылала их звать на «супрядки» девушек. Подзывалы с большим шумом ходили по домам, где были молодые девушки, стучали в окно палкой и звали от имени хозяйки на помощь. На дневные «супрядки» ходили в будничной одежде. Хозяйка угощала их блинами, щами, кашей¹.

На вечерние «супрядки» одевались в праздничную одежду, так как здесь не только работали, но и веселились. Сюда приходили и парни. В перерыве между работой молодежь устраивала игры, пела песни, плясала. На вечерних «супрядках» молодые люди знакомились друг с другом. Существовали и другие виды «супрядок», когда работали по-очереди то для одного, то для другого дома. Своеобразным обычаем была помощь девушке в подготовке ей приданого².

Бытовали и другие формы взаимопомощи. Так, было принято одалживать соседу сельскохозяйственные орудия и хлеб, корм и молочные продукты. Например, если в семье имелся маленький ребенок, и в данный момент корова была накануне отела, то соседи всегда приносили молоко для малы-

---

¹ Беляева Н.Ф. Дореволюционный быт... С. 27.

² Там же.

ша. У самарской мордвы существует поныне обычай на праздник приносить молоко и масло одиноким и престарелым людям.

На все значительные события в семье – крестины, свадьбу, похороны – приглашали соседей. Они оказывали помощь в подготовке пищи, представляя для этого свои печи. У соседей размещали приехавших из дальних сел родственников, если в доме было недостаточно места.

В повседневной культуре самарской мордвы огромная роль принадлежала религиозному фактору. Как было показано выше, к концу XIX столетия основная масса этноса идентифицировала себя с православием. Многие исследователи утверждают, что ранняя их приверженность к христианской религии объясняется территориальной близостью к русским¹. Вера влияла на все сферы жизнедеятельности самарской мордвы. К церковному календарю были приспособлены дохристианские обычаи и обряды. На первых порах православная культура не занимала большое место в повседневной жизни. Мордва уклонялась от исповеди и причастия, церковные обряды исполняла машинально, почти не соблюдала постов. Лишь в деревнях, где существовали церкви, и священнослужители устанавливали строгий надзор, жители приспосабливались к православным ценностям. С середины XIX в. влияние религиозного фактора на повседневную культуру начинает заметно усиливаться. Этому способствовала политика правительства, направленная на усиление позиций православной церкви. Начиная с XVIII в., с разрешения властей строились церкви, росла численность православного духовенства. Например, к началу XX в. в Бугурусланском и Бузулукском уездах церкви были в каждой волости². (Приложение 2)

Составной частью повседневной жизни самарской мордвы стало соблюдение церковных канонов. Христианские обряды крещения, венчания, отпе-

---

¹ Таймасов Л.А. Монастырское движение как отражение модернизационных процессов среди многонационального крестьянства Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследования: материалы I Всерос. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. Самара, 2007. С. 210.

² Список населенных мест Самарской губернии. С. 167–237.

вания в значительной степени вытесняли традиционные верования мордвы. При решении многих хозяйственных и семейных вопросов использовалась православная атрибутика. Широкое распространение имел обычай клятвы крестом, целование икон. Большое значение придавалось «святой» воде, пасхальным яйцам, освященной веточке вербы, которые широко применялись в лечебных целях, от сглаза, во время бедствий, пожаров. Стало традицией заказывать обедни «За здравие» и «Упокой», не только в своей церкви, но и в монастырях. Большим почетом у самарской мордвы пользовался Иверский женский монастырь, где находилась одна из его святынь – икона Иверской Божьей Матери. Она считалась покровительницей женщин, семьи и брака. Набожность мордвы отмечали и многие исследователи, в частности, Н. Федоров указывает, что она влияет и на изучении ими русского языка: «Мордва любит богослужение в церкви и в домах, общение с духовенством и русскими христианами, а для этого нужно знание русского языка. Поэтому они приучают и малолетних своих детей говорить по-русски, обучают их кратким молитвам на славянском языке»¹. Знание наиболее употребительных молитв, посещение церкви, соблюдение христианских обычаев и обрядов повышало статус человека в глазах общины.

Во второй половине XIX в. среди народов Среднего Поволжья распространилось монастырское движение с ярко выраженной этнической направленностью, в котором весьма активно участвовали и женщины. Так, многие марийские девушки выбрали путь служения православной вере².

Стремление к иноческой жизни проявилось и среди мордовских девушек, не вступивших в брак по обету родителей или своему собственному, в народе их называли «чернички», «келейницы». Среди причин такого явления выделяют: семейный гнет, непосильный труд и материальная необеспечен-

---

¹ Федоров Н. Указ. соч. С. 321.

² Таймасов Л.А. Нерусские монастыри Казанского края: ориентиры конфессионального обновления (вторая половина XIX века) // Acta Slavica Iaponica, 21. 2004. С. 104; Его же. Монастырское движение... С. 213.

ность, желание уподобиться древним христианам – отшельникам¹. Иногда мотивом принятия обета безбрачия являлось физическое состояние женщины, препятствовавшее вступлению в супружество. В большинстве случаев они жили отдельно от родных в особой келье, которую строили им или сами родители, или справляли всем миром из старых бревен. Таких черничек называли келейными. О своем желании они заявляли заранее, до сватовства, в противном случае, в глазах односельчан – считались вековухами, что отрицательно сказывалось на их статусе. Большую часть времени они уделяли изучению христианской литературы, православных канонов. Основные функции черничек – «отчитывание от глазу», по покойнику, выполнение христианских похоронно-поминальных обрядов, за что они получали плату, являющейся источником их существования. В свободное время занимались рукоделием, пением божественных гимнов², обучением детей грамоте и азам православной культуры. Среди мордвы особым почитанием пользовались келейницы, которые отличались набожностью, нравственностью, духовностью, трудолюбием, добротой.

В отличие от коренного региона проживания мордвы, здесь черничество было широко распространено³.

Кроме приверженцев официального православия в Самарской губернии проживали и православные-старообрядцы (староверы) из мордвы. Они создавали собственные церковные общины. Некоторые направления старообрядчества не признавали священнослужителей, и во главе их общин стояли выборные уставщики, начетчики – авторитетные мужики, лучше других знающие тонкости вероучения и богослужения. Общины староверов отличались обособленностью, большой сплоченностью, относительной зажиточностью, приверженностью старинным обычаям.

Наибольшее количество старообрядцев проживало в Бузулукском уезде и были приверженцами Спасова и Христова согласия, одного из беспопов-

---

¹ Гребнев М. Мордва Самарской губернии... С. 38.

² Красноперов И. Указ. соч. С. 64.

³ Малиев Н.М. Указ. соч. С. 4.

ских направлений¹. Так, в 1875 г. в с. Лобаз числилось 74 мужчин и 91 женщина – раскольники из мордвы². Мордовские старообрядцы были самыми активными и успешными миссионерами. Например, Кабаевский житель отец Треофил (Тимофей Устинович Южов, местный старообрядец-мордвин) ездил отправлять требы даже в довольно отдаленные уезды Уфимской губернии³.

Наибольшую популярность среди самарской мордвы приобрели верования молокан и хлыстов. Общины молокан бытовали в крае с конца XVIII в., но большая их часть переселилась сюда в конце XIX – начале XX в. Осели они преимущественно в Бугурусланском, Бузулукском и Ставропольском уездах. Так, в сс. Благодаровка и Покровка Бузулукского уезда, Большой и Малый Толкай, Алешкино Бугурусланского уезда они основывали свои улицы или «концы»⁴.

Первые сведения о распространении хлыстовских учений – «Последователей Христовой веры» – в Самарской губернии относятся к 1840-м гг. Они были распространены в с. Большая Каменка и соседних селах Самарского уезда⁵. Они считают, что самые верующие из них могут перевоплотиться в Христа, Богородицу и Святого Духа, тем самым возможно прямое общение Со Святым Духом⁶.

К середине XIX в. на границах Бугурусланского и Бузулукского уездов наблюдалось известное течение «кирилловцев», которое проповедовал о. Кирилл Любимов, расстриженный приходской священник из с. Савруха⁷. В 80-е

¹ Корнишина Г.А. Конфессиональная характеристика мордвы Самарского края в контексте этнической идентичности // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений : Россия–Балканы–Поволжье: труды Междунар. науч. конф. Самара, 2008. С. 218.

² Белореченский И. Указ. соч. С. 508.

³ Данилко Е.С. Мордва и Беловодье: утопические идеи и догматические споры в старообрядческой среде Урало-Поволжья // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность: сборник статей. Самара, 2013. С. 110.

⁴ Корнишина Г.А. Конфессиональная характеристика мордвы... С. 219.

⁵ Там же. С. 220.

⁶ Корнишина Г.А. Современные хлыстовские общины мордвы: конфессиональная и этническая идентификация // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba, 9-14. VIII. 2010. Pars VII. Dissertationes sectionum et symposiorum ad ethnologiam, folkloristicam et mythologiam. Piliscsaba, 2011. С. 79.

⁷ Там же.

гг. XIX в. в ряде мордовских сел Самарского, Бугурусланского и Бузулукского уездов было распространено особое хлыстовское учение так называемых «блаженных» и «собеседников»¹.

Важнейшие события первой половины XX в. оказали существенное влияние не только на социально-экономическую и политическую жизнь, но и на повседневную культуру. В условиях становления колхозно-совхозной системы обязательным становится участие всех трудоспособных членов семьи в общественном производстве, которое определяет не только трудовую сторону жизни, но и дополняет традиционную систему ценностей новыми доминантами – приоритетом общественного над частным, коллективного над индивидуальным². Новая система распределения обязанностей изменила традиционный уклад жизни. Внутри семьи шла ломка патриархальных взаимоотношений, постепенно изживалось повиновение старшим и господство мужчины. Равноправное положение всех членов уравнивало в правах мужчину и женщину. Развитие разнообразных форм политической и культурно-массовой работы в коммунах, обобществление домашнего хозяйства, воспитание детей в детских садах и яслях – все это способствовало уничтожению замкнутости повседневной жизни, усиливало влияние общественности на семейную повседневность. Но, тем не менее, традиционные элементы повседневной культуры продолжали оказывать влияние на мировоззрение мордвы, семейно-брачные отношения. Вплоть до середины XX в. внутреннему строю традиционной мордовской семьи были присущи элементы авторитарности и патриархальности, главенство старших членов, а также четкая возрастная и половозрастная дифференциация. Важнейшими принципами нравственного уклада мордовской семьи, как для большой, так и малой, оставались самобытность, прочность, общность интересов, взаимопомощь и взаимовыдержка, что позволяло самарской мордве активно адаптироваться к новой среде. Существенную роль в формировании повседневной культуры оказывали

---

¹ Корнишина Г.А. Конфессиональная характеристика мордвы...С. 220.

² Мазур Л.М. Указ. соч. С. 359.

природно-климатические условия, которые диктовали форму семьи и основные виды, порядок хозяйственной деятельности.

3.2. Празднично-обрядовая культура

Празднично-обрядовая культура является наиболее специфическим и устойчивым признаком этноса.

Народные праздники и связанные с ними обычаи и обряды носили земледельческий характер, в своей основе они имели аграрно-производящее значение. В определении сроков и продолжительности времен года крестьяне целиком исходили из реальных климатических условий, которые регулировали его трудовую деятельность и хозяйственный быт. С утверждением христианства основой формирования народных праздников и обрядов становится православный календарь. В то же время его восприятие в сознании народа не уменьшило значение прежних традиционных форм и счета времени, о чем свидетельствует автономность ряда праздников и обрядов¹.

Зимний цикл народного календаря был связан со святочнорожественской обрядностью, начинался с зимнего солнцеворота и праздновался с 25 декабря по 6 января по старому стилю. Этот отрезок времени был связан с магией «начала года и первого дня»: каким будет первый день года, таким будет и весь год². Он насыщен целой серией обрядов, игр, гаданий, ворожбы, смысл и направленность которых сводилась к обеспечению на весь год благополучия, здоровья семье, общине, роду. Например, в с. Ерзовка Кинель-Черкасского района девушки ходили по дворам, бросали зерно со словами: «Сею, вею, посеваю, с Новым годом поздравляю!»³. Мордва-мокша сс.

---

¹ Беляева Н.Ф., Тюганкова Е.В. Роль празднично-обрядовой культуры в формировании этнической идентичности (на примере самарской мордвы) // Российский научный журнал. 2011. № 6(25). С. 63.

² Там же. С. 64.

³ Ведерникова Т.И. Село Ерзовка Кинель-Черкасского района // Валдо ойме. № 3. 2013. С. 2.

Торновое и Шелехметь проращивала зерна пшеницы, которые символизировали нескончаемый круговорот жизни.

Канун Рождества назывался колядань чи (ши) – день коляды. Он связан с обрядом колядования. По традиции первыми колядовать начинали дети, которые обходили дома, исполняя колядки – песни-благопожелания:

Ай, коляда, коляда!

Сегодняшний день – день колядования!

Завтрашний день – день Рождества!

Бабушка дай пирожков-орешков,

Чтобы уродился на полях хлеб,

Двор был полон скота,

В семье рождались дети,

Чтобы они были работящими и послушными!¹

Днем молодежь совершала коллективные обходы дворов с поздравлениями хозяев. К обходам относились очень серьезно, так как действия колядовщиков проецировались на жизнь каждого из них. Одним из важнейших моментов обряда является одаривание. Благополучие семьи, хозяйства представлялось зависимым от розданных даров². В своей исходной форме розданные пирожки представляли собой жертвоприношение – один из способов задабривания духов покровителей. Следует отметить, что вплоть до конца 50-х гг. XX в. в Самарской области колядовали все возрастные группы³.

С принятием христианства обязательным было славление, посвященное Рождеству Христову, величание хозяина, хозяйки и их детей. В основном ходили дети, которым давали конфеты, деньги. У самарской мордвы, как и у русских, существовал обряд «посевания», когда пастухи обходили дома, по-

---

¹ ПМА Шенталинский район. (Приложение 7).

² Беляева Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2000. С. 141.

³ Мордва Заволжья. С. 156.

здравляли всех с праздником и бросали в каждый дом по горсти овса, приговаривая: «На живущих, на плодящих и на здоровье»¹.

Одним из элементов праздника было ряжение. В их костюмах преобладали как бытовые, так и зооморфные маски. В Похвистневском и Шенталинском районах ряженные в маски коня, медведя, символизирующие плодородие, ходили по домам и сыпали зерно в каждом доме, взамен просили угощение, при этом не только требовали, но даже угрожали: «Не дадите пирога, не нальете вина, в семье не будет сына-наследника, не дождетесь сватов...»². Использование маски медведя является отголоском древнего культа медведя как прародителя, подтверждающийся многими обрядовыми действиями мордвы³.

Распространенной формой проведения Рождества являлись святочные посиделки, которые проводились в специально нанятом для этого доме – «Роштувань кудо». В период праздника он становился местом для игр, ряжения, плясок, развлечений. Бытовая сторона рождественского праздника состояла в основном из языческих обрядов и действий, которые выражались в шуточных и смеховых формах. Допускались даже определенные вольности, которые были запрещены в повседневной жизни.

Составным элементом Рождественского дома являлись пляски. Именно из-за них его называли домом плясок – кштимань куд (м.), кшитемань кудо (э.). Самыми распространенными были ритуальные движения с поднятыми руками, согнутыми в локтях, которые у многих финно-угров символизировали мировое дерево, обращенное к солнцу⁴. Здесь присутствовали и различные народные песни. Основу репертуара мордвы Самарской области, как и мордвы Заволжья в целом, составляли песни, перенесенные с прежнего места обитания. Однако в ходе освоения этого края у переселенцев зародилось и крепло чувство глубокой привязанности к новому месту. В народе сложились песни, посвященные селам и городам Самары: «Покш Толкай велесь» – «Се-

---

¹ ПМА Шенталинский район. (Приложение 7).

² ПМА Похвистневский район. (Приложение 7).

³ Мокшин Н.Ф. Указ. соч. С. 52.

⁴ Беляева Н.Ф., Тюганкова Е.В. Роль празднично-обрядовой культуры... С. 66.

ло Большое Толкай», «Самара городось» – «Город Самара» и др.¹ На празднике исполнялись не только мордовские, но часто и русские, чувашские песни, что способствовало диалогу культур.

Важнейшей частью дома плясок являлись игры, имевшие как развлекательное, так и магическое значение. С помощью них молодежь доказывала свой социальный статус².

Большое место в святочной обрядности занимали гадания и ворожба. Основные мотивы гаданий девушек – это стремление узнать выйдут ли они замуж, каким будет муж, в какой семье придется жить. Так, например, девушки из щепы и тонких палочек имитировали «сруб» колодца, который клали под подушку. Со словами: «Суженый-ряженный, приди в мой колодец напоить лошадь», ложились спать³. Считалось, кто приснится во сне, тот и станет женихом невесты. Широко распространенным способом гаданий было «закрывание» косы замочком, ключ от которого клали под подушку. Кого девушка увидит во сне, тот и будет ее мужем.

Гадали также на воске. Его растапливали, выливали в холодную воду и по образовавшейся фигуре определяли будущее⁴. Широкое распространение имело гадание по обуви: выйдя за околицу села, девушки снимали обувь с левой ноги, бросали через плечо и наблюдали, куда повернется носок. Если он смотрит в сторону хозяйки обуви, то свадьбы ей не ждуть⁵. Чтобы узнать имя суженого, девушки в полночь выходили из дома и у первого встречного мужчины спрашивали его имя. Считалось, что оно будет именем будущего мужа⁶.

Очень часто местом гадания выбирали баню. Для того чтобы узнать каким будет жених, совали руку в дымовое окошечко и ждали. Если до руки дотрагивалось что-нибудь мохнатое – за богатого замуж выйдешь, голое – за

¹ Мордва Заволжья. С. 155.

² Беляева Н.Ф. Традиционные институты социализации детей и подростков у мордвы. Саранск, 2002. С. 57–58.

³ Беляева Н.Ф. Традиционное воспитание... С. 10.

⁴ ПМА Исаклинский район. (Приложение 7).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

бедного¹. Достоинства и характер будущего мужа пытались узнать с помощью курицы, которую помещали под сито. На пол сыпали просо и ставили блюдечко с водой. Повернув сито 3 раза по кругу, поднимали его и следили, в какую сторону пойдет птица. Если она шла в сторону пшена, то будущий муж будет богатый и с чистым лицом (не рябой), если же она направлялась к воде, то муж будет пьяницей. В с. Ерзовка Кинель-Черкасского района они гадали на петуха². Часто местом гадания выбирали подпол. Чтобы узнать своего будущего мужа, девушка опускала в стакан с водой кольцо и наводила на него зеркало, при этом смотрела в него до тех пор, пока не пригрезится человек, который станет ей мужем³. Многие виды гаданий бытовали еще в середине XX в. Следует подчеркнуть, что для современной молодежи также характерен обряд гаданий. Их интересует не только суженый-ряженый, но и другие вопросы, связанные с образованием, карьерой.

Старшее поколение с помощью гаданий стремилось предсказать благополучие домочадцев, приплод скота, виды на урожай, погоду. Если во время гадания слышно было мычание коров, то это предвещало эпидемию скота; звуки, напоминающие бодание, означали удачный год. В Рождественскую ночь на подоконник сыпали кучки зерна по количеству членов семьи. Если утром чья-то кучка была тронута, то в течение года ее хозяин умрет⁴.

Множество разнообразных народных примет и поверий связано с сочельником: наличие звезд в вечернем небе предвещало виды на урожай грибов, ягод, гороха и богатого приплода домашнего скота. Иней на деревьях – обильным снегам, метель – пчелы будут роиться. Если снега возвышаются вдоль дороги – рожь будет буйно колоситься, если же дорога выше снегов на

---

¹ ПМА Исаклинский район. (Приложение 7).

² Ведерникова Т.И. Село Ерзовка... С. 2.

³ ПМА Исаклинский район. (Приложение 7).

⁴ Там же.

полях – к неурожаю¹. Аналогичные приметы и гадания были характерны для всей мордвы².

Своеобразным действием в святочную неделю считался обход дворов, который совершала ряженая молодежь. Обязательным было обойти все дворы, чтобы не оскорбить хозяев, а те, в свою очередь, старались во всем им угодить, чтобы не навлечь неурожай или несчастье.

Дни от Нового года до Крещения в народе назывались «страшными». Считалось, что в это время особенно буйствует нечистая сила, которая может нанести существенный вред, как человеку, так и его хозяйству. На «страшной» неделе люди старались поздно вечером реже выходить из дома. Существовало поверье, что нечистая сила может сбить человека с пути, заманить в какую-нибудь ловушку и задушить. В ночь на Крещение над окнами, дверями и воротами чертили кресты или их делали из тонкой лучины и бросали в хлев с целью обезвредить и изгнать нечистую силу. В с. Ерзовка Кинель-Черкасского района на Крещение в 3–4 часа утра зажигали костры, каждый у своего двора, якобы «Христу грели ноги»³. Эти ритуальные действия должны были навести порядок в мире.

Из православных праздников мордва широко отмечала Крещение. С христианством связан обычай освящать воду, купаться в проруби. Крещенскую воду наливали в специальную посуду, ставили за иконы и хранили до следующего Крещения. Ей приписывались очистительные и лечебные свойства, поэтому широко использовали в народной медицине, при лечении от сглаза. Особо ценилась родниковая вода. Традиции почитания родниковой воды сохраняются в ряде мордовских сел и поныне. Например, в окрестностях с. Старое Вечканово Исаклинского района, которое славится многочисленными родниками, на одном из особо

---

¹ ПМА Исаклинский район. (Приложение 7).

² Девяткина Т.П. Народные приметы мордвы: мокши и эрзи: учеб. пособ. Саранск, 1994. С. 24–25.

³ Ведерникова Т.И. Село Ерзовка... С. 2.

почитаемых источников создан целый архитектурный комплекс, куда на Крещение приезжают сотни людей.

Во время праздника было принято ходить в гости друг к другу. Молодежь устраивала хороводы – «коровод», «карогот», где исполнялись круговые песни. Особо торжественными и массовыми являлись праздничные. В них участвовала молодежь и из соседних сел¹. Например, в с. Тимяшево Шенталинского района в гости к мордве приходили чувашаи, которые включались в общий хоровод, при этом исполнялись как мордовские, так и чувашские песни².

Особое место в праздничном календаре занимала Масленица, которая длилась от одной до двух недель. Первая неделя называлась «покш Мاستя» – большая Масленица, вторая – «вишка Мاستя» – малая Масленица. Вероятно, обычай деления Масленицы на большую и малую возник у мордвы под влиянием чувашей, у которых это было распространено повсеместно³. По срокам она связана с передвижной частью церковного календаря.

Праздновалась Масленица с исключительным размахом, всенародно. Недаром ее называют «широкой», «честной», «веселой», «разгульной» и т. д. На этом празднике, как ни на каком другом, демонстрировался достаток семьи, её богатство. По рассказам информаторов, Масленицу старались встретить, праздновать и особенно проводить с достоинством⁴. У самарской мордвы, как и у мордвы всего Заволжья, празднование Масленицы начиналось с исполнения масленичных песен, имеющих величально-поздравительное содержание и песен-диалогов с птицами:

Паро уряж, патинем,	Добрая невестка, тетушка моя,
Мазы уряж, патинем!	Красивая невестка, тетушка моя!
Учить нармунть – састь нармунть:	Ждала ты птиц – прилетели птицы:
Коволкс ливтить – чи вельтить!	Тучей летят – солнце закрывают!

¹ ПМА Иса克林ский район. (Приложение 7).

² Корнишина Г.А. Этнокультурные контакты мордвы... С. 111.

³ Мордва Заволжья. С. 157.

⁴ Беляева Н.Ф., Тюганкова Е.В. Роль празднично-обрядовой культуры... С. 68.

Учить Мастя – сась Мастя:
 Лейсэ эсь сэняшкaдсь,
 Пакся ловось раушкaдсь!

Ждала Масленицу – пришла Масленица:
 В реке лед посинел,
 В поле снег почернел!¹

Излюбленным развлечением праздника было катание, которое имело обрядовые функции, поэтому в нем принимали участие как взрослые, так и дети. В селах, где не было возвышенностей, молодежь сооружала «масленичную гору» – «масленицань пандо»², которая становилась центром проведения игр, забав, увеселений.

В праздновании Масленицы весьма ярко прослеживаются пережитки аграрных, семейно-бытовых обрядов. Многие из них были посвящены молодоженам. Так, во многих мордовских селах излюбленным развлечением было катание молодых, при этом они должны были демонстрировать свое отношение друг к другу. В ряде мест молодые женщины, вышедшие замуж с момента последней Масленицы, приносили на масленичную гору блины и угощали ими молодых парней, чтобы те покатали их на санях³.

С целью очищения от злых духов обязательным было катание на лошадях, которое имело массовый характер. Полагали, что с помощью шума колокольчиков и бубенчиков, которыми украшали лошадей, пения весёлых песен, смеха, можно изгнать болезни и всю нечисть⁴.

Во время празднования Масленицы самарская мордва традиционно устраивала кулачные бои. Так, в с. Ерзовка Кинель-Черкасского района в них участвовало до 100 человек⁵.

В последний день праздника «проводжали» Масленицу. Одним из главных ее атрибутов было чучело из соломы. Весь день его возили по деревне, а к вечеру – сжигали. По поверью шум и веселье способствовали богатому урожаю, благополучию во время всего года, а также изгнанию нечистой силы. В сожжении Масленицы усматривали магические действия, посредством

¹ Мордва Заволжья. С. 157.

² Там же. С. 120.

³ Там же. С. 120.

⁴ Беляева Н.Ф., Тюганкова Е.В. Роль празднично-обрядовой культуры... С. 69.

⁵ Ведерникова Т.И. Село Ерзовка... С. 2.

которых прогоняли от себя и своего хозяйства вредных духов. В некоторых селах Шенталинского, Клявлинского районов устраивали общедеревенские костры на возвышенностях или берегу реки, чтобы огонь был виден всем жителям села¹.

Последний день Масленицы назывался прощенным. По обычаю все просили прощение друг у друга, включая родных, близких, соседей, односельчан. В этот день мирились те, кто был в ссоре, кто обидел друг друга словом или поступком. В некоторых мордовских сёлах ходили просить прощения и отпущения грехов в церковь. Обряд прощения рассматривался как моральное очищение человека за нанесенные вольные или невольные обиды. Многие обычаи и обряды, связанные с Масленицей, функционируют в настоящее время в празднике «Проводы зимы».

Весенне-летние обряды и праздники большей частью группировались вокруг крупных христианских праздников. Последним воскресеньем Великого поста является Вербное воскресенье. По традиции в этот день в храмах совершался обряд освящения вербы. С давних времен считалось, что она обладает магическими свойствами: будто бы предохраняет людей от козней злых духов, охраняет скот и посевы от разных бедствий. Это поверье органически перешло и в христианство. В связи с этим появился обычай слегка ударять друг друга вербой². Молодежь с. Багана ходили за вербой в с. Старые Шенталы, считалось, что эта верба обладает особой очистительной силой, снимает сглаз, излечивает от болезней.

Одним из самых крупных христианских праздников является Пасха, которая сочеталась с соблюдением ряда языческих обрядов. Накануне праздника приготавливали пиво предков (атянь пуре). По обычаю обязательным было накрыть праздничный стол. При зажжении свечи – атянь штатол (свеча предков), ложили рядом шапку предков – атянь шапку, в которую накладывали в дар покойным деньги и яйца. В с. Лобаз Бузулукского уезда под скатерть

---

¹ Беляева Н.Ф., Тюганкова Е.В. Роль празднично-обрядовой культуры... С. 70.

² Корнишина Г.А. Традиционно-обрядовая культура мордвы. Саранск, 2007. С. 45.

клали соль, волосы в знак здоровья семьи, изобилия хлеба и соли; под стол – сено, хомут, шерсть или что-нибудь из сбруи, что символизировало размножение скота, овец¹. Обязательным было обойти все родственные дома², а также катить яйца в сторону кладбища для детей, которые умерли³. В первый день мордва устраивала поминовение предков, чтобы заручиться их помощью в проведении весенних полевых работ, хозяйственных делах.

В большинстве сел на этот праздник собирались мужчины, которые обязательно должны были приехать на лошади, для приготовления пасхального пива – «ине чинь пуре». Составной частью обряда являлось обливание лошадей пасхальным пивом, чтобы улучшить здоровье и повысить работоспособность⁴.

В первый день Пасхи по языческим верованиям самарская мордва должна была принести жертву верховному богу: специально откормленного для этого жеребенка⁵.

Христианство оказало существенное влияние на празднование Пасхи. Составной частью праздника становится крашение яиц, подготовка кулича и организация Крестного хода. В сознании мордвы утверждается представление о чудесном воскрешении Иисуса Христа, распятого на кресте. Крестный ход все жители села устраивали в полночь. Неотъемлемым элементом праздника являлся обряд христосования: дарение друг другу яиц. Одним из первых его совершали дети и подростки. В тех селах, где был храм, славить Христа по домам ходил священник с причетом. В с. Ерзовка Кинель-Черкасского района на Пасху «христосовались», качались на качелях, катали яйца сшитым мячиком (яйца ставили парами, до 60 пар и играли до 120 человек)⁶.

---

¹ Белореченский И. Указ. соч. С. 426.

² Корнишина Г.А. Традиционно-обрядовая культура мордвы... С. 45.

³ Евсевьев М.Е. Историко-этнографические исследования // Избранные труды. Саранск, 1966. Т. 5. С. 368, 371.

⁴ Корнишина Г.А. Традиционные обычаи и обряды мордвы... С. 47.

⁵ Там же.

⁶ Ведерникова Т.И. Село Ерзовка... С. 2.

Самарская мордва сохранила традицию устраивать проводы Пасхи, для этого варили много пива и распивали его прямо на улице. В Бугульминском уезде ее провожали по полевой меже¹. В сс. Пестравка и Мосты Новоузенского уезда провожали до леса или рощи. Здесь девушки останавливались под березой, ели яйца и лепешки, украшали дерево яичными скорлупками и разноцветными лоскутками. Аналогичный обычай характерен и для саратовской мордвы².

Во время проводов Пасхи часто выполнялись обряды, связанные с огнем. Например, в мордовских селах Шенталинского, Клявлинского, Иса克林ского, Бугурусланского уездов молодежь бегала вокруг села с огнем в руках или спускала с гор горящие колеса, что символизировало свет и тепло, как и солнце³. Обычай проводов Пасхи в ряде мордовских сел бытовал вплоть до середины XX в.

Одним из главных весенних праздников является Троица, сочетающая как христианские, так и дохристианские воззрения, связанные с почитанием растительности. Молодежь на протяжении всего праздника ходила в венках или просто втыкала цветы в волосы. Основные события праздника разворачивались вокруг березки, которая украшалась лентами, цветными нитками.

Самым излюбленным для молодежи занятием на этот праздник были гадания, особенно по венку. Сплетенный из цветов его бросали в воду, считалось, если он тонул, то его хозяйка заболеет или умрет, если же поплыл, то это предвещало замужество. В ряде мордовских сел бытовало ритуальное обливание водой, которое считалось целебным⁴. Со временем этот обычай теряет сакральное значение и имеет лишь развлекательный характер.

В настоящее время в некоторых мордовских селениях Самарской области существует обычай зеленью и цветами украшать свои дома⁵. С христианством связан обычай освящения травы, которую затем выбрасывали во

---

¹ УПТМН... Т. 7. Ч. 3. С. 146–147.

² Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910. С. 133.

³ Мельников П.И. Указ. соч. С. 57–58.

⁴ Там же. С. 57–58.

⁵ Ведерникова Т.И. Село Ерзовка... С. 2.

двор скоту. Например, в с. Старые Сосны до настоящего времени принято украшать дома и хозяйственные постройки зеленью и цветами, освещенными в церкви.

В с. Багана Шенталинского района праздник в честь березки сохранил свои традиции до настоящего времени. В массовом праздничном гулянье принимают участие не только жители села, но и соседних чувашских сел. Мордовские песни и пляски сочетаются с чувашскими, что способствует тесному взаимодействию и взаимообогащению культур и традиций, формированию этнокультурной толерантности¹.

С окончанием праздника, на последней неделе, устраивали народный карнавал «Тундонь ильтямо» – проводы весны. Он был насыщен состязаниями, играми². Например, в эрзянско-русском с. Коноваловка Борского района традицией стало проведение национального праздника «Вастазь чи» (местное название – Ватази, Ватазей, Вастази – производное от эрзянского «вастамс» – встретить, «чи» – день), где вместе с эрзянами празднуют и русские³. Это характерно и для смешанных сел других регионов. Так, на территории Чувашии мордва отмечают его вместе с русскими и чувашами⁴.

Девичий дом пива («Тейтерень пия кудо») у самарской мордвы проводился с Покрова. Он считался как бы переходом девушек в более старшую возрастную группу. Молодые девушки, готовые выйти замуж, собирались в специально нанятом доме, где варили пиво из собранных продуктов⁵. Распорядительницами праздника («Отаманкат», «Андямот» или «Покшкетъ») выбирали одну или двух красивых девушек, хороших рукодельниц, умеющих петь и плясать⁶. Праздник сопровождался музыкой, песнями, танцами, играми, ряжением.

¹ ПМА Шенталинский район. (Приложение 7).

² Корнишина Г.А. Традиционные формы коллективного общения мордвы Самарского края // Этнос и культура. 1997. №1. С. 7.

³ Вастазь чи // Валдо ойме. № 4. 2013. С. 2.

⁴ Матвеев Г.Б. Указ. соч. С. 140.

⁵ Духовное наследие народов Поволжья. С. 10.

⁶ Там же. С. 13.

На всем его протяжении, который иногда длился целую неделю, присутствовала тема брака. Молодежь разыгрывала свадебные ритуалы, сценки из семейно-бытовой жизни, исполнялись песни любовного содержания. В качестве зрителей выступало старшее поколение, именно они являлись выразителем общественного мнения. Традиционно, участницы праздника с песнями и плясками посещали как соседние села, так и сами принимали гостей, расширяя круг знакомств для вступления в брак¹.

Следует подчеркнуть, что мордва, в том числе и самарская, относилась к праздникам как к жизненной школе, средству упрочения семейно-родственных и социальных связей. Праздничные обрядовые действия, песни, игры помогали человеку утвердить себя как добродетельного, обладающего честью и достоинством, равноправного члена общины, поддержать общий ритм жизни, достичь победы добра над злом.

Календарные праздники и обряды служили важной формой общения. В мордовские села на праздники приезжали жители из соседних чувашских, русских, татарских сел, что способствовало культурному диалогу, взаимовлиянию и взаимообогащению обычаев и традиций.

Во второй половине XX в., с усилением процессов интеграции и урбанизации, происходят изменения не только в социально-экономической сфере, но и в празднично-обрядовой культуре. Все это привело к утрате этнически специфических черт, исчезновению целых комплексов этнокультуры. Однако отдельные элементы народных праздников, игр, забав не исчезли с поверхности и продолжали оказывать влияние на мировоззрение мордвы, празднично-обрядовую культуру. Они органично вошли в практику проведения праздников села, проводов зимы и т. д. Например, в с. Трофимовка Нефтегорского района в последнюю субботу июня несколько лет подряд проводится праздник села. Огромная заслуга принадлежит семье Радовых, которая по круп-

---

¹ Корнишина Г.А. Традиционные обычаи и обряды мордвы... С. 39.

цам собирала и восстанавливала элементы народных традиций, обычаев и обрядов¹.

Итак, праздники и сегодня являются одним из важнейших способов сохранения этнической культуры и самосознания, служат важным средством этнической самоидентификации.

Таким образом, повседневная культура самарской мордвы характеризовалась внутренним укладом семьи, определялась общинными и семейными традициями, хозяйственной деятельностью. Вплоть до начала XX столетия наряду с малыми (нуклеарными) семьями, в ряде уездов функционировали составные (большие) семьи, состоящие из нескольких поколений. Повседневная культура была продиктована патриархально-семейным укладом. Для большой семьи было характерно устойчивое половозрастное разделение труда. С развитием товарно-денежных отношений, ростом крестьянского индивидуализма, патриархальная семья уступает место семье малой (нуклеарной). Весь строй семейных взаимоотношений в них был значительно проще и свободнее. Женщина становилась более самостоятельной.

Составной частью повседневной культуры являлись обычаи взаимопомощи, которые сохранялись до второй половины XX в.

К концу XIX столетия основная масса мордвы идентифицировала себя с православием. Об утверждении православной культуры в мировоззрении мордвы свидетельствует особая категория молодых девушек – «черничек». Кроме приверженцев официального православия среди мордвы получили распространение старообрядчество (староверы), вероучения молокан и хлыстов – последователей Христовой веры.

В условиях становления колхозно-совхозной системы обязательным становится участие всех трудоспособных членов семьи в общественном производстве. Новая система распределения обязанностей изменила традицион-

---

¹ Николаев С. Возрождающие память // Финно-угорская газета. № 6. 2010. С. 4.

ный уклад жизни. Однако до середины XX в., для внутреннего строя традиционной мордовской семьи были характерны отдельные признаки больших семей, что позволяло самарской мордве активно адаптироваться к новой среде.

Одним из важнейших элементов духовной культуры мордвы являются народные праздники и связанные с ними обычаи и обряды. Передаваясь от одного поколения к другому, происходит приобщение молодежи к культурным традициям. С утверждением христианства народные праздники и обряды приурочивались к православному календарю. Особенностью мордовских праздников являлось участие в них представителей других этносов: чувашей, русских, татар, что способствовало культурному диалогу, взаимовлиянию и взаимообогащению обычаев и традиций. Во второй половине XX в. происходят изменения в празднично-обрядовой культуре. Однако отдельные элементы народных праздников, игр, забав не исчезли с поверхности и продолжали оказывать влияние на мировоззрение мордвы, празднично-обрядовую культуру. Они органично вошли в практику проведения праздников села, проводов зимы и т. д.

ГЛАВА 4. СОВРЕМЕННОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ САМАРСКОЙ МОРДВЫ

В четвертой главе рассматриваются современное социокультурное развитие самарской мордвы, этнические и этнодемографические процессы, уровень функционирования этнической культуры, языка, национальных общеобразовательных учреждений, роль мордовских общественных организаций, национальной печати в возрождении и сохранении этнической культуры.

Современное социокультурное развитие самарской мордвы характеризуется этноэволюционными процессами, снижением количественных и качественных показателей, вызванных целым комплексом различных причин. Ассимиляция мордвы стала проявляться уже в середине XIX в., но к концу XX столетия масштабы этого процесса значительно увеличились. Выросло целое поколение мордвы, оторванное от национальной культуры, языка, с ослабленным этническим самосознанием, во многом прервана преемственность поколений и т. д. В связи с этим, актуальным является изучение социально-экономических факторов, оказавших существенное влияние на демографические параметры мордвы, значимость межнациональных отношений, межэтнических браков в функционировании этноса. Особое внимание уделяется национальному образованию, роли национальной школы в сохранении языка, формированию этнической идентичности.

Стремление к сохранению у мордвы его этнического облика выразилось в создании общественных организаций и автономий, которые взяли на себя задачу культурного возрождения этноса. Исходя из этого, предполагается проанализировать деятельность этих организаций, определить роль национальных средств массовой информации по возрождению языка, культуры, истории, традиций народа. Для анализа привлекаются полевые материалы автора, статистические данные, Интернет-источники.

4.1. Этнокультурные процессы в конце XX – начале XXI вв.

На рубеже XX–XXI вв. Самарская область, как и вся страна в целом, вступила в полосу сложных и противоречивых этнических процессов, приводящих к изменению этнических общностей. Их специфика выражается, с одной стороны, в усилении и развитии национального самосознания и национальной идентичности, а с другой – нарастающим пониманием общности языков и культур.

Среди современных этнических процессов, характерных для самарской мордвы, выделяются этноэволюционные, обусловленные социально-экономическим развитием этнических общностей, их контактами с другими народами и приведшие к изменению элементов культуры и быта.

Поликультурная и полиэтничная среда Самарского края оказала существенное влияние на демографические параметры мордвы. Ассимиляция этноса стала проявляться уже в середине XIX в. Так, в сборнике статистических сведений по Самарской губернии мордва была исключена из перечня групп Самарского уезда по причине того, что она почти совершенно утратила свои племенные отличия и вполне ассимилировалась с великорусским элементом¹. Однако, судя по данным Всероссийских переписей, численность мордвы постоянно увеличивалась вплоть до 1926 г. и занимала второе место после русских. Последнее увеличение было отмечено по материалам переписи 1970 г. Но уже по последующим данным наметилось неуклонное сокращение ее доли. Например, в 1989 г. в области проживало 116,474 тыс. человек², в 2002 г. – 86,0 тыс.³, 2010 г. – 65,447 тыс.⁴

---

¹ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Самарский уезд. М., 1883. Т. 1. С. 7.

² Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.

³ Национальный состав населения Республики Мордовия. Информационно-аналитический материал / Комитет гос. статистики РМ. Саранск, 2004. С. 7–9.

⁴ Национальный состав, владение языками, гражданство населения Самарской области (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года).

Уменьшение численности мордвы вызвано целым комплексом причин. Существенную роль в этом процессе сыграла дисперсность расселения, ни в одном из районов области мордва не составляла большинство. Как было указано в предыдущем параграфе, значительная ее часть проживала в национально-смешанных селениях, а совместное проживание с русскими зачастую приводило к ее обрусению.

Большое влияние на ассимиляционные процессы оказывает урбанизация. Так, в 1959 г. сельское население среди мордвы области составляло 81594 человек, городское – 33734¹, но уже в 1989 г. – 48986 и 67489 человек соответственно, при этом в г. Самара – 27668 человек (2,2 % от всего населения), г. Тольятти – 15358 (2,4 %), г. Отрадный – 3477 (7,1 %), г. Чапаевске – 2988 (3,0 %), г. Похвистнево – 2570 (9,3 %)².

Оттоку сельского населения в города в значительной степени способствовала российская трансформация рубежа XX–XXI вв. Решающими стали аграрные реформы, которые привели к глубокой деформации человеческого и производственного потенциала села, сокращению социальной инфраструктуры, включая образовательную, культурную, медицинскую. Фермерский уклад в сельском хозяйстве не получил должного развития. Тяжелая социально-экономическая ситуация, безработица вынуждала к оттоку сельского населения в крупные города области, а также за ее пределы. Проявлением этих процессов стало опустение сел и деревень. По данным переписи 2002 г. численность городского мордовского населения составила 52,7 %³. В сельской местности мордва наиболее компактно проживала в Клявлинском (27 населенных пункта), Исаклинском (15), Шенталинском (19), Похвистневском (14), Ставропольском (11) муниципальных районах. (Приложение 3)

Рост городского населения продолжается и в настоящее время. Так, по данным Всероссийской переписи 2010 г. численность сельского населения

---

¹ Национальный состав, владение языками, гражданство населения Самарской области (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года).

² Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского этноса. С. 200.

³ Расселение национальностей по муниципалитетам Самарской области (по результатам переписи населения 2002 г.). Самара, 2007. С. 32.

составила 44,4 %, городского – 55,6 %, в том числе 34,4 % проживает в г. Самара, 33,9 % – г. Тольятти¹. Основная масса сельского населения проживает в Волжском (11,6 %), Исаклинском (7,8 %), Клявлинском (13,2 %), Похвистневском (15 %), Ставропольском (7,1 %), Шенталинском (8,9 %) районах². (Приложение 4)

В этническом плане в основном преобладает мордва-эрзя, которая проживает в 92 населенных пунктах. Самый высокий процент приходится на Исаклинский (23,9 %) и Шенталинский (20,9 %) районы. Эрзяне проживают также в Клявлинском и Похвистневском районах.

Мокшанских поселений в Самарском крае всего 6: Торновое и Шелехметь в Волжском районе, с. Старая Бинорадка, пос. Заря в Красноярском районе, сс. Новая Бинорадка и Бахилово в Ставропольском районе.

Учитывая преобладание численности эрзи над мокшей, постепенно эрзянский язык становится языком общения между ними в эрзя-мокшанских селениях. Однако, с преобладанием русского населения и переходом в основном на русский язык общения, мокша и эрзя идентифицировали себя мордвой. Так, по переписи 2010 г. по Самарской области зафиксировано мордвы 65447 человек, эрзи – 2328, мокши – 85³. (Приложение 5).

На демографические показатели оказывают влияние межэтнические браки, в результате которых происходит смена национального самосознания и зачастую родного языка. Национально-смешанные браки среди самарской мордвы стали довольно частыми уже в 20–30-е гг. XX в. Так, в 1933–1935 гг. их доля была равна 11,7 %⁴. Начиная с 50-х гг. XX в. их количество заметно возрастает. Так, в 1955 г. их доля была равна 21,6 %; в 1965 г. – 27,2 %; в 1975 г. – 42,2 %; в 1985 – 38,9 %⁵. По данным полевых материалов в с. Вечканово за последние 10 лет не было зарегистрировано ни одного однонацио-

---

¹ Национальный состав, владение языками, гражданство населения Самарской области (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Мордва Заволжья. С. 132.

⁵ Там же.

нального мордовского брака¹. Подобное явление наблюдается и в Республике Мордовия, но по сравнению с ней вариантная структура национально-смешанных семей более разнообразна. Если мордва, проживающая на территории своей республики, в основном заключает браки с русскими, то в Самарской области сельская мордва кроме русских, вступает в брачные союзы с народами Поволжья, особенно чувашами². Дети от таких браков обычно записываются русскими, в остальных случаях – по преобладающей в селе этнической группе. Утрата родного языка и переход на другой язык является свидетельством процесса ослабления этнической общности и служит показателем этнической ассимиляции.

На ослаблении значимости родного языка оказало влияние свертывание преподавания родных языков сначала в среднем, а затем и в начальном звене, в результате чего несколько поколений самарской мордвы оказались оторванными от этнической культуры. Мордовские языки стали вытесняться не только из общественной и культурной жизни, но и семейно-бытовой сферы. Собранные полевые материалы подтверждают факт языковой ассимиляции. Даже на уровне семьи преобладает употребление русского языка.

Следует подчеркнуть, что создание национальных школ и преподавание мордовских языков в Самарском крае имеет глубокие корни. Началом становления мордовского образования считается XVIII в., с созданием в 1731 г. Особой Комиссии для крещения казанских, нижегородских, симбирских и самарских инородцев (с 1734 г. «Новокрещенская контора»). На территории Самарского края стали организовываться «новокрещенские» школы для детей нерусского населения: чувашей, удмуртов, татар, мордвы, принявших крещение, главной целью которых являлось укрепление христианской веры и подготовка проповедников христианства. Наряду с преподаванием Закона Божия, церковного пения, детей учили чтению, письму, пению, рисованию, российской грамматике.

---

¹ ПМА Исаклинский район. (Приложение 7).

² Корнишина Г.А. Сельская семья мордвы Самарского Заволжья: автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1992. С. 11.

Большую роль в развитии мордовского образования в Самарском крае сыграло открытие в 1872 г. Казанской учительской семинарии как одного из учебных заведений для подготовки учителей по системе Н. И. Ильминского. Она являлась методическим центром по разработке учебников на языках нерусских народов в рамках деятельности Переводческой комиссии Православного миссионерского общества при братстве св. Гурия. К 1910 г. она подготовила 247 татарских переводов, 245 чувашских и 27 мордовских. К началу XX в. было 147 школ Св. Гурия, из них 62 – крещено-татарских, 50 – чувашских, по 17 – марийских и удмуртских, 1 – мордовская¹.

Из стен семинарии вышли многие представители национальной интеллигенции. Первым учащимся из мордвы был А. Ф. Юртов, который в 1883 г. работал учителем в с. Старо-Бесовка Самарской губернии. Он организовал работу по типу школы учительской семинарии, ввел, кроме основных дисциплин, уроки пения, внеклассного чтения, рисования и т. п. Большое внимание он уделял изучению эрзянского и мокшанского языков, этнографии и фольклора, переводу на эрзянский язык вероучительных книг. За 2 года работы в с. Старо-Бесовка он записал более 30 мордовских преданий и легенд. В историю мордовского народа А. Ф. Юртов вошел как первый составитель эрзянско-мокшанской письменности, собиратель мордовской словесности².

В первые годы советской власти с целью ликвидации неграмотности и подготовки национальных кадров в 1920 г. в с. Малый Толкай Бугурусланского уезда (ныне – Похвистневский район) открываются трехгодичные центральные мордовские учительские курсы, преобразованные в 1922 г. в мордовский педтехникум. С 1920 по 1940 гг. он выпустил более тысячи учителей для мордовских школ всей страны. Здесь преподавали известные мордовские педагоги Е. Б. Буртаев (история), В. Н. Колужнов (математика), М. М. Кузьмин, С. Макшов, Е. В. Скобелев, К. С. Петрова и др.³

---

¹ Эфиров А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья, Сибири. М., 1948. С. 17–26.

² Биография А.Ф. Юртова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zemlyaki.name/person.php?person_id=58

³ Мордва Самарской области... 2012. С. 19.

В 1924 г. самарская мордва имела 137 национальных школ, 1 педтехникум (с. Малый Толкай, в 1928 г. переведенный в с. Красный городок – бывший Ракитовский монастырь Самарского уезда), 45 пунктов ликвидации безграмотности, 17 изб-читален, 7 народных домов, 3 клуба, 6 библиотек, где мордва имела возможность реализовать свои потребности в общении¹.

В 1923 г. для сохранения национально-культурных особенностей мордвы средствами этнографического и лингвистического образования в Самарском Государственном университете открывается кафедра сравнительного финно-угорского языкознания и этнографии. Число слушателей мордвы было около 30 человек².

Интенсивное развитие мордовской национальной школы приходится на 20–30-е гг. XX в. Советское правительство, понимая всю важность ликвидации неграмотности среди нацменьшинств, уделяло серьезное внимание языку обучения в школах. Процесс обучения должен был идти на родном языке учащихся. В этот период интенсивно разрабатываются и издаются учебники и пособия на мордовском языке. Шла активная подготовка педагогических кадров, среди них достойное место занимали самарцы А. Я. Дорогойченко, Д. И. Малышев, М. И. Сумгин, Е. В. Скобелев и др.³

Зарождение национальной школы в Самарском крае во многом связано с деятельностью педагогов-просветителей, авторов национальных учебников, теоретиков по вопросам воспитания мордовских детей, исследователей этнографии и истории мордвы. Большой вклад внес мордовский педагог, выдающийся фольклорист М. И. Чувашов. Всю свою жизнь он проработал учителем в с. Шентала Шенталинского района. В настоящее время в этом селе находится музей, названный его именем⁴.

---

¹ Ведерникова Т.И. Реализация советской национальной политики в Самарской губернии в 1920-х гг. // Самарский край в истории России: материалы межрег. науч. конф. Самара. 2012. Вып. 4. С. 196.

² Там же.

³ Мордва Самарской области... 2012. С. 19.

⁴ Духовное наследие народов Поволжья. С. 5.

В конце 30-х гг. XX в. в связи с введением всеобщего обязательного образования начинается политика расширения сферы функционирования русского языка как языка межнационального общения. Согласно закону СССР «Об укреплении связи с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования в СССР» (1959 г.) повсеместно вводится обучение на русском языке сначала в классах средней и старшей ступени, а затем и в старшей школе. Фактически этот закон стал началом упадка мордовской национальной школы, что отрицательно сказалось на формировании национального самосознания и функционировании родного языка. До середины 50-х гг. русский язык преподавался в школах как предмет. К 1970-м г. она полностью была переведена на русский язык обучения, родной язык остался лишь в качестве учебного предмета. Со временем во многих школах изучение родного языка прекратилось, что, несомненно, отрицательно повлияло на уровень его функционирования в общественной, культурной жизни. Уже в 70–80-х гг. XX в. из обихода исчезли названия мордовских числительных, родные языки стали средством общения лишь в семейной сфере и среди старшего поколения. По данным 1989 г. 11,3 % мордвы Республики Мордовия признали своим родным языком русский, в Куйбышевской области доля таких людей составила 39,3 %¹. По сообщению информаторов в последние 10 лет языком общения даже в повседневной жизни является русский язык². В 1959 г. из 115328 человек считали родным язык своей национальности 89903 (77,9 %), в том числе 71946 (80 %) сельского населения, 17957 (20 %) – городского³. Если в 1979 г. от родных языков отказалось 32,6 %, то в 1989 г. – 39,4 %.⁴

Отторжение от языка приводит к отторжению от традиционных этнических ценностей, к смене ориентиров. Судя по полевым материалам, молодые люди считают обременительным для себя принадлежность к национальности родителей и предпочитают идентифицировать себя с русским этносом.

---

¹ Мордва Заволжья. С. 132.

² ПМА Клявлинский район. (Приложение 7).

³ Итоги Всесоюзной переписи 1959 года: РСФСР. М., 1963.

⁴ Мордва Заволжья. С. 174

Старшее поколение не может сопротивляться этому процессу, видя, что именно включение в русско-культурную языковую семью ведет к более успешной карьере. Немало и таких, которые записаны мордвой по паспорту, а не по национальному самосознанию, культурным привязанностям, знанию языка своих родителей. В настоящее время приверженность к этническим ценностям, межпоколенная трансмиссия весьма ослаблена и в сельской среде. Данное положение характерно для многих финно-угорских народов. В частности, К. Н. Сануков отмечает ослабление у них национального самосознания, вытеснение традиционных культурных ценностей и традиций, особенно среди молодого поколения¹. Процессы аккультурации и языковой ассимиляции приняли значительные масштабы и стали прямой угрозой лингвистической компетенции в области родных языков.

В начале 1990-х гг. на волне «этнического ренессанса» стали предприниматься шаги по возрождению национальной школы в регионе. Вместе с подъемом национального движения, ростом этнического самосознания в обществе меняется и отношение к образованию, оно начинает рассматриваться как важнейший элемент национального возрождения. Среди мордовского населения увеличивается количество людей, для которых передача родного языка и культуры через школьное образование становится своего рода потребностью. В качестве нового веяния можно отметить национальные классы, в которых этнокультурному компоненту в воспитательных и образовательных процессах уделяется большое внимание. Часть родителей предпочитают отдавать детей, владеющих родным языком, именно в такие образовательные учреждения, где, по их мнению, можно получить дополнительные знания по истории и культуре своего этноса. Данный выбор делается вполне осознанно и связывается с ожиданиями позитивных результатов, которые могут в дальнейшем помочь в профессиональном, интеллектуальном, творче-

---

¹ Сануков К.Н. Финно-угорские народы России в условиях глобализации // Финно-угроведение. 2011. № 1. С. 10.

ском росте их детей. Тем не менее, заметных изменений в этноязыковой ситуации не происходит.

В настоящее время в Самарской области мордовский язык и литература преподаются как предмет и факультативно в Шенталинском, Похвистневском, Исаклинском районах. По данным Самарского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования в Самарской области в 2010–2011 учебном году функционировало 26 таких школ¹. (Приложение 6) В 2013 г. эрзянский язык сохранился в образовательном пространстве только в 9 школах, где обучается 333 ученика, тогда как чувашский и татарский языки преподаются в различных формах в двух десятках школ². Для сравнения следует отметить, что в Ульяновской области, где численность мордовского населения составляет 39 тыс. человек (5,2 %), родной язык в качестве предмета ведется в 78 школах области, существует областной образовательный центр³.

В настоящее время большое внимание национальному образованию уделяется в Старошенталинской школе. Здесь проходят ежегодные областные олимпиады по эрзянскому языку и литературе под руководством Г. Ю. Логиновой, которая вносит большой вклад в воспитание детей в духе сохранения национальных традиций⁴. В 2013 г. на базе этой школы проходила 15 по счету межрегиональная олимпиада⁵. Лингвистическая компетенция детей в рамках стен общеобразовательных учреждений во многом зависит от активистов, энтузиастов своего дела, национальной элиты. Много сил и энергии отдали делу преподавания родного языка и литературы Т. И. Волкова, В. В. Белова, Н. В. Трофимова, П. Г. Ярезова, А. Я. Герасимова. Благодаря

¹ Данные Самарского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования за 2010–2011 учебный год.

² Первушкина Е.Г. Сохранение и развитие мордовских (мокшанского и эрзянского) языков в Самарской области // Валдо Ойме. 2013. № 1. С. 2.

³ Денисова Н.Г. Роль национально-культурных автономий в сохранении истории и культуры мордвы (на примере Ульяновской области) // Российский научный журнал. 2012. № 5. С. 41.

⁴ ПМА Шенталинский район. (Приложение 7).

⁵ Логинова К. XV межрегиональная олимпиада школьников // Валдо Ойме. 2013. № 2. С. 3.

многолетнему труду Т. И. Волковой в 2002 г. в с. Степная Шентала был открыт историко-этнографический музей им. М. И. Чувашова, который стал центром сохранения и развития мордовской культуры Шенталинского района.

Определенную роль в формировании этнокультурной идентичности в сфере образования вносит Республика Мордовия, между которыми был подписан ряд Соглашений о сотрудничестве учреждений образования¹. В частности, на базе Мордовский Республиканского института образования проходят курсы повышения квалификации самарские учителя, которые преподают мордовские языки, историю и культуру мордвы. Преподаватели мордовских вузов выезжают в школы Самарской области для чтения лекций и презентации научно-методической литературы по этнокультурному образованию.

Но в целом по области, преподавание мордовских языков, истории и культуры стоит на невысоком уровне и представляет собой только факультативное изучение лишь в отдельных общеобразовательных учреждениях. В ряде школ наблюдается тенденция замены родного языка иностранным. В дошкольных учреждениях Самарской области весь воспитательный и образовательный процесс построен на государственном языке, что сужает круг применения национального языка. Функционированию родного языка в определенной степени мешает и распространение национального нигилизма среди представителей молодого поколения, пренебрежительное отношение к своему языку и со стороны взрослого населения, что, несомненно, влияет на этническое образование в области. Среди причин такого отношения информаторы указывали не востребованность родного языка для получения образования, профессии, работы в государственной и производственной сфере. Эти проблемы вызывают беспокойство у национальной интеллигенция области. Вопросы о преподавании родных языков не раз ставилась националь-

---

¹ Любимая Русь и Мордва: книга-альбом / под ред. А.С. Лузгина и др. Саранск, 2009. С. 179.

ми общественными организациями, обсуждались на региональных конференциях, в средствах массовой информации¹.

Таким образом, процессы аккультурации и языковой ассимиляции среди самарской мордвы приобрели значительные масштабы, являющиеся прямой угрозой лингвистической и этнокультурной компетентности. Это в свою очередь сказывается на уровне этнической идентичности и самосознания. В числе важнейших причин можно выделить урбанизационные процессы, увеличение численности межнациональных браков, отсутствие национальных школ, недостаточное обеспечение обучения на родном языке. Стремление к этническому возрождению охватывает лишь небольшую прослойку интеллигенции, активистов национально-общественных движений, части сельского населения. В то время как городское – втянуто в процесс ассимиляции и ориентировано на ценности общероссийского масштаба.

4.2. Роль общественных организаций, национальной печати в возрождении и сохранении этнической культуры мордвы

90-е гг. XX столетия характеризуются ростом национального самосознания, возрождением этнической культуры и традиций народов России. Эти процессы затронули и самарскую мордву. На смену затухания этничности приходит рост национального самосознания, связанный с попыткой сохранить этническое лицо. Все это выразилось в создании национально-культурных организаций, которые представляют собой общественное объединение граждан, относящих себя к определенным этническим общностям, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры². Одной из главных является Самарская региональная общественная организация «Мордовский национально-культурный центр

---

¹ Первушкина Е.Г. Указ. соч. С. 2.

² Этнические общественные объединения Самарской области. Самара, 2008. С. 8.

«Масторава» («Земля-мать»). У истоков ее становления стояли представители мордовской интеллигенции А. И. Инчин, М. М. Богачева, Т. И. Волкова, Ч. Г. Журавлев, В. А. Кавтаськин, П. К. Кулагин, В. Т. Канайкин, С. Д. Николаев. Основными целями являются: удовлетворение культурных запросов лиц мокшанской и эрзянской национальностей, развитие национальной культуры, проведение образовательно-просветительской работы с молодежью, установление контактов с Мордовией¹. Центр имеет свои филиалы в районах компактного проживания мордвы: Иса克林ский, Похвистневский, Челно-Вершинский, Шенталинский, Кошкинский, Клявлинский, Красноярский, Сергиевский.

Одним из действенных средств возрождения этнической специфики и национального сознания является опора на культурные традиции, которые рассматриваются как системообразующий элемент функционирования социума. С этой целью широкое развитие получает организация и проведение фольклорных праздников. Благодаря деятельности «Масторавы» многие из них приобрели областной уровень. Традиционным стало проведение фольклорного эрзянско-мокшанского фестиваля, Дней финно-угорских народов, участие в Международной этнокультурной экспедиции «Волга – река мира. Диалог культур волжских народов», областного межнационального праздника «Венок дружбы»². Одним из значимых мероприятий стало проведение ежегодных фестивалей мордовской культуры в городах и районах области. Первый фестиваль состоялся в 1999 г. в с. Старая Шентала Шенталинского района, посвященный 90-летию со дня рождения этнографа и фольклориста М. И. Чувашова³.

Важным направлением деятельности центра является работа с молодежью, которая носит систематический характер. По его инициативе традиционными стали проведение Дней мордовского языка и культуры в школах Похвистневского, Иса克林ского и других районов. С 2002 г. стали проводит-

---

¹ Этнические общественные объединения Самарской области. Самара, 2008. С. 29.

² Там же. С. 29.

³ Мордва Самарской области... 2010. С. 18–19.

ся областные детские фестивали «Од вий» («Молодая сила»). В их программу входит презентация народных танцев, песен, фольклора, обычаев и обрядов. Готовясь к фестивалю, учащиеся под руководством учителей занимаются поисковой и исследовательской работой по изучению истории и культуры мордовского народа, пишут сочинения на мордовском языке. Активное участие принимают дети из сс. Багана, Старая Шентала, Новые и Старые Сосны, Большая Ёга, Красные Ключи, Сиделькино и др. Широкой популярностью пользуются детские фольклорные ансамбли «Вишка лейне» из с. Старое Вечканово Исаклинского района, получивший звание «народный»¹, «Пейделька» с. Большая Ёга Похвистневского района, «Килейне» – Шенталинского района, «Цековне» – с. Сиделькино Челно-Вершинского района. Особенностью участников ансамблей является сбор фольклорного материала у представителей старшего поколения. Они учатся у них практике исполнения мордовских песен, что способствует установлению связей между поколениями. Значимость фольклорных коллективов заключается также в том, что они не только собирают песни, обряды, обычаи, но и учатся им и передают дальше, сохраняя живую традицию.

С точки зрения преемственности поколений интересна деятельность мордовского фольклорного коллектива «Масторава», в состав которого входят молодежь и дети. Сегодня это один из самых известных коллективов не только в области, но и в Поволжском регионе, непременный участник фестивалей и праздников. Они проводят творческие встречи, выступают с концертами, выезжают за пределы области. Одним из наиболее ярких и праздничных событий в истории мордовской диаспоры стал показ музыкального спектакля на эрзянском языке «Велень койть» («Сельские обычаи»). Он проходил

---

¹ Тюганкова Е.В. Деятельность национальных общественных организаций Самарской области по возрождению и сохранению этнической культуры мордовской диаспоры // Казанская наука. 2012. № 7. С. 39.

в Самарском центре искусств в 2012 г.¹ и вызвал широкий резонанс у общественности, творческой интеллигентности.

В настоящее время национально-культурный центр «Масторава» возглавляет Л. А. Колесникова. За большой вклад в дело сохранения и развития мордовской национальной культуры на территории Самарской области она награждена Почётной грамотой Губернатора этого региона. В 2009 г. Л. А. Колесниковой было присвоено Почетное звание «Заслуженный работник культуры Республики Мордовия».

«Автономная некоммерческая организация «Мордовский культурный центр г. Тольятти» был образован в 1989 г. Его целями являются сохранение и развитие мордовской культуры, удовлетворение этнических запросов мокшан и эрзян. В связи с этим им систематически проводятся выставки прикладного творчества, встречи различного уровня. В городских печатных изданиях, таких, как «Городские Ведомости», «Площадь Свободы» публикуются материалы об истории и традициях мордовского народа². При центре в 1999 г. были созданы фольклорный коллектив «Лайме», а также в сс. Верхнее Санчелеево, Лопатино, Верхний Сускан Ставропольского района. В 2007 г. общественной организацией был проведен первый областной праздник, посвященный культуре, образованию, народному костюму, промыслам и ремеслам финно-угров (День финно-угорских народов Самарской области) при поддержке Самарской региональной общественной организации «Мордовский национально-культурный центр «Масторава», Государственного казенного учреждения Самарской области «Дом дружбы народов». Он открылся выставкой «Раськень кудо» («Народный дом»), где гости могли познакомиться с предметами быта и декоративно-прикладного творчества, национальной литературой, кухней финно-угорских народов³. В 2008 г. ими же

---

¹ Алексеева В. Сто лет спустя... // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 2012. № 2. С. 42.

² Кутырева Н.П. Автономная некоммерческая организация Мордовский культурный центр г. Тольятти // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 2007. № 4. С. 23.

³ Там же. С. 24.

был проведен X областной фестиваль мордовской культуры, в котором приняли участие 20 коллективов и исполнителей из 10 районов и городов Самарской области, Республики Мордовия, представителей четырех областей и республик Приволжского Федерального округа, областного правительства, Самарской Губернской думы, мэрии г. Тольятти, национально-культурных центров города и области, а также более двух тысяч зрителей¹.

Относительно молодой является Самарская городская эрзянская общественная организация «Лисьмапря» («Родник»), которая была создана в 2005 г. Функционирующий при ней фольклорный ансамбль «Килейле» («Березка»), является одним из активных участников различного уровня мероприятий, праздников². Самым массовым праздником, проводимом этой организацией, является «Од толонь чи», куда приезжает мордва из многих окрестных сел. Именно он стал мероприятием дружбы, землячества, памяти предков.

В 2012 г. была создана общественная организация «Региональная мордовская национально-культурная автономия» Самарской области, учредителями которой выступили «Местная мордовская национально-культурная автономия» г. Самары, «Местная мордовская национально-культурная автономия» г. Жигулевска, «Местная мордовская национально-культурная автономия» г. Сызрани³.

В соответствии с постановлением Губернатора Самарской области от 12.09.2001 г. № 324 в сфере реализации государственной национальной политики было создано государственное казенное учреждение «Дом дружбы народов»⁴. Основными проблемами, которыми оно занимается, являются:

– создание благоприятных условий для этнокультурного существования народов области;

---

¹ Кутырева Н.П. Автономная некоммерческая организация Мордовский культурный центр г. Тольятти // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 2007. № 4. С. 24.

² Этнические общественные объединения Самарской области. С. 30.

³ Национально-культурные общественные объединения Самарской области. Самара, 2012. С. 17.

⁴ Этнические общественные объединения Самарской области. С. 10.

- формирование этнокультурной толерантности в обществе;
- создание благоприятных условий для социокультурной адаптации мигрантов и т. п.

Ежегодно им проводятся около 120 мероприятий с количеством участников в 50 тыс. человек¹.

Одним из массовых праздников явились Дни Республики Мордовия, проведенные в рамках подготовки к празднованию 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства. Гости из Мордовии посетили некоторые районы области, с компактным проживанием этноса, где прошли круглые столы, выставки народных умельцев, презентации литературы на национальном языке, концерты фольклорных коллективов².

В 1996 г. Республика Мордовия и Самарская область подписали Соглашение о взаимоотношениях издателей и потребителей национальной книги, по которому по различным заведениям области должна быть распространена общественная литература. В связи с этим проводятся книжные ярмарки, выставки, дни культуры, встречи с писателями, развитие прямых связей между издательствами³.

Самарская область тесно сотрудничает с Государственным комитетом Республики Мордовия по национальной политике, Поволжским центром культур финно-угорских народов.

Большую роль в пропаганде, возрождении языка, культуры, истории, традиций народа играет национальная печать. Именно в г. Самаре в январе 1929 г. вышел первый номер эрзянского журнала «Сятко» («Искра»). С 1930 г. он является литературно-художественным и общественно-политическим журналом Республики Мордовия.

Самой популярной мордовской газетой стала «Валдо Ойме», которая издается при поддержке Мордовского национально-культурного центра «Масторава». Она является трибуной, отражающей жизнь, проблемы, нужды

---

¹ Этнические общественные объединения Самарской области. С. 13.

² Мордва Самарской области... 2012. С. 20.

³ Любимая Русь и Мордва. С. 179.

мордовской диаспоры. На страницах газеты освещаются общественно значимые для этноса проблемы, пропагандируются народные традиции, праздники¹. Особое место в публикациях занимают люди, которые делают историю, берегут и делают богаче национальную жизнь. Сохранение национального языка и культуры, защита культурно-языковых прав личности и народа, комфортное внутреннее состояние этноса, неповторимость духовного богатства, уважение к другим народам – основа публикаций газеты «Валдо Ойме». Ее материалы широко используются на уроках по истории и культуре мордовского народа, высоко оцениваются не только активистами национально-культурного движения, но и мордовским населением Самарского региона как средство повышения уровня самосознания, уважения к собственной национальной принадлежности. В мордовских школах по материалам «Валдо Ойме» ведутся факультативные занятия. Одним из направлений газеты стала организация и проведение встреч с мордовским населением различных районов Самарского региона, конкурсов, конференций.

Важную роль в деле возрождения национальной культуры, в патриотическом воспитании играют районные газеты, в которых организована рубрика «История мордовских сел».

Этнокультурное развитие народов Самарского края, в том числе мордвы, освещается на страницах информационно-аналитического вестника «Самарская область. Этнос и культура». В течение 16 лет издание осуществляется в рамках реализации областных целевых программ: «Возрождение», «Разные, но не чужие – мир через культуру», План национально-культурного развития народов Самарской области и др.² Он содержит репортажи с фестивалей и праздников, познавательные статьи о сохранении культуры, традиций, обычаев, историй сел, районов, видных представителей национальной интеллигенции. В каждом номере выходит рубрика «Народы Самарской области». Их авторами выступают видные историки, этнографы не только области, но и

---

¹ Этнические средства массовой информации Самарской области. Самара, 2012. С. 18.

² Там же. С. 34.

других регионов. Например, в № 1 за 2005 г. опубликованы статьи «Мордва», «СРОО «Мордовский национально-культурный центр «Масторава», «Числав Журавлев», «Всероссийский эрзянский праздник «Разскень озкс», «VI областной фольклорный фестиваль эрзя-мокшанской культуры»¹.

С 1992 по 2002 гг. дважды в неделю выходила в эфир радиопередача на эрзянском языке «Седейшкавань кортнемат» («Поговорим по душам») на многонациональной радиостанции «Радио-7 из Самары», а также на областном радио. В настоящее время на ГТРК «Самара» ведется передача на эрзянском языке «Эрзянь кель» («Эрзянский язык»). Ведущая радиопередачи – сотрудник ГКУ СО «Дом дружбы народов» В. Алексеева. Родная речь, песни на эрзянском языке не оставляют равнодушными слушателей, в адрес ведущей всегда приходят теплые слова благодарности².

Таким образом, национально-культурным объединениям, национальной печати, радио принадлежит огромная роль в возрождении и сохранении этнической культуры, формировании этнической идентичности. Через организацию и проведение праздников, фестивалей, народных ярмарок, олимпиад по родному языку среди школьников, они осуществляют преемственность поколений, прививают любовь к своей культуре, языку, традициям, родному краю. С целью реставрации народных промыслов проводятся различные ярмарки, выставки. Такая работа, хотя и медленно, дает свои результаты. Свидетельством того является наличие филиалов «Масторавы» во всех крупных мордовских селах, создание фольклорных коллективов, в том числе и детских, организации краеведческих музеев и уголков в рамках общеобразовательных учреждений, активное участие мордовского населения в проводимых мероприятиях.

Подводя итог в целом по всей главе, следует отметить, что для самарской мордвы, как и для мордвы в целом, на современном этапе характерны

---

¹ Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 2005. № 1.

² Мордва Самарской области... 2012. С. 18.

этноэволюционные процессы, обусловленные социально-экономическим развитием этнических общностей, их контактами с другими народами и приведшие к изменению элементов культуры и быта. Поликультурная и полиэтничная среда Самарского края оказала существенное влияние на ее демографические параметры, выразившиеся в изменении качественных и количественных показателей. На уменьшение ее численности сказались дисперсность расселения, проживание в национально-смешанных селениях, урбанизация, увеличение межэтнических браков, свертывание этнокультурного образования. Современные этнические процессы характеризуются значительным усилением ассимиляционных процессов. В результате этого выросло несколько поколений, оторванных от родных языков, культуры.

В конце XX столетия на волне этнического ренессанса в Самарской области начинают создаваться национальные движения и организации по культурному возрождению мордвы. Их деятельность направлена на сохранении национальных традиций, памяти предков, истории и культуры народа. Под их руководством стало традицией организация и проведение фольклорных праздников, праздников села, района и т. п. Фольклорные коллективы сохраняют, транслируют и развивают народные традиции. Их участники изучают родной язык и культуру, бережно собирают народные песни, обычаи, обряды, активно используют эти знания в своей деятельности. В условиях современной городской культуры фольклорные ансамбли служат напоминанием о родной культуре, предках, корнях, своем родном крае. Активная деятельность ансамблей повышает ценность своей культуры в глазах других этносов, стимулирует интерес к традициям своего народа. Учитывая, что основная масса мордвы проживает в городских условиях, посещение ими концертов, ярмарок, праздников актуализирует невостребованное в повседневной жизни знание языка, культуры, тем самым способствуя его сохранению. В тоже время увлечение организацией массовых мероприятий празднично-фестивального содержания не должны заслонять систематическую работу по решению лингвистической и этнокультурной компетентности мордовской диаспоры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самарский край в силу сложившихся географических, исторических, социально-экономических обстоятельств занимает особое геополитическое положение. Регион издревле был связывающим звеном между Европейской Россией и Средней Азией, Казахстаном, Оренбуржьем, Уралом. Это обстоятельство предопределило развитие края, пеструю палитру экономических, этнокультурных отношений. Богатые природные условия, наличие свободных земель, пригодных для развития земледелия, скотоводства, занятия охотой, бортничеством, рыболовством привлекли сюда людей различных культур, традиций и рас. Мигрантов привлекали также сравнительно более благоприятные условия, относительная свобода распоряжения земельными угодьями. Переселенческое движение сыграло роль мощного фактора экономического и социального развития края. В XIX в. он становится одним из самых хлебородных районов России, а г. Самара – крупнейшим городом на Волге, имеющим высокий экономический и культурный статус. Многовековые колонизационно-миграционные процессы, в которых участвовали различные народы, сформировали этническую картину региона, а также обусловили дисперсность расселения этносов, наличие множества контактных зон, в которых происходило активное взаимодействие и взаимовлияние. Располагаясь на территориальной периферии этноса и оказываясь в отличных природно-географических и социально-экономических условиях, народы вынуждены были взаимно приспособиться друг к другу. Необходимость общения в пределах селения или округа порождала потребность в знании других языков, а в сфере хозяйствования – внедрение заимствованных приемов, средств, форм, нового земледельческого опыта. Важной чертой взаимной социально-культурной адаптации жителей этнически смешанных селений было то обстоятельство, что она не носила целенаправленного характера. Освоение языков друг друга обычно происходило в бытовых контактах. Здесь наблю-

далось смешение этнокультурных традиций, активное межкультурное взаимодействие. И как следствие этого более быстрая аккультурация этносов.

На протяжении столетий менялась и перекраивалась территория Самарского края, шли приливы и отливы мигрантов, но в целом ее этническая структура не претерпевала резких изменений до конца XX в. В конце XX – начале XXI в. этническая картина края стала изменяться и расширяться за счет мигрантов Средней Азии, Казахстана и Кавказа.

В течение нескольких столетий в освоении края активное участие принимали мордовские переселенцы. Появившись здесь в эпоху Золотой Орды, а в XVI в. в качестве пользователей ухажаями, они на протяжении всего следующего столетия не только расширили сферу промысловых угодий, но и прочно осели в крае, вступая для этого в борьбу с более ранними насельниками в виде башкир и конкурирующими в захвате края группами населения: русскими помещиками и инородцами. Основная масса миграций происходила в несколько этапов: вторая половина XVII – начало XVIII вв. и вторая четверть XVIII – начало XIX в. (заселялись северные районы Самарской губернии); вторая половина XIX – начало XX вв. (южные). Характерной чертой миграций раннего периода является то, что переселенцы оседали в сельской местности, тогда как в конце XIX в. – заселяли уже города.

К концу XIX в. мордва компактно стала проживать в Бугурусланском, Бузулукском, Шенталинском, Новоузенском, Самарском уездах.

Процесс освоения края мордвой проходил в форме вольной, крестьянской и в тесной связи с правительственной колонизацией.

В результате адаптации к новой экологической среде и новому этническому окружению, мордовские переселенцы сохранили как традиционные виды хозяйства, так и восприняли новые хозяйственные и культурные формы, повлиявшие на систему жизнедеятельности.

В середине XIX в. одними из основных видов деятельности были земледелие и скотоводство в сочетании с домашними промыслами. Если в XVIII в. земледелие имело экстенсивный характер, то в XIX в., в связи с

естественным приростом населения, притоком мигрантов из различных губерний России, вызывающее ухудшение обеспеченности земель, оно приобретает интенсивный характер. Изобилие земли и плодородие почв делали хлебопашество выгодным делом. Через продукцию земледелия и скотоводства самарская мордва была втянута с товарно-денежные отношения. Следует отметить, что в данной местности широко применялось огородничество, и под влиянием природно-климатических условий в нем наметились определенные изменения в ряде культур. Так, в южных районах распространение получает выращивание арбузов, дыни, что не наблюдалось в коренном регионе проживания мордвы.

Из традиционных промыслов в середине XIX столетия сохраняется рыболовство. В ряде сел оно приобретает товарный характер, о чем свидетельствует создание артелей по ловле рыбы. Охота и бортничество перестали играть значимую роль в хозяйстве мордвы, лишь в отдельных селениях этим занимаются любители. Среди самарской мордвы отходничество не получило широкого распространения, так как она имела возможность заниматься промыслами либо у себя дома, либо нанявшись на уборку урожая или извоз хлеба на рынки и пристани, тогда как на территории коренного проживания оно было очень развито. Новые природно-климатические условия, тесные контакты с представителями других этносов способствовали распространению более высокой культуры земледелия, более усовершенствованных орудий труда, передовых по тем временам агротехнических приемов.

Значительные изменения в сельской местности стали происходить в первой четверти XX в. Процесс включения деревни в зону политического, экономического, культурного влияния города (государства) приходится на 30–50-е гг. Основными факторами становятся коллективизация и создание совхозов, сопровождающиеся изменением технологической основы сельскохозяйственного производства. Традиционное крестьянское хозяйство теряет свой статус и становится составной частью колхозно-совхозной системы, его

размеры строго регламентируются, а налоговые и административные ограничения препятствуют развитию товарной направленности.

Все виды сельскохозяйственных работ, разведение домашних животных обязательно сопровождалось определенными обрядами, молениями, при помощи которых старались обеспечить хороший урожай, сохранить здоровье животным, развести их потомство и т. п.

Самарская мордва, переселяясь на новые места, сохраняла традиционную систему выбора поселенческо-жилищной среды, которая диктовалась не только утилитарно-экономическими соображениями, но и религиозными представлениями. Главным фактором при избирании места поселения являлось наличие плодородной земли, водных ресурсов, леса, гор и т. п., в отличие от русских, например, которые всегда выбирали открытые места, рядом с пашнями. Мифорелигиозные представления регулировали также выбор места, материалов и времени для постройки дома, что нашло отражение в элементах его планировки и внутреннего убранства. Нововведения появлялись как результат приспособления к масштабным условиям и как следствие этнокультурного влияния соседних народов. Внешняя и внутренняя обстановка жилища почти ничем не отличалась от русских. Однако у самарской мордвы существовали свои особенности: вместо русских полатей был настил в объеме кровати в полроста, количество окон было больше. Природно-климатические, культурно-бытовые условия в сочетании с многочисленными обычаями и обрядами создавали комфортную среду.

Существенные изменения в организации поселенческо-жилой среды у самарской мордвы, как в целом по стране, произошли во второй половине XX столетия в связи с политикой экономической оптимизации сельскохозяйственного производства и социокультурной интеграции повседневного быта сельского населения. В результате этого многие мелкие селения были ликвидированы, а их жители переселялись в крупные населенные пункты. Происходили кардинальные изменения в инфраструктуре поселений, в интерьере традиционных жилищ. С укреплением материальной базы сельского строитель-

ства, стали вводиться типовые дома и постройки. На центральных усадьбах колхозов и совхозов строились многоквартирные дома из кирпича. Очередные изменения в пространственно-жилой среде произошли на рубеже XX–XXI вв. в результате экономического реформирования и новой рыночной экономики. Во многих мордовских селах, как и в целом по России на грани развала оказалась социальная инфраструктура села. Деформация производственного потенциала, разрушение хозяйственных, социальных, идеологических основ развития вынудила сельское население искать новые опоры жизнедеятельности, чтобы обеспечить себе выживание. Итогом этих деформаций стала миграция сельского населения в города, опустение сел и деревень.

Самарская мордва вплоть до конца XIX в. сохраняла традиционные черты культуры питания, выработанные в течение столетий. Они проявлялись в наборе и технологии приготовления пищи, в этикете питания. В то же время иноэтничная среда оказала определенное влияние на рацион питания мордвы. В частности, от чувашей были заимствованы разные виды выпечки, от русских – рассольник, тонкие блинчики с различной начинкой, квас, который готовила своим способом, от украинцев – борщ, вареники, баклажанную икру и т. п. Пищевой рацион пополнился новыми продуктами и блюдами. Основу повседневных и обрядовых блюд составляли крупы, хлеб, изделия, выпеченные из теста. Нужно отметить, что для самарской мордвы было характерно наличие продуктов, не характерных для мордвы, проживающей на коренной территории (например, сыр – крут, бахчевые культуры).

В советский период пища самарской мордвы существенно изменилась и обогатилась, что было обусловлено расширением структуры полевых, огородных и садовых культур, развитием сети предприятий торговли и общественного питания, тесной связью города и села, урбанизацией образа жизни сельчан и др. В настоящее время пища мордвы фактически не отличается от пищи других народов, что обусловлено развитием сети предприятий торговли и общественного питания, тесной связью города и села, урбанизацией образа жизни сельчан и др. Определенная этническая специ-

фика сохраняется лишь в приготовлении праздничных блюд и напитков во время проведения фольклорных праздников, фестивалей, праздников села.

Традиционная одежда самарской мордвы является одним из устойчивых элементов материальной культуры. Она сохраняла традиционные способы изготовления и ношения национального костюма, который имел два направления: мокши и эрзи. Наиболее полно он проявлялся в комплексе праздничной одежды, что связано с бытованием народных праздников и обрядов. В то же время происходило заимствование отдельных элементов от русского и чувашского костюмов, которые нашли отражение в покрое и оформлении элементов мужского и женского костюмов. Под влиянием русской культуры в одежде распространилась вышивка крестом, складывалась ее цветовая гамма. Тем не менее, необходимо отметить большую устойчивость типов и сохранение традиций в национальном костюме мордвы по сравнению с другими народами Самарской губернии.

Кардинальные перемены конца XIX – начала XX столетия, развитие товарно-денежных отношений, урбанизация, общественно-политические трансформации первых революционных лет отразились на традиционной одежде самарской мордвы. Многие ее элементы вышли из употребления. Фабричные ткани постепенно вытесняют дмотканые материи, являющиеся основным материалом для производства одежды. Наименее подверженной трансформации оказалась женская одежда, тем не менее, уже к началу 50-х гг. XX в. она стала выходить из употребления. Активное культурное влияние города наиболее проявлялось в районных центрах и селах, расположенных близко к городу. Переход к городской одежде в определенной мере сглаживал различия во внешнем облике, проживающих в крае этносов. В повседневном костюме происходило сближение отдельных элементов одежды и обуви, которые приобретали интернациональный характер. Одними из первых на городскую одежду стала переходить молодежь, которая постепенно утверждала в сельской среде моду на все советское. Этому способствовало усиление миграционной активности молодого поколения. Упрощение тради-

ционной одежды привело к стиранию национальных различий, повседневной и праздничной одежды, головных уборов и обуви. В настоящее время традиционный мордовский костюм утратил свою национальную специфику и повсеместно заменен «городским» типом одежды. Лишь в отдельных семьях старшее поколение сохраняет отдельные элементы национального костюма как память о своих предках.

Существенным элементом системы жизнеобеспечения является повседневная культура, которая определялась общинными и семейными традициями, хозяйственной деятельностью. Вплоть до начала XX столетия наряду с малыми (нуклеарными) семьями, в ряде уездов, где ведение земледелия требовало больших коллективных усилий, функционировали составные (большие) семьи, состоящие из нескольких поколений. Мордва в Самарский край переселялась малыми семьями, позднее на их базе создавались большие. Это было характерно и для других народов края, в частности русских. Повседневная культура мордвы была продиктована патриархально-семейным укладом, подчинении старшим. Для большой семьи было характерно устойчивое половозрастное разделение труда. Распорядок дня зависел от распределения сельскохозяйственных работ, которые определяли и характер занятий, и нагрузку каждого члена семьи. У самарской мордвы, как и у мордвы в целом, существовали свои нормы и правила поведения в семье и обществе, которые усваивались каждым поколением с детства. С развитием товарно-денежных отношений, ростом крестьянского индивидуализма происходят существенные изменения в формах семьи и организации семейного быта. Патриархальная семья уступает место семье малой (нуклеарной). Весь строй семейных взаимоотношений в них был значительно проще и свободнее. Женщина становилась более самостоятельной.

Составной частью повседневной культуры являлись обычаи взаимопомощи, которые сохранялись до второй половины XX в. Различные помочи были характерны и для всей мордвы в целом.

В повседневной культуре огромная роль принадлежала религиозному фактору. К концу XIX столетия основная масса мордвы идентифицировала себя с православием, которое определяло менталитет, внутрисемейные отношения и т. д. Об утверждении православной культуры в мировоззрении мордвы свидетельствует особая категория молодых девушек – «черничек», не вступивших в брак по обету родителей или своему собственному. Они были распространены по всей Самарской губернии, тогда как на территории коренного региона проживания мордвы их не было зафиксировано. Кроме приверженцев официального православия среди мордвы получили распространение старообрядчество (староверы), вероучения молокан и хлыстов – последователей Христовой веры.

Существенные изменения в повседневной культуре мордвы происходят в годы советской власти. В условиях становления колхозно-совхозной системы обязательным становится участие всех трудоспособных членов семьи в общественном производстве, которое определяет не только трудовую сторону жизни, но и дополняет традиционную систему ценностей новыми доминантами. Новая система распределения обязанностей изменила традиционный уклад жизни. Внутри семьи шла ломка патриархальных взаимоотношений, постепенно изживалось повиновение старшим и господство мужчины. Но, тем не менее, вплоть до середины XX в. были характерны отдельные признаки авторитарности и патриархальности, зависимость младших от старших, а также четкая возрастная и половозрастная дифференциация, что позволяло самарской мордве активно адаптироваться к новой среде.

Одним из важнейших элементов духовной культуры мордвы являются народные праздники и связанные с ними обычаи и обряды. В своей основе они имели аграрно-продуцирующее значение. Крестьяне-земледельцы, пользуясь всевозможными обрядовыми действиями, полагались на рациональный опыт аграрной практики предшествующих поколений, одновременно пытались воздействовать на окружающую природу и добиваться ее милости в хозяйственных делах. С утверждением христианства народные праздники и об-

ряды приурочивались к православному календарю. Большое значение имели престольные праздники, которые служили важным средством приобщения к православной культуре и ее ценностям. Особенностью мордовских праздников являлось участие в них представителей других этносов: чувашей, русских, татар, что способствовало культурному диалогу, взаимовлиянию и взаимообогащению обычаев и традиций. Данная традиция во многих мордовских селах сохраняется и поныне.

Во второй половине XX в. происходят изменения в праздниках и обрядах, что с неизбежностью привело к общероссийской культуре. Были утрачены многие этнические черты, исчезли целые комплексы этнокультуры. Однако отдельные элементы народных праздников, игр, забав не исчезли с поверхности и продолжали оказывать влияние на мировоззрение мордвы, празднично-обрядовую культуру. Они органично вошли в практику проведения праздников села, проводов зимы и т. п.

На рубеже XX–XXI вв. Самарская область, как и вся страна в целом, вступила в полосу сложных и противоречивых этнических процессов, приводящих к изменению этнических общностей. Среди современных этнических процессов, характерных для самарской мордвы, выделяются этноэволюционные, обусловленные социально-экономическим развитием этнических общностей, их контактами с другими народами, и приведшие к изменению элементов культуры и быта. Поликультурная и полиэтничная среда Самарского края оказала существенное влияние на демографические параметры мордвы. Ассимиляция мордвы стала проявляться уже в середине XIX в. Уменьшение ее численности вызвано целым комплексом причин: дисперсностью расселения, проживанием в национально-смешанных селениях, урбанизацией, межэтническими браками, свертыванием преподавания родных языков. Современные этнические процессы характеризуются значительным усилением ассимиляции, что сказывается на количественных и качественных показателях мордовского этноса. О масштабах этих процессов свидетельствует неуклонное сокращение численности мордовского населения.

В конце XX столетия на волне этнического ренессанса в Самарской области начинают создаваться национальные движения и организации по культурному возрождению мордвы. Их деятельность направлена на возрождение национальных традиций, памяти предков, истории и культуры народа. С этой целью они способствуют открытию дошкольных и школьных образовательных учреждений, введению преподавания родных языков, истории и культуры мордовского народа, обеспечению учебно-методической литературой. Под их руководством стала традицией организация и проведение фольклорных праздников, праздников села, района и т. п. Большую роль в пропаганде, возрождении языка, культуры, истории, традиций народа играет национальная печать, радиопередачи. В условиях современной городской культуры фольклорные ансамбли служат напоминанием о родной культуре, предках, корнях, своем родном крае. Активная деятельность ансамблей повышает ценность своей культуры в глазах других этносов, стимулирует интерес к традициям своего народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивные материалы

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

1. Ф. 1355. Экономические примечания к планам Генерального межевания. Уфимская губерния, Бугурусланский уезд, 1876 г. Оп. 1 Д. 45; Д. 1874.
2. Ф. 350. Ландрат книги и ревизские сказки (1710–1765). Оп. 1. Д. 157; Оп. 2. Ч. 1. Д. 1105; Оп. 2. Ч. 2. Д. 3351, 3352; Оп. 3. Ед. х. 11, Д. 3011, Д. 4264, Д. 4265, Ед. х. 5620.
3. Ф. 192. Картографический отдел библиотеки МГАМИД. Оп. 1. Д. 2.
4. Ф. 7. Разряд VII – Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция. Оп. 2. Д. 611.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

5. Ф. 515. Главное управление уделов МИДВ. Оп. 71. Д. 2234, Д. 2299.

Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО)

6. Ф. Р-558. Этнографический состав населения Самарской губернии. Оп. 1. Д. 266.
7. Ф. 6. Самарская губернская землеустроительная комиссия. Оп. 1. Д. 156.
8. Ф. 171. Самарский губернский статистический комитет. Оп. 2. Д. 21, 29.
9. Ф. 335. Воскресенское волостное правление Самарского уезда. Оп. 1. Д. 33, 52, 73, 91, 170.
10. Ф. 338. Студенецкое волостное правление Самарского уезда. Оп. 1. Д. 50, 60, 70, 73.

Рукописный фонд государственного учреждения

«Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (РФ ГУ НИИГН)

11. И–888. Тумайкин, В.П. Земледельческие обряды мордвы. – Саранск, 1976. – С. 14.

14. И–1074. Лузгин, А.С., Беляева, Н.Ф., Разживин, В.Ф. Отчет об этнографической экспедиции за 1983 г. – Саранск, 1983.

2. Опубликованные документы и статистические материалы

15. 150 лет Самарской губернии: цифры и факты. – Самара: Облкомстат, 2000. – 405 с.

16. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Т. 9. – М.: ЦСУ Союза ССР, 1929. – 238 с.

17. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки // Народность и родной язык населения СССР. Вып. IV. – М.: ЦСУ Союза ССР, 1928. – 138 с.

18. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: общие итоги. Сборник документов и материалов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 320 с.

19. Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: антология / М.И. Чувашов, И.А. Касьянов и др. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. – 536 с.

20. Информационно-аналитический материал. Итоги всероссийской переписи населения 2002 года. – Саранск: Госкомстат РМ, 2004. – 12 с.

21. Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. РСФСР. – М.: Госстатиздат, 1963. – 456 с.

22. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Национальный состав населения СССР. Т. IV. – М.: Статистика, 1973. – 647 с.

23. Кеппен, П. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. / П. Кеппен. – СПб., 1857.

24. Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области. Вып. 1. Самарский, Бугурусланский, Бузулукский и Пугачевские округа. – Самара: Издание Средне-Волжской Плановой Комиссии, 1925. – 360 с.

25. Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. – 280 с.

26. Национальный состав населения Республики Мордовия. Информационно-аналитический материал / Комитет гос. статистики РМ. – Саранск, 2004. – С. 7–9.

27. Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Финансы статистика, 1990. – 747 с.

28. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – Ч. XXXVI. Самарская губерния. – Центральный Статистический Комитет Министерства Внутренних дел. – СПб., 1904. – 202 с.

29. Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. – 2005. – № 1. – 44 с.

30. Самарские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1852. – № 10. – С. 130–131.

31. Саратовский этнографический сборник. Вып. I / Составитель М.Т. Маркелов. – Саратов, 1922. – 276 с.

32. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 1. Самарский уезд. – М., 1883; Т. 2. Ставропольский уезд. – М., 1884; Т. 3. Бузулукский уезд. – Самара, 1885; Т. 4. Бугурусланский уезд. – Самара, 1886; Т. 5. Бугульминский уезд. – Самара, 1887; Т. 6. Николаевский уезд. – Самара, 1889; Т. 7. Новоузенский уезд. – Самара, 1890; Т. 8. Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. – Самара, 1892.

33. Списки инородческих селений Казанского учебного округа. – СПб., 1870. – С. 210–213.

34. Списки населенных мест Российской империи. Т. XXXVI. Самарская губерния. – СПб., 1864. – С. 738.

35. Список населенных мест Самарской губернии, составлен в 1900 году секретарем Самарского Губернского Статистического Комитета И. А. Протопоповым. – Самара, 1900. – 520 с.

36. Список населенных пунктов Средне-Волжского края. – Самара, 1931. – 193 с.

37. Устно-поэтическое творчество мордовского народа (УПТМН). Т. 10. Легенды, предания, былички. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983. – 256 с.

38. УПТМН. Календарно-обрядовые песни и заговоры. Т. 7. Ч. 3. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. – 304 с.

39. УПТМН. Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Т. 9. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. – 332 с.

40. Финно-угорские и самодийские народы России: статистический сборник. – Сыктывкар: Территориальный орган Федеральной государственной статистики по Республике Коми, 2006. – 275 с.

3. Интернет-источники

41. Администрация сельского поселения Спиридоновка муниципального района Волжский Самарской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spiridonovka63.ru/istorija_sela/

42. Биография А.Ф. Юртова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zemlyaki.name/person.php?person_id=58

43. Большая советская энциклопедия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rubricon.com>

44. История Среднего Поволжья. Самарская летопись. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://medianet.yartel.ru/povolzje/index.php?option=com_content&view=category&id=22:2010-09-24-13-15-18&layout=blog&Itemid=35

45. Материалы статистического комитета Самарской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.samarastat.ru/digital/region1/DocLib/04_раздел.htm

46. Муниципальное образование Оренбургской области, Абдуллинский район, сс. Большой и Малый Сурмет. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mo-ab.orb.ru/about/etnografiya/?print>

47. Национальный состав, владение языками, гражданство населения Самарской области (по данным Всероссийской переписи населения 2010 го-

да). Экспресс-доклад / Самарастат, 2012. – 13 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.samarastat.ru/bgd_free/p2010/main.htm

48. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года по Самарской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.samarastat.ru/bgd_free/p2010/main.htm.

49. Официальный сайт администрации муниципального района Шенталинский Самарской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.shentala.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=87:2011-03-24-08-55-03&catid=57:2011-10-21-13-38-17&Itemid=90

50. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perepis-2010.ru/news/detail.php?ID=7006>

51. Самарская область: краткая история с. Верхнее Санчелеево – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ponedelnik.info/blogs/istoriyaselasancheleevo>

52. Самарская область: с. Узюково. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chronograph.livejournal.com/91740.html>

53. Словари и энциклопедии на Академике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/russianhistory/>

4. Полевые материалы автора,

собранные в 2010–2011 гг. в Клявлинском, Похвистневском, Шенталинском, Исаклинском районах Самарской области.

5. Литература

54. Айплатов, Г.Н. Монастырская колонизация Марийского Поволжья: по материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда, 1625–1764 гг. / Г.Н. Айплатов, А.Г. Иванов; Министерство образования Российской Федерации. Марийский государственный университет. – Йошкар-Ола, 2000. – 463 с.

55. Алексеева, В. Сто лет спустя... / В. Алексеева // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. – 2012. – № 2. – С. 42–43.
56. Алихова, А.Е. Муранский могильник и селище / А.Е. Алихова // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 259–301.
57. Арутюнов, С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С.А. Арутюнов. – М.: Наука, 1989. – 247 с.
58. Арутюнов, С.А. Проблемы классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания) / С.А. Арутюнов, Ю.И. Мкртумян // СЭ. – 1981. – № 4. – С. 3–15.
59. Архангельский, И. Народные обычаи в селе Кракове Самарского уезда / И. Архангельский // Самарские епархиальные ведомости. – 1875. – № 15. – С. 337–344.
60. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре / А.К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
61. Балашов, В.А. Бытовая культура мордвы: традиции и современность / В.А. Балашов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992. – 256 с.
62. Балашов, В.А. Историография бытовой культуры мордвы / В.А. Балашов // Бытовая культура мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. – С. 3–19.
63. Балашов, В.А. Культура и быт мордовского колхозного села (историко-этнографический очерк по материалам Zubovo-Полянского района Мордовской АССР) / В.А. Балашов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1974. – 168 с.
64. Безгин, В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) / В.Б. Безгин. – М.–Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. – 304 с.
65. Белицер, В.Н. Народная одежда мордвы / В.Н. Белицер. – М.: Наука, 1973. – 216 с.

66. Белореченский, И. Исторический очерк села Лобаз Бузулукского уезда / И. Белореченский // Самарские епархиальные ведомости. – 1874. – № 12. – С. 277–282; № 18. – С. 428; № 19. – С. 427.
67. Беляева, Н.Ф. Дореволюционный быт мордовской крестьянской семьи Заволжья / Н.Ф. Беляева // Бытовая культура мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. – С. 19–34.
68. Беляева, Н.Ф. Народные традиции воспитания детей у мордвы / Н.Ф. Беляева // Мордва: историко-культурные очерки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. – С. 277–297.
69. Беляева, Н.Ф. Роль празднично-обрядовой культуры в формировании этнической идентичности (на примере самарской мордвы) / Н.Ф. Беляева, Е.В. Тюганкова // Российский научный журнал. – 2011. – № 6(25). – С. 62–72.
70. Беляева, Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы / Н.Ф. Беляева; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2000. – 260 с.
71. Беляева, Н.Ф. Традиционные институты социализации детей и подростков у мордвы / Н.Ф. Беляева; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2002. – 102 с.
72. Бойко, И.И. Чувашская Республика: социокультурный портрет / И.И. Бойко, В.Г. Харитоновна, Д.М. Шабунин. – Чебоксары, 2001. – 192 с.
73. Бромлей, Ю.В. Этнические процессы в СССР / Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов // Вестник АН СССР. – 1972. – Т. 42. – № 11. – С. 3–11.
74. Бромлей, Ю.В. Этнографическое изучение этнографических функций культуры / Ю.В. Бромлей // Традиции в современном обществе. Исследование этнокультурных процессов. – М.: Наука, 1990. – С. 5–17.
75. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
76. Вастазь чи // Валдо ойме. – 2013. – № 4. – С. 2.
77. Ведерникова, Т.И. Расселение мордвы в Самарском Заволжье (XVII – середина XIX вв.) / Т.И. Ведерникова // Этнокультурные связи мордвы. Доктябрьский период. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. – С. 38–40.

78. Ведерникова, Т.И. Реализация советской национальной политики в Самарской губернии в 1920-х гг. / Т.И. Ведерникова // Самарский край в истории России: материалы межрег. науч. конф. – Самара. – 2012. – Вып. 4. – С. 194–198.

79. Ведерникова, Т.И. Село Ерзовка Кинель-Черкасского района / Т.И. Ведерникова // Валдо ойме. – 2013. – № 3. – С. 2.

80. Георги, Г.И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей / Г.И. Георги. – СПб., 1776–1777. – 178 с.

81. Гераклитов, А.А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы / А.А. Гераклитов // Журнал Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. – Саратов, 1932. – С. 2–12.

82. Гребнев, М. Мордва Самарской губернии. Историко-этнографический очерк / М. Гребнев // Самарские епархиальные ведомости. – 1886. – №20–24. – С. 479–485; 1887. – № 1. – С. 1–7; № 2. – С. 33–45.

83. Гребнев, М. Село Фролкино или Ерзовка Бугурусланского уезда / М. Гребнев // Самарские епархиальные ведомости. – 1885. – №№ 22–24. – С. 541–543.

84. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации. Учебник для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. – М.: Юнита-Дана, 2003. – 352 с.

85. Данилко, Е.С. Мордва и Беловодье: утопические идеи и догматические споры в старообрядческой среде Урало-Поволжья / Е.С. Данилко // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность: сборник статей. – Самара: ПГСГА, 2013. – С. 108–111.

86. Девяткина, Т.П. Народные приметы мордвы: мокши и эрзи. Учебное пособие / Т.П. Девяткина. – Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 1994. – 121 с.

87. Денисова, Н.Г. Роль национально-культурных автономий в сохранении истории и культуры мордвы (на примере Ульяновской области) / Н.Г. Денисова // Российский научный журнал. – 2012. – № 5. – С. 38–45.
88. Евсевьев, М.Е. Историко-этнографические исследования / М.Е. Евсевьев // Избранные труды. – Т. 5. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. – 552 с.
89. Егорова, О.В. Межэтнические отношения чувашей и татар / О.В. Егорова, П.В. Денисов, К.Н. Сануков, Г.И. Федоров // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 2. – С. 20–26.
90. Жиганов, М.Ф. Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей мордвы XIII–XVI вв. / М.Ф. Жиганов // Из древней и средневековой истории мордовского народа (археологический сборник). – Т. 2. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1959. – С. 138–163.
91. Зеленин, Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов / Д. Зеленин. – М.–Л.: Академия наук СССР, 1937. – 80 с.
91. Змеев, Л.Ф. Методикотопографическое описание и статистический очерк народонаселения Бугульминского уезда Самарской губернии / Л.Ф. Змеев. – М., 1883. – 135 с.
92. Имена. События. Легенды. Энциклопедия Самарской губернии / под ред. И.О. Клубкова. – Самара: Издательский дом «Агни», 2011. – 208 с.
93. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века / под ред. П.С. Кабытова. – М.: Наука, 2000. – 287 с.
94. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918–1998). – М.: Наука, 2000. – 232 с.
95. Козлов, В.И. Миграция мордвы в капиталистической России / В.И. Козлов // Заметки МНИИЯЛИЭ. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1958. – № 19. – С. 173–199.
96. Козлов, В.И. Расселение мордвы (исторический очерк) / В.И. Козлов // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды мордовской

этнографической экспедиции. Вып. I. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – С. 5–62.

97. Корнишина, Г.А. Конфессиональная характеристика мордвы Самарского края в контексте этнической идентичности / Г.А. Корнишина // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия – Балканы – Поволжье: труды Междунар. науч. конф. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2008. – С. 217–224.

98. Корнишина, Г.А. Обрядовая культура в системе функционирования мордовского этноса / Г. А. Корнишина // Гуманитарные науки и образование: научно-методический журнал. – 2011. – № 3 (7). – С. 86–90.

99. Корнишина, Г.А. Общее и особенное в этнокультурных контактах мордвы Мордовской АССР и Куйбышевской области / Г.А. Корнишина // Этнические аспекты культурно-бытовых процессов в Мордовской АССР. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. – С. 105–120.

100. Корнишина, Г.А. Современные хлыстовские общины мордвы: конфессиональная и этническая идентификация / Корнишина Г.А. // *Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. Pars VII. Dissertationes sectionum et symposiorum ad ethnologiam, folkloristicam et mythologiam.* – Piliscsaba, 2011. – С. 78–83.

101. Корнишина, Г.А. Традиционно-обрядовая культура мордвы / Г.А. Корнишина. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – 116 с.

102. Корнишина, Г.А. Традиционные календарные праздники в жизни мордовского сельского населения / Г.А. Корнишина // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 1990. – 426 с.

103. Корнишина, Г.А. Традиционные обычаи и обряды мордвы / Г.А. Корнишина; Мордов. гос. пед ин-т. – Саранск, 2000. – 98 с.

104. Корнишина, Г.А. Традиционные формы коллективного общения мордвы Самарского края / Г.А. Корнишина // Самарская область. Этнос и культура. – 1997. – №1. – С. 5–9.

105. Корнишина, Г.А. Характеристика внутрисемейных отношений традиционной мордовской семьи Самарского Заволжья / Г.А. Корнишина // Многонациональный регион как культурно-исторический феномен: VI Бусыгинские чтения. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: Отечество, 2013. – С. 137–140.

106. Корнишина, Г.А. Этнокультурные контакты мордвы Самарского края в процессе досугового общения (конец XIX – начало XX вв.) / Г.А. Корнишина // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность: материалы и тезисы докладов межрег. науч.-практ. конф. – Самара: Изд-во СГПУ, 2006. – С. 110–114.

107. Красноперов, И. Мордовская община в Бугульминском уезде / И. Красноперов // Северный вестник. – СПб., 1887. – № 1. – С. 60–75.

108. Кудерева, С.Н. Как заселялась Пестравская земля / С.Н. Кудерева // Самарская область. Этнос и культура. – 2007. – № 2. – С. 9.

109. Куйбышевская область. Историко-этнографические очерки. – Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1957. – 495 с.

110. Куйбышевская область. Историко-этнографический очерк. – Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1967. – 644 с.

111. Куйбышевская область. Историко-этнографический очерк. – Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1983. – 351 с.

112. Кутырева, Н.П. Автономная некоммерческая организация Мордовский культурный центр г. Тольятти / Н.П. Кутырева // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. – 2007. – № 4. – С. 23–24.

113. Левкович, В.П. Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения / В.П. Левкович // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М.: Наука, 1976. – С. 36–51.

114. Леопольдов, А. Исторические заметки о Самарском крае / А. Леопольдов // Журнал Министерства внутренних дел. – 1860. – отд. II. – С. 83.

115. Лепехин, И. Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году / И. Лепехин. – СПб.: Тип. при Императорской Академии наук, 1771. – 562 с.

116. Логинова, К. XV межрегиональная олимпиада школьников / К. Логинова // Валдо Ойме. – 2013. – № 2. – С. 3.

117. Лузгин, А.С. Жизнь промыслов. Промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX – начале XX в.: этнокультурные аспекты / А.С. Лузгин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001. – 216 с.

118. Любимая Русь и Мордва: книга-альбом / А.С. Лузгин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2009. – 248 с.

119. Любимов, А.Е. Краткий исторический очерк мордовского народа. Мордовское население Пензенской губернии / А.Е. Любимов. – Пенза, 1927. – С. 19.

120. Мазур, Л.М. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Л.М. Мазур. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. – 472 с.

121. Майнов, В.Н. Один день среди мокши / В.Н. Майнов // Древняя и новая Россия. – 1878. – Т. 3. – № 10. – С. 117–134.

122. Майнов, В.Н. Очерки юридического быта мордвы / В.Н. Майнов. – СПб.: Тип. МВД, 1885. – 267 с.

123. Малиев, Н.М. Общие сведения о мордве Самарской губернии; их антропологический характер; поздние браки и влияние их на крепость и сложение народа. Национальные особенности черепа / Н.М. Малиев // Протоколы заседаний общества естествоиспытателей ими-ом Казанском ун-те. – Т. 9. Отд. оттиск. – Казань, 1876–1877.

124. Маркарян, Э.С. Вопросы системного исследования общества / Э.С. Маркарян. – М.: Знание, 1972.

125. Маркелов, М.Т. Избранные труды / М.Т. Маркелов. Сост.: О.В. Дулкин и др.; Поволж. Центр культур финно-угор. народов. – Саранск, 2009. – 284 с.

126. Матвеев, Г.Б. Материальная и духовная культура мордвы Чувашии в контексте этнокультурного взаимовлияния / Г.Б. Матвеев // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Сборник статей. – Самара: ПГСГА, 2013. – С. 137–141.

127. Матвеев, П. Очерки народного юридического быта Самарской губернии / П. Матвеев // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. 8. – СПб., 1878. – С. 27–28.

128. Матюшенский, А. Состояние инородческих школ Самарской епархии за 1896(7) – 1897(8) уч. г. (по сообщению оо. уездных наблюдателей церковных школ и личным впечатлениям) / А. Матюшенский // Самарские епархиальные ведомости. – 1898. – № 8. – С. 1–10.

129. Мезин, П.М. Архаические черты в обрядовой пище мордвы / П.М. Мезин // Этнокультурные процессы в Мордовии. Труды НИИЯЛИЭ. – Вып. 71. – Саранск, 1982. – С. 3–17.

130. Мельников, П.И. Очерки мордвы / П.И. Мельников. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. – 136 с.

131. Минеева, Е.К. Аграрный вопрос в первые годы советской власти (на материалах мари, мордвы, чувашей) / Е.К. Минеева // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследования: материалы I Всерос. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. – С. 292–301.

132. Минеева, Е.К. Создание национально-территориальной автономии народов мари, мордвы и чувашей / Е.К. Минеева // Известия Самарского центра РАН. – 2007. – № 2. – С. 373–380.

133. Митропольский, К. Мордва / К. Митропольский // Мирское слово. – 1877. – № 11. – С. 83.

139. Мокшин, Н.Ф. Мордва и вера / Н.Ф. Мокшин, Ю.Н. Мокшина. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. – 532 с.
140. Мокшина, Ю.Н. Брак и семья в обычном праве мордвы / Ю.Н. Мокшина. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. – 256 с.
142. Мордва Заволжья / отв. ред. В.И. Козлов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. – 184 с.
143. Мордва Самарской области. Паспорт этнической группы / авт.-сост. Н.Н. Малкова и др. – Самара: ГУ СО ДДН, 2010. – 44 с.
144. Мордва Самарской области. Паспорт этнической группы. – Самара: ГКУ СО ДДН, 2012. – 48 с.
145. Мордва. Историко-этнографические очерки / отв. ред. В.И. Козлов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. – 332 с.
146. Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского этноса / гл. ред. Н.П. Макаркин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. – 992 с.
147. Мордовская кухня / сост.: С.С. Маркова. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. – 216 с.
148. Мордовский национальный костюм. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. – 384 с.
149. Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Очерки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975. – 432 с.
150. Мордовское население Пензенской губернии, его прошлое и современное состояние. – Пенза, 1927. – С. 1–62.
151. Национально-культурные общественные объединения Самарской области. – Самара: ГУ СО ДДН, 2012. – 49 с.
152. Николаев, С.Д. Возрождающие память / С.Д. Николаев // Финно-угорская газета. – № 6. – 2010. – С. 4.
153. Николаев, С.Д. Мордовская семья в середине XIX в. / С.Д. Николаев // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 1990.

154. Никонова, Л.И. Диалог культур в процессе адаптации мигрантов из Центральной Азии в Республике Мордовия / Л.И. Никонова, Т.В. Гармаева, А.Ф. Мельник. – Саранск, 2007. – 168 с.
155. Никонова, Л.И. Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азербайджанской диаспоры) / Л.И. Никонова, А.Ф. Мельник. – Саранск, 2007. – 176 с.
156. Осипов, А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты / А.Г. Осипов. – СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. – 508 с.
157. Открытие губернии // Самарская Лука. – 2011. – № 18. – С. 25
158. Очерки истории Мордовской АССР. В 2-х т. Т. 1 / под ред. В.Н. Бочкарева, К.В. Кудряшова и др. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1955. – 577 с.; Т. 2. / под ред. В.И. Лебедева, В.В. Максакова и др. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. – 544 с.
159. Павлов, Ю.П. Предания старины далекой / Ю.П. Павлов // Самарская область. Этнос и культура. – 2007. – № 2. – С. 4–8.
160. Паллас, П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи в 1768–1769 гг. / П.С. Паллас. – СПб.: Императорская Академия наук, 1773. – 786 с.
161. Первушкин, В.И. Мордва Пензенской области / В.И. Первушкин, В.Я. Прошкин. – Саранск, 2010. – 154 с.
162. Первушкина, Е.Г. Сохранение и развитие мордовских (мокшанского и эрзянского) языков в Самарской области / Е.Г. Первушкина // Валдо Ойме. – 2013. – № 1. – С. 2–3.
163. Переведенцев, В.И. Методы изучения миграции населения / В.И. Переведенцев. – М., 1996. – С. 192–195.
164. Перетяткович, Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края) / Г. Перетяткович. – Одесса, 1882. – 399 с.
165. Пименов, В.В. Системный подход к этносу (к постановке проблемы) / В.В. Пименов / Расы и народы. Вып. 16. – М., 1986. – С. 13–30.

166. Преображенский, А.А. Об историческом взаимодействии народов Среднего Поволжья и Приуралья в XVII–XVIII вв. (Исследования по истории историографии феодализма) / А.А. Преображенский. – М., 1982. – С. 248–261.

167. Преображенский, П.А. Исторические очерки Самарского края / П.А. Преображенский // Краеведение. Природа и население Самарского края. – Самара, 1924. – С. 174–213.

168. Преображенский, П.А. Колонизация Самарского края / П.А. Преображенский. – Самара, 1923. – 94 с.

169. Преображенский, П.А. Физическая география Самарской губернии / П.А. Преображенский. – Самара, 1928. – С. 76.

170. Прозин, Н. Картины мордовского быта / Н. Прозин // Пензенские губернские ведомости. – 1895. – № 40.

171. Прокина, Т. Коллекция народного костюма мордвы Самарской области в собрании Мордовского республиканского музея изобразительных искусств им. С. Д. Эрзи / Т. Прокина // Самарская область. Этнос и культура. – 2005. – № 2. – С. 74.

172. Пургасов, Д.В. Жизнь дореволюционной мордвы. История, предания, быт, обычаи и верования / Д.В. Пургасов. – М.: ТОО «Эвтаназия», 1995. – 82 с.

173. Пушкарева, Н.Л. Предмет и методы изучения истории «истории повседневности» / Н.Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5. – С. 3–19.

174. Разживин, В.Ф. К вопросу о демографической структуре мордовского сельского населения Куйбышевской области (по материалам экспедиции 1976 г.) / В.Ф. Разживин // Этнокультурные процессы в Мордовии. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. – С. 158–167.

175. Румянцев, Н.В. Масленица / Н.В. Румянцев // Атеист. – М., 1930. – № 49. – С. 66–107.

176. Рычков, П.И. Оренбургские степи в трудах Н.И. Рычкова, Э.А. Эверсмана, С.Я. Неуструева / П.И. Рычков. – М., 1949. – 416 с.

177. Садохин, А.П. Этнология / А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 304 с.

178. Сануков, К.Н. Национальное движение и этническое самосознание финно-угорских народов России / К.Н. Сануков // Финно-угроведение. – 1996. – № 1. – С. 47–51.

179. Сануков, К.Н. Финно-угорские народы России в условиях глобализации / К.Н. Сануков // Финно-угроведение. – 2011. – № 1. – С. 3–11.

180. Сануков, К.Н. Финно-угры и финно-угроведение. Научное издание / К.Н. Сануков. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2012. – 324 с.

181. Святой Алексей, Митрополит Московский и всяя России, чудотворец // Самарские епархиальные ведомости. – 1886. – № 17. – С. 248.

182. Сергеева, О.А. Законодательная база регулирования миграционных процессов в Российской Федерации / О.А. Сергеева // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 1. – Ч. 1. – С. 142–145.

183. Смирнов, И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк / И.Н. Смирнов. – Казань, 1895. – 292 с.

184. Смирнов, И.П. Несколько слов о русском влиянии на инородцев Казанского края / И.П. Смирнов // Изв. о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Т. 5. – Вып. 1. – Казань: тип. Имп. Ун-та, 1886.

185. Смирнов, Ю.Н. Мордва в многонациональном переселенческом движении на земли Самарского Заволжья в XVIII в. / Ю.Н. Смирнов // В тесном соседстве: мордовский народ в истории и культуре многонационального Российского государства: материалы Межд. науч. конф. – Саранск: Изд. Центр Ист.-социол. ин-та, 2013. – С. 345–357.

186. Смирнов, Ю.Н. Причины и принятие решения о создании Самарской губернии: к 160-летию юбилею / Ю.Н. Смирнов // Самарский край в истории России: материалы межрег. научн. конф. – Самара. – 2012. – Вып. 4. – С. 94–107.

187. Сусоколов, А.А. Межнациональные браки в СССР / А.А. Сусоколов. – М.: Мысль, 1987. – 142 с.
188. Сырнев, И.Н. Распределение населения Среднего и Нижнего Поволжья по территории, его этнографический состав, быт и культура / И.Н. Сырнев // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга под ред. В.П. Семенова. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1901.
189. Тавадов, Г.Т. Этнология / Г.Т. Тавадов. – М.: Проект, 2004. – 215 с.
190. Тавадов, Г.Т. Этнология. Учебник для вузов / Г.Т. Тавадов. – М.: Проект, 2002. – 352 с.
191. Таймасов, Л.А. Монастырское движение как отражение модернизационных процессов среди многонационального крестьянства Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. / Л.А. Таймасов // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследования: материалы I Всерос. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. – С. 210–217.
192. Таймасов, Л.А. Нерусские монастыри Казанского края: ориентиры конфессионального обновления (вторая половина XIX века) / Л.А. Таймасов // Acta Slavica Iaponica, 21. – 2004. – С. 104–154.
193. Тишков, В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама», 1999–2011 гг. / В.А. Тишков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Оренбург: ОГАУ, 2011. – 232 с.
194. Тишков, В.А. О феномене этничности / В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 1997. – № 3. – С. 3–21.
195. Тишков, В.А. Очерки теории и политики этничности в России / В.А. Тишков. – М.: Русский мир, 1997. – 532 с.
196. Токарев, С.А. Обычаи и обряды как объект этнографических исследований / С.А. Токарев // СЭ. – 1980. – № 3. – С. 26–37.
197. Трех-вековая годовщина города Самары // Самарские епархиальные ведомости. – 1886. – № 17. – С. 367–368.

198. Трифонова, З.А. Миграционная ситуация в Чувашской Республике / З.А. Трифонова // Миграционная ситуация и миграционная политика в современном мире. – Смоленск, 2003. – С. 211–219.

199. Трифонова, З.А. Территориальная трансформация занятости населения Чувашии / З.А. Трифонова // Проблемы инновационного социально-экономического развития региона: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2006. – С. 401–404.

200. Тумайкин, В.П. Из истории заселения мордвой левобережья Средней Волги (XVIII–XIX вв.) / В.П. Тумайкин // Исследования по истории мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 47. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1971. – С. 73–88.

201. Тумайкин, В.П. Некоторые этнографические особенности мордвы левобережья Средней Волги / В.П. Тумайкин // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1974. – С. 122–137.

202. Тумайкин, В.П. Сведения по материальной культуре мордвы Куйбышевской области / В.П. Тумайкин // Этнокультурные процессы в Мордовии. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. – С. 148–157.

203. Тумайкин, В.П. Семья и семейные отношения у мордвы Самарской губернии в XVIII–XIX вв. / В.П. Тумайкин // Материальная и духовная культура мордвы в XVIII–XIX вв. [Сборник статей]. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1978. – С. 77–86.

204. Федоров, Н. Заметки о мордве села Шенталы / Н. Федоров // Самарские губернские ведомости. – 1863. – № 48. – С. 321–323.

205. Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. А.К. Конюхов. – Сыктывкар, 2008. – 272 с.

206. Финно-угорский мир: история и современность: материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов / отв. ред.: Н.М. Арсентьев. – Саранск, 2000. – 376 с.

207. Фирсов, Н.Н. Колонизация Волжско-Камского края и связанная с ней политика / Н.Н. Фирсов. – Казань, 1930. – 17 с.

208. Чебоксаров, Н.Н. Народы, расы, культуры / Н.Н. Чебоксаров, И.А. Чебоксарова. – М., 1985.

209. Черемшанский, В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении / В.М. Черемшанский. – Уфа, 1859. – 472 с.

210. Шахматов, А.А. Мордовский этнографический сборник / А.А. Шахматов. – СПб., 1910. – 848 с.

211. Этнические общественные объединения Самарской области. – Самара: ГУ СО ДДН, 2008. – 47 с.

212. Этнические средства массовой информации Самарской области. – Самара: ГКУ СО ДДН, 2012. – 48 с.

213. Этнография татарского народа. – Казань: Магариф, 2004. – 287 с.

214. Эфиоров, А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья, Сибири / А.Ф. Эфиоров. – М.: Учпедгиз, 1948. – С. 17–26.

215. Ягафова, Е.А. Самарские чуваша (историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX вв. / Е.А. Ягафова. – Самара: ИЭКА «Поволжье», 1998. – 369 с.

216. Ягафова, Е.А. Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.) / Е.А. Ягафова. – Чебоксары, 2007. – 530 с.

217. Якунчева, М.Г. Традиционное застолье в структуре повседневной и обрядовой жизни мордовского этноса / М.Г. Якунчева // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья : сб. науч. статей по материалам Междунар. науч. конф. Т. 2. Ч. 1. Проблемы истории и геополитики. – Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И. Я. Яковлева, 2006. – С. 338–345.

7. Авторефераты и диссертации

218. Ведерникова, Т.И. Формирование этнически смешанного населения Степного Заволжья (Самарской губернии) в середине XVII – середине XIX в. / Т.И. Ведерникова. – Дис... канд. ист. наук. – М., 1981. – 178 л.

219. Корнишина, Г.А. Сельская семья мордвы Самарского Заволжья / Г.А. Корнишина. – Автореф. дис... канд. ист. наук. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1992. – 20 с.

220. Корнишина, Г.А. Сельская семья мордвы Самарского Заволжья / Г.А. Корнишина. – Дис... канд. ист. наук. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1992.

221. Серов, А.А. Народные традиции сохранения здоровья и физического воспитания у мордвы : конец XIX – начало XX в. / А.А. Серов. – Дис... канд. ист. наук. – Саранск, 2008. – 190 с. с прилож.

222. Тумайкин, В.П. Соседская община заволжской мордвы в пореформенный период (по материалам Самарской губернии) / В.П. Тумайкин. – Дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1974. – 196 с. с табл.

223. Тумайкин, В.П. Соседская община заволжской мордвы в пореформенный период (по материалам Самарской губернии) / В.П. Тумайкин. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 1974. – 24 с..

224. Фролова, Е.В. Современные этнические процессы в среде групп этнических меньшинств (на примере городов Казань и Набережные Челны Республики Татарстан) / Е.В. Фролова. – Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Саранск, 2007. – 22 с.

Приложения

Приложение 1

Иса克林ский район (1970 г.)

Мордва проживала в 24 населенных пунктах, из них мордовских – 16.

Ишуткинский сельский совет

1. с. Мордовское Ишуткино
2. д. Ромодановка
3. д. Средняя Алексеевка
4. д. Кармалка
5. пос. Петровка

Мордово-Аделяковского сельского совета

1. с. Мордово-Аделяково
2. пос. Асказанка
3. пос. Нижняя Алексеевка
4. пос. Ивановка

Иса克林ский сельский совет

1. с. Багряш
2. д. Новый Байтермиш

Старовечкановский сельский совет

1. с. Старое Вечканово
2. д. Каргала
3. д. Черная Речка
4. д. новое Вечканово
5. пос. Сосновка

Мордовско-русских – 3

1. Центральная усадьба совхоза «Рассвет»
2. пос. Красный Городок
3. д. Валентиновка

Мордовско-украинских – 2

1. пос. Семь Ключей
2. четвертое отделение совхоза «Рассвет»

Мордовско-чувашских – 1

пос. Красный Боец

Наличие церквей

Составлен по: Список населенных мест Самарской губернии, составлен в 1900 году секретарем Самарского Губернского Статистического Комитета И. А. Протопоповым. – Самара, 1900. – С. 167–237.

Бугурусланский уезд

Аманакская волость: Слобода Аманакская – русские и мордва, с. Старое Мансуркино – мордва и татары;

Архангельская волость: с. Архангельское (Ключи тож) – мордва, с. Ега – мордва;

Баклановская волость: с. Петровка – мордва;

Боголюбовская волость: с. Захаркино – мордва;

Боклинская волость: с. Мордовская Бокла – мордва;

Больше-Сурметевская волость: с. Большой Сурмет – мордва;

Вечкановская волость: с. Вечканово (Богородское тож) – мордва;

Дмитриевская волость: с. Верхнее Павлушкино – мордва;

Емантаевская волость: с. Васильевка (Сарайгирь) – чувашаи и мордва;

Емельяновская волость: с. Камыш-Садак – мордва;

Ефремо-Зыковская волость: с. Егорьевска – русские и мордва;

Знаменская волость: с. Нойкино – мордва;

Ключевская волость: с. Семеновка – русские, чувашаи и мордва;

Коровинская волость: с. Коровинь – мордва и русские;

Мартыновская волость: с. Мартыновка (Елань) – мордва и русские;

Матвеевская волость: с. Кузькино – мордва и русские;

Подбельская волость: с. Мордовское Аделяково – мордва;

Пономаревская волость: с. Борисовка - мордва и русские;

Пригородная волость: с. Кирюшкино – мордва;

Рождественская волость: с. Рождественское (Морд. Бугуруслан тож) – мордва, с. Панькино – мордва;

Смольковская волость: с. Таузаково – мордва;

Иса克林ская волость: с. Исаклы - мордва и русские;

Сок-Кармалинская волость: с. Сок-Кармала - русские, чувашаи и мордва;

Сосновская волость: с. Ишуткино (архангельское тож) – мордва;

Старо-Соснинская волость: с. Старые сосны – мордва;

Степно-Дурасовская волость: с. Борискино-Игарь – мордва, с. Старый Байтермиш – мордва;

Стюхинская волость: с. Стюхино - русские, чувашаи и мордва;

Тимошкинская волость: с. Тимошкино – мордва, с. Борискино – мордва, с. Зернаевка (Новые Узели) – мордва;

Толкаевская волость: с. Малый Толкай – мордва, с. Большой Толкай – мордва, с. Ерзовка (Фролкино тож) - мордва и русские.

Бузулукский уезд:

Борская волость: с. Коновалоска (Ивановка тож) - мордва и русские;

Герасимовская волость: с. Герасимовка – мордва, русские и малороссы, с. Спиридоновка - мордва и русские;

Домашкинская волость: с. Никольское – малороссы и мордва;

Зуевская волость: с. Куляшевка - мордва и русские;

Курманаевская волость: с. Курманаевка - русские, чувашаи и мордва;

Лобазинская волость: с. Лобазы – мордва, с. Шулаевка – мордва;

Любимовская волость: с. Любимовка – русские, малороссы и мордва;

Максимовская волость: с. Максимовка - мордва и русские, с. Съезжее (Леонтьевка) - мордва и русские;

Пронькинская волость: с. Каменка - мордва и русские;

Ромашкинская волость: с. Семеновка - мордва и русские;

Старо-Тепловская волость: с. Новая Тепловка - мордва и русские, с. Нижняя Вязовка - русские, чувашаи и мордва;

Суриковская волость: с. Домашка (Волынка тож) - мордва и русские;

Тупиковская волость: с. Алдаркино (Подколочное тож) - мордва и русские;

Усманская волость: с. Перовка - мордва и русские, с. Благодаровка - мордва и русские;

Черновская волость: с. Черновка - мордва и русские.

Расселение мордовского населения по муниципальным территориям
Самарской области (по переписи 2002 года)

№	Территория	Количество всего	Мужчин	Женщин	% к общей числ.насел.террит.
1	г. Самара	17861	7641	10220	1,518
2	г. Тольятти	14611	6756	7855	2,043
3	г. Сызрань	2177	1012	1165	1,157
4	г. Новокуйбышевск	2160	928	1232	1,875
5	г. Жигулевск	1087	480	607	1,798
6	г. Кинель	892	431	461	1,680
7	г. Октябрьск	335	137	198	1,155
8	г. Отрадный	2773	1240	1533	5,541
9	г. Похвистнево	2345	996	1349	8,091
10	г. Чапаевск	1113	427	686	1,506
11	Алексеевский	132	53	79	1,007
12	Безенчукский	822	386	436	1,887
13	Богатовский	410	167	243	2,634
14	Большеглушицкий	287	118	169	1,327
15	Больше- черниговский	495	240	255	2,384
16	Борский	1143	505	638	4,619
17	Волжский	4539	2079	2460	5,848
18	Елховский	201	88	113	1,973
19	Иса克林ский	2873	1334	1539	19,500
20	Камышлинский	176	78	98	1,483
21	Кинельский	1496	670	826	4,907
22	Кинель-Черкасский	1590	694	896	3,250
23	Клявлинский	4545	2066	2479	27,651
24	Кошкинский	1329	617	712	5,266
25	Красноармейский	730	331	399	3,800
26	Красноярский	2412	1069	1343	4,383
27	Нефтегорский	792	359	433	2,456
28	Пестравский	324	152	172	1,767
29	Похвистневский	5270	2461	2809	17,462
30	Приволжский	605	288	317	2,464
31	Сергиевский	2386	1139	1247	4,872
32	Ставропольский	2532	1151	1381	5,606
33	Сызранский	502	241	261	2,095
34	Хворостянский	185	80	105	1,149
35	Челно-Вершинский	910	438	472	4,836
36	Шенталинский	3339	1602	1737	18,258
37	Шигонский	621	306	315	2,632
	ВСЕГО:	86000	38760	47240	

Расселение мордовского населения по муниципальным территориям Самарской области (по переписи 2010 года)

№	Территория	Количество человек
1	г.о. Самара	12542
2	г.о. Жигулевск	818
3	г. о. Кинель	670
4	г.о. Новокуйбышевск	1491
5	г. Октябрьск	134
6	г. Отрадный	1882
7	г.о. Похвистнево	1907
8	г.о. Сызрань	1508
9	г. Тольятти	12356
10	г.о. Чапаевск	715
11	Алексеевский	586
12	Богатовский	239
13	Большеглушицкий	201
14	Большечерниговский	328
15	Борский	720
16	Волжский	3372
17	Елховский	160
18	Иса克林ский	2262
19	Камышлинский	141
20	Кинельский	1137
21	Кинель-Черкасский	1135
22	Клявлинский	3825
23	Кошкинский	980
24	Красноярский	1917
25	Нефтегорский	591
26	Пестравский	229
27	Похвистневский	4344
28	Приволжский	469
29	Сергиевский	1840
30	Ставропольский	2065
31	Сызранский	435
32	Хворостянский	152
33	Челно-Вершинский	621
34	Шенталинский	2587
35	Шигонский	429

Наличие мордовского городского и сельского населения в Самарской области по переписи 2010 г.

	Городское и сельское население			Городское население			Сельское население		
	муж- чины и жен- щины	муж- чины	жен- щины	муж- чины и жен- щины	муж- чины	жен- щины	муж- чины и жен- щины	муж- чины	жен- щины
морд ва	65447	29487	35960	36425	16124	20301	29022	13363	15659
мок ша	85	38	47	68	33	35	17	5	12
эрзя	2328	1086	1242	318	149	169	2010	937	1073

Сведения об изучении мордовских (мокша, эрзя) языков в школах Самарской области на 2003–2004 учебный год

№ п/п	Наименование		Родной язык	Форма изучения	Численность учащихся			Итого
	района	Школы			1-4 кл.	5-9 кл.	10-11 кл.	
1	Борский	Коноваловская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	-	48	62	20	130
		Благодаровская школа основного общего образования	Эрзя	-	17	33	-	50
2	Волжский	Подъем-Михайловская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	-	120	169	59	348
3	Иса克林ской	Мордовоишуткинская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	-	13	27	10	50
		Мордовоаделяковская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	-	13	45	23	81
		Сокская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	-	47	87	29	163
		Старовечкановская школа среднего (полного) общего образования - эрзя	эрзя	-	22	44	23	89
		Багряшинская школа основного общего образования	эрзя	-	12	27	-	39
4	Кинельский	Язевская школа основного общего образования	эрзя	-	26	26	-	52
5	Клявлинский	Старомаклаушская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	-	42	57	24	123

		Старобайтермишская школа начального образования	эрзя	-	13	-	-	13
		Клявлинская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	-	341	641	198	1180
6	Кошкинский	Новокармалинская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	-	47	69	28	144
		Степношенталинская школа основного общего образования	эрзя	-	7	10	-	17
		Хуторшенталинская школа начального общего образования	эрзя	-	11	-	-	11
7	Красноярский	Старобинарадская школа среднего (полного) общего образования	мокша	Предмет	22	40	4	66
		Шиланская школа среднего (полного) общего образования – эрзя	эрзя	-	31	56	30	117
8	Похвистневский	Большетолкайская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	Предмет	63	152	31	246
		Малотолкайская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	факультативно	56	76	24	156
		Красноключевская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	факультативно	27	41	14	82
		Егинская школа основного общего образования	эрзя	-	21	17	-	38
		Нижнеягодинская школа начального образования	эрзя	-	15	-	-	15
9	Сергиевский	Захаркинская школа основного общего образования	эрзя	факультативно	39	47	-	86

		зования						
		Мордовоселитьбинская школа основного общего образования	эрзя	факультативно	20	18	-	38
10	Ставропольский	Бахилевская школа среднего (полного) общего образования	мокша	-	34	70	20	124
		Верхнесусканская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	-	18	34	7	59
		Пискалинская школа среднего (полного) общего образования	мокша	-	70	135	41	246
		Лопатинская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	-	10	20	5	35
		Верхнесанчелевская школа среднего (полного) общего образования	мокша, русские	-	52	94	20	166
		Нижнесанчелевская школа среднего (полного) общего образования	мокша, русские	-	79	103	23	205
		Новобинарадская школа среднего (полного) общего образования	мокша, русские	-	36	70	26	132
		Подстепкинская школа среднего (полного) общего образования	мокша, русские	-	154	210	47	411
		Узюковская школа среднего (полного) общего образования	мокша, русские	-	95	126	35	256
		Ягодинская школа среднего (полного) общего образования	мокша, русские	-	121	170	49	340
11	Челновершинский	Сиделькинская школа среднего (полного) об-	эрзя	Факультативно	31	58	24	113

		щего образования						
		Староаделяковская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	-	17	39	14	70
		Старо-эштебенькинская школа среднего (полного) общего образования	эрзя, русские, чуваши	-	46	77	44	167
		Чувашскоурьметьевская школа среднего (полного) общего образования	эрзя, русские, чуваши	-	35	44	27	106
12	Шенталинский	Баганинская школа основного общего образования	эрзя	Предмет	18	35	-	53
		Васильевская школа основного общего образования	эрзя	Предмет	20	46	-	66
		Старосурскинская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	Предмет	9	28	27	64
		Старошенталинская школа среднего (полного) общего образования	эрзя	Предмет	24	68	18	110
		Тимяшевская школа основного общего образования	эрзя	Предмет	14	16	-	30
		Сенькинская школа основного общего образования	эрзя	Предмет	16	30	-	46
		Семеново-Шарлинская школа начального общего образования	эрзя	Предмет	2	-	-	2
13	Шигонский	Луговская школа основного общего образования	эрзя	-	19	-	-	19
Итого:					2039	3325	944	6308

Полевые материалы автора

Клявлинский район

с. Старые Сосны: Дачкина Марина Николаевна 1967 г. р., Шамкина Татьяна Фоминична 1949 г. р., Еремеева Вера Серафимовна 1942 г. р.

с. Новые Сосны: Игнатъев Геннадий Владимирович 1967 г. р.

Шенталинский район

с. Тимяшево: Васильева Екатерина Михайловна 1962 г. р.

с. Багана: Сидоров Сергей Васильевич 1963 г. р., Сидорова Людмила Михайловна 1960 г. р.

с. Шентала: Логинова Галина Юрьевна 1977 г. р., Яковлева Тамара Александровна 1960 г. р., Осипова Валентина Никаноровна 1964 г. р., Волкова Татьяна Ивановна 1943 г. р.

Похвистневский район

с. Большой Толкай: Рябова Галина Андреевна 1970 г. р., Кудашкина Нина Николаевна 1969 г. р.

Исаклинский район

с. Вечканово: Мещанова Татьяна Федоровна 1950 г. р., Захарова Елена 1979 г. р., Глухова Татьяна 1978 г. р.